

Эдемский Маг

Великая Магическая Война уже отгремела, только приблизив конец света. Последнее солнце освещает этот мир, последние минуты текут для его людей, но всё ещё есть Верховный архимаг, способный отстоять каждый дом, каждого человека в умирающем Нижнем мире.

Саркис же бросает ему вызов, желая получить ответы на все свои вопросы. Ведь он так долго ждёт эту встречу. Встречу с Ним, предрешённую самой судьбой! Встречу с тем человеком, который готов встать на пути хоть самого Бога!

Могут ли жить люди хорошо в том месте, где они отбывают собственное наказание? Преступив правила и устои мира, отринув своего родителя, уничтожив свой дом, могли ли они рассчитывать на благополучие и счастье в Нижнем мире, мире для таких же преступников?

Люди всегда верят и надеются. Они никогда не отчаиваются и идут вперёд, стремятся построить свой дом и дом ближнего. Они никогда не опускают голову, всегда борются, меняют себя, других и весь большущий мир вокруг. Но как бы они не пытались, законы мироздания изменить было неподвластно никому. Механизмы мира были постоянными, как рассветы и закаты.

Стоит ли ради свободной жизни без правил, ради попытки стать могущественным и сильным в других землях, ради этой иллюзии божественной жизни сжигать свой дом, прощаться с родными, воевать и предавать, стремиться схлопнуть старый и родить новый мир? Можно ли было избежать мирских наказаний и достичь способностей Отца и Создателя? Стоило ли идти рука об руку с такими людьми? А если и стоило, то был ли верным тот путь? Прав ли был тот человек? Не привёл ли он Нижний мир к своему закату?

Потомки людей с Эдема, в давнюю пору вкусивших запретные плоды, хотели всё больше и больше. Отвернувшись от своей настоящей божественной жизни, они искали счастье в другом мире, среди тех людей, жизнь которых была так коротка и по-настоящему незавидна... Представления о земной жизни не совпали с ужасной реальностью, ведь каждый из эдемских братьев совсем скоро познакомился с сединой, болезнями, со смертью. Пожалели ли они? О чём думали перед своей кончиной? Проклинали ли того змея, за юрким чёрным хвостом которого поспешили в неизведанные дали? Дали, которые считались такими вольными, свободными, просторными, райскими землями, в реальности оказавшиеся безрадостными, полными горестей, разочарований, конфликтов и смертей. Добровольно уйдя от счастья, Дети Бога столкнулись со своей смертью, лишь в последний миг спросив себя: «Стоила ли такая жизнь предательства собственного Создателя? А если не стоила, то что же совершил каждый из них на самом деле? Какова была цена их измены? Заслужат ли они когда-нибудь достойного упоминания в истории или же они ушли, навсегда став самовлюблёнными детьми, которые повелись на дешёвые сказки о лёгкости мирской жизни и возможности творить свой мир, обладая божественными силами Творца, Создателя, Бога?»

Они хотели творить, но жизнь расставила все фигуры на свои места, убив в зародыше мысли о безграничности их силы и уникальности собственного существования. Они всегда были наивными детьми, которых легко можно было соблазнить, переманить, обмануть и использовать. Они были теми детьми, которые, несмотря на прожитые года, всё никак не менялись, оставаясь падкими на сказки о власти над другими людьми, другими землями, в которых не было бы контроля родного Отца.

Партия подходила к концу. Пешки были давно поставлены рядом с доской. Никто и не смотрел в сторону выбывших из игры эдемских жителей, братьев Саркиса и последователей Демиурга. Пешки не стоили слёз, не стоили они и внимания, сострадания. Они просто были в стороне, наблюдая за ходами влиятельных фигур, ведь на большее они никогда и не были способны.

Саркис. Эдемский маг. Фигура, чей потенциал мог серьёзно повлиять на ход игры. Остановить его нельзя, вряд ли что-нибудь дельное получилось бы даже с самых отчаянных попыток, ему можно лишь не позволять делать ходы на поздних стадиях партии. Только так можно было бы обеспечить хороший исход игры.

Авиад. Старик. Закат этой эпохи, мечтавший стать рассветом новой, молодой, собственной эры. Его амбиции и были для него главной проблемой. Он не хотел видеть истину, предпочитая плавать в тоскливом, лживом море мечтаний и грёз. Уйдя в свои мысли, он окончательно утратил связь с реальным миром, становясь пешкой в руках других фигур. По-прежнему был опасен, хоть ошибки петляли за ним как собственные следы, оставленные на жёлтом, сыпучем песке. Ошибки ошибками, но волевой стержень старик имеет, может доставить предостаточно хлопот.

Вальтер был неоднозначен. Силён, верен своему делу, живуч (да ещё как живуч!) Всегда идущий до конца, умный, дальновидный, по мышлению типичный стратег. Только времени на стратегию не оставалось. Вальтер, с потерей драгоценных часов, станет только наивнее, импульсивнее и глупее. Не имея временного простора, он мог перестать быть тяжёлой фигурой, надежда была на его ошибки по ходу игры.

Акбек был больше похож на пешку, пассивную и любящую топтаться на одном месте, восхищавшуюся живописными пейзажами, которые, словно лес, окружали его со всех сторон. Угрозой не являлся и являться не будет. Его фигура покинула шахматную доску. Навсегда. Навечно. Зритель этой партии досмотрел историю, померев по воле Вальтера. Того самого Вальтера, что так уважал и ценил людей, взяв и погубив несчастного, лысого парнишку. Импульсивное и с его стороны бесчеловечное движение. Сразу было видно, что этот ход был сделан на чистых эмоциях. Всё же Верховный архимаг был человеком, как и почивший зритель, видевший удовольствие только в лицезрении великих событий.

Крис. Милая девчушка. Владеет некромантией также, как и покойный Дамир. Искусственно выращенная для Плана фигура, в отрыве от Авиада не рассматривается.

Дамир, бывший ранее главным некромантом в общей схеме Плана, судя по всему, выбыл из игры. Как бы он ни был хитёр, коварен и смел, даже таких людей брал простой огонь, простая магия, лёгкие ошибки и собственная неосторожность.

Все оставшиеся в живых фигуры стояли на шахматной доске. Обладали ли фигуры волей? Или всё их движение заключалось в мыслях и движениях играющего? Могли ли фигурки совершить свой собственный шаг? Вольно воздев руку, провозгласить себя независимой и самостоятельной личностью? Или до самого конца партии их жизнями распоряжались весёлые игроки? Кто имел право управлять людьми? Скорее всего только Создатель, Бог, который создавал судьбу каждого человека, давал ему испытания, наказывал за проступки. Кем же был тогда второй игрок, стремящийся обыграть Отца? Наверное тем человеком, что бросил вызов Родителю, тем человеком, что ощущал себя творцом.

Разве не ужасно всё это? Разве не гнусно? Каждую из фигур на шахматной доске лишали судьбы, жизни, воли, в руках игроков они были простыми орудиями, молчаливыми рабами, жизни которых были необходимы для решения давнего, дикого спора, не стоящего того, что на кону стояла судьба целого мира и всего человечества!

Ошибка Бога была в том, что он, как маленький обиженный ребёнок, повёлся на дешёвую и самоубийственную игру, где в его божественных руках была только одна влиятельная фигура, был только Саркис, его самое сильное и единственное оружие. То была глупость, но ничего повернуть вспять Создатель уже не мог. Оставалось идти до конца,

только до победы.

Доска, как и сама белая, невесомая фигура Бога, плавала посреди яркой цветастой бесконечности. Напротив был его враг, Сын, его потомок, сейчас смотрящий на Отца как на самого главного противника в этом мире.

Сын был златовлас, Бог же светился благостным белым светом, его синие волосы развевались на здешнем ветру, а суровое лицо выглядело изнурённым, изнеможённым, уставшим, но далеко не отчаявшимся. Сын же противно улыбался, обнажая идеально ровные зубы. Уверенный в себе, посмеивающийся, он смотрел на Отца так, будто победа его была давно предрешена, словно он задолго до конца видел финал партии. Финал, залитый кровью, наполненный болью и смертями невинных.

— Не думай что ты выиграл, — басил Бог, такой огромный и величавый, несомненно заслуживающий уважения и почитания. — Не за количеством игроков будет победа, а за их качеством.

Златовласый юнец лишь безумно смеялся, кладя ладонь свою на идеальный белый лоб:

— Победа не за качеством, пап, а за стратегией, ты то должен это знать, старина. Твоя фигурка никогда не сможет переиграть мой План, как бы она ни старалась, — продолжал смеяться юнец, чуть погодя, спросив. — А знаешь почему, Отец? Знаешь почему Саркис не тот человек, что победит меня? Знаешь, почему твоя ставка так неоправданна?

Бог прищурил свои светящиеся глаза. Небольшая, но пышная борода развевалась в воздухе, волосы и просторная одежда отражали блеск сотен и сотен звёзд, что сейчас проносились по обе стороны от игроков, решавших судьбу целого мироздания.

Бог всё думал, размышлял, приходя к неутешительному выводу: он создал идеального человека, что поставил его в тупик в считанные мгновения одним своим вопросом:

— И почему же? Ответь мне, Демиург. Ответь!

Самодовольный, златовласый юноша снова рассмеялся, небрежно делая ход своим тонким, белым пальчиком, аккуратным и аристократичным как и его одеяния. Одеяния Бога Нового мира!

— Пап, ты сделал ставку на грубую силу. Твои методы устарели, как и созданные тобою правила. Такие дикие и безнадёжно глупые правила, не способные исправлять людей, наставлять на путь истинный. Ты проиграл ещё тогда, когда отказался признавать силу нового поколения. Когда...

— Заткнись, сопляк! — тяжёлый, белый кулак бухнулся о край доски и расколол её, разломал, заставив Демиурга заулыбаться ещё сильнее, ещё шире, ещё пакостнее. Молнии, волнами расходящиеся от грубого божественного кулака, чиркнули одну из выбывших фигур, возможно Акбека, возможно Дамира, заставив её ярко вспыхнуть, как свечку в тёмной ночи. — Моя ошибка лишь в том, что я согласился играть с таким как ты. С обычным мятежником...

— Не ври мне. Никто не бросал тебе ранее вызов, — зашептал Демиург, видя эмоции в глазах Бога. Гнев, ненависть, смятение. — Тебе стоит признать, что мои амбиции и сила приближают меня к новому Создателю, к родителю нового, светлого мира. Тебе придётся это признать, сейчас или потом, это уже не столь важно. Я — как ты. А ты — как я.

— Заткнись, щенок! Не преувеличивай собственную силу и могущество. Вся твоя жизнь — это нелепое стечение обстоятельств. Это случайность, это нелепая ошибка...

— Говори так, пока я становлюсь на вершину олимпа, старик. Ты же знаешь кто куёт чужие судьбы, — хохотал Демиург, пока белый, жилистый кулак всё сильнее и сильнее

давил на шахматную доску, уже покрывшуюся ветвистыми, как молния, трещинами. — Ты творишь судьбы, создаёшь ситуации. И только над моей судьбой ты оказался неподвластен. Сам ответишь почему или мне сказать? — юнец ликовал.

— Ребёнок, не смей обращаться ко мне как к другу, — оба кулака разрядились друг о друга и рухнули вниз, снова задев игровую доску да исказив пространство, запутывая цвета, создавая цветастые мельтешения, круша ударной волной целые мириады неистово кружащихся вокруг них звёзд, заставляя их разлетаться на части под ужасный, закладывающий уши грохот.

— Молчи, Демиург, молчи. Не смей додумывать и лгать, ты возомнил о себе слишком много! Тебе кажется что твой мятеж приведёт мир к лучшему будущему, ты с самого начала хотел могущества, силы, ты мечтал о том, чтоб люди преклонялись перед тобой. Ты никогда не хотел жить как все люди в Нижнем мире, ты никогда не мечтал об обычной мирской жизни. Ты, тот самый чёрный шипящий змей, который лгал своим последователям, искушал их, предавал. Ты с самого начала возжелал всего и сразу. Ты захотел уважения, известности, богатства, ты захотел того, о чём никто и подумать не мог, — гневно продолжал Бог, уже пожалев о том, что позволил эксперименту «сверхчеловек» воплотиться в этом и без того тяжёлом мире. Создатель не должен был создавать соперников, он должен был создавать и воспитывать людей, настоящих хороших людей, дарить жизнь, мир, добро и процветание. Жалко, что он понял это лишь в конце этой длинной игры. — Демиург, если б твои действия сулили миру добро... Пойми, малыш, ты шагнул на путь зла. Ты столько погубил ради своих идей, воплощения которых я никогда не допущу. Ты поставил на кон всех тех, ради кого трудился, которых полюбил ещё очень давно, ещё в эдемском саду, ты пожертвовал теми, кто поверил тебе и был готов поддерживать до самого конца. Знаешь кого ты предал?

Демиург, казалось, гнилостно смеялся, хоть его уста и были прочно закрыты. Бога он слушать не собирался, он был не ровня таланту златовласого короля новой эры. Эры законов и правил нового мира.

— Ты предал простого человека, Демиург. И именно это я тебе и не прощу. Ты творил только зло, когда мог преображать и менять мир даже в согласии со мной, — пробасил Бог и некая тяжесть, давно ему мешавшая, будто бы пропала, заставив лёгкие вольно вдохнуть здешний иномировой воздух.

Демиург усмехнулся, а в его глазах было только безумство да пламенный яркий огонь, загоревшийся от собственных чудовищных идей:

— Зла и добра не существует, их придумали люди как и все остальные рамки, мешающие вознестись над тобой и создать собственный мир. Ты — причина отсутствия развития мира. Ты — его отсталость. Отец, ты не представляешь сколь много ты мог поменять не ссорившись со мной и обладая моим умом, молодостью, моей ясностью ума...

— Не называй меня отцом. Я не хочу иметь с тобой ничего общего. Я разочарован в тебе. Ты же был самым лучшим, красивым, умным... Что же заставило тебя пойти на этот путь, что заставило посчитать Эдем — тюрьмой? Неужто я сделал тебе что-то не так? Обидел, недооценил, не позволил? — сердце Бога словно таяло на глазах. Та нежность, с которой он говорил, была так несвойственна ему. Всё-таки он был похожим на человека, он тоже был падким на эмоции.

— До чего же ты глуп... Того, что ты нам давал было крайне мало. Ты не давал свободы, ты мешал познать весь этот мир, заперев нас в каком-то саду. И каким бы прекрасным он с виду не казался, его суть была заключить в клетку все наши мысли, силы и возможности.

Твой механизм привёл лишь к твоему проигрышу, старик. Я изначально говорил это тебе, я намекал, я правда старался. Но ты эгоистичен, Бог. В этом вся истина. Ты боялся потерять силу, власть, ты боялся прогресса. Именно поэтому тебе пришлось принять мой вызов, — златовласый юноша был непоколебим. Он наблюдал и наблюдал за Богом, мир которого с каждой секундой всё больше и больше падал в самую настоящую бездну.

Партия подходила к концу, но игра всё ещё могла полностью измениться. Эти игроки продолжали играть жизнями людей и каждый из них был готов стереть мир в порошок за свою собственную правду.

Они шли. Шли босые, в одном оборванном тряпье, запыхавшиеся, потные, уставшие, но они шли дальше, зная, что от их скорости зависит дальнейшее существование всего человечества. В их тонких, ссохшихся руках было по небольшой чёрной сумке, буквально ломившейся от свежей маны, мощным потоком текущей внутри небольших синих камешков. Те стучали, звонко ударялись друг от друга, бренчали, как бокалы на праздничном столе. То были билеты для избранных, то были билеты для тех, кто также вступил бы в новый мир. Мир без злобы, преступников, подонков и тварей. Мир, где правил бы Авиад с прекрасной, сексуальной некроманткой, с настоящей красавицей, принцессой, королевой.

После пустыни эти небольшие ухоженные города казались настоящим раем. Пот всё ещё стекал со лбов уставших рабов, но бодрый, свежий ветер оживлял каждую клетку магов, сейчас ставших почтальонами, словно они и не были всю жизнь башенным планктоном.

Вот и первые люди показались из-за поворота, радостно осматривающие привольные улочки ухоженного городка, сейчас утонувшего в свежести и благостном свете утреннего солнца.

Камень истошно завибрировал и один из почтальонов кивнул, направляясь аккуратно к важному, статному мужчине, поправляющему свой костюмчик да покашливающему в крепкий кулачок.

— Аккуратней будьте пожалуйста, не тараньте вы так людей. Проходимцы... — начал было ворчать аристократ, только сейчас заметивший бьющийся, как пышущее жаром сердце, синий камешек. — Что это? Такая инородная сила, помимо простых потоков маны в ваших слабых телах... Это от Авиада? — поднял бровь маг, только сейчас увидящий лёгкий кивок уставшего и валящегося с ног раба. — Передавайте привет старине, скажите, что я очень жду применения его дара. И не я один, все мои знакомые ожидают свои артефакты, — крепкая рука схватила телепортационный камень, а другая рука отсыпала немного золотых монет в дрожащую руку почтальона.

Тот всхлипнул и пал ниц, пересчитывая горстку монет. И почтальон ещё долго твердил своё «спасибо», хоть аристократа давно и след простыл. Авиад старался только ради себя и своих людей, забывая о жизнях и радостях простого человека, без труда которого его Плану пришёл бы немедленный конец. И сейчас, за час до конца мира, простой человек рыдал, понимая, что на него такого камня не хватит и единственная уготованная трудяге участь — мучительная смерть от агонии старой реальности.

Глава 1

Сколько может продолжаться эта мука? Вальтер не знал. Вальтер ждал, пока его спасут. Но помощь всё не шла.

Огонь с аппетитом пожирал его тело, съедая кусочек за кусочком. Яркий, буйный, как зверь, огонь стремился уничтожить этого человека, превратить его в пепел, в жалкие, чёрные, дымящиеся остатки. Знаете как это больно, гореть в огне? Зная, что подобной участи можно было избежать, зная, что отчасти мера была более чем справедливой, зная, что совсем скоро наступит смерть и ты таки останешься лежать посреди этих деревянных обломков, брусьев, старых гнилых досок.

Боль была адская. Разрывающая, съедающая, неистовая. Но Вальтер терпел, в глубине души надеясь на спасение. Хотя стоило ли его спасать? После всего, что он сделал? После всех бед, которые он причинил людям?

Нет! Ему было всё равно заслуживал ли он спасения или нет. Он хотел жить, хотел дышать, хотел наслаждаться миром, частью которого стал давным давно.

Но его никто не спасал. Проходило время, но никто не приходил к нему, к Вальтеру. Над ним поиздевались, его расчленили и бросили в огонь, будто и не было другого способа убить его. Он даже перестал чувствовать боль...

По началу всё это казалось адом, но сейчас парнишка понял: совсем скоро наступит его смерть. Буквально пара минут, и его глаза больше не увидят этого прекрасного мира, сердце не застучит, а губы не познают поцелуя.

Вот горячие языки пламени лизнули его щеку, лизнули красивые губы, подобрались к его глазам, лбу и волосам.

Вальтер был красивым мальчиком. Родясь весь в мать, он выглядел таким милым, добрым и наивным. Он выглядел как принц. И для принца ему не хватало лишь белого, гордого коня.

Почему же жизнь подвела его к этому моменту? К этому яростному пламени, к этим страданиям, к этой неопишуемой боли?

Глаза чувствовали жар, жар чувствовали и ноздри. Вокруг трещали доски, сгорая в чудовищном пламени. Они распадались на мелкие части, пропадали в ярком пышущем зареве, пропадали также, как тело Вальтера, сейчас полностью утонувшее в горячем океане.

Если его не спасут, неужели это последние моменты в его жизни, последняя боль, последние мысли, последние чувства? Раскаивается ли Вальтер перед всеми людьми, которых он подвёл? Может и да. Может только сейчас он осознал, сколько плохого совершил людям, как разрушил их жизни, как послужил причиной их бедствий.

Хотел бы он всё исправить? Может и хотел. Но как всё повернуть вспять? Как исправить все ошибки? Даже не так — как ему выбраться из этого горящего дома? Как сбросить с себя эти обжигающие огненные волны?

Рот давно горел. Парень никогда не чувствовал такую боль! Каждая клетка его тела горела и Вальтер только сейчас запаниковал, осознав одну мысль — он хочет жить. Хочет познать простые жизненные ценности, хочет помочь матери, спасти её от голода. Этот умирающий подросток мечтает научиться зарабатывать деньги честно, своими руками, своими способностями и умениями. Но как теперь выбраться? Как перестать слушать этот громкий треск, этот шум бушующего пламени, этот стук отчаянно забившегося сердца,

мечтающего выпрыгнуть из тела и насладиться красотами Нижнего мира в последний момент? Вся жизнь пронеслась перед глазами, каждая частичка тела чувствовала стремительно приближающуюся смерть. Всё происходило также, как представляли все ребята во дворе в далёком-далёком детстве. Всё было таким же страшным, чудовищным, медленным и мучительным. Умирать было ужасно. Умирать не хотелось. Ты сразу представлял как мог бы поменяться, измениться, как мог бы стараться ради других людей, как мог быть полезен. Наверное именно от таких осознаний и полились слёзы из глаз Вальтера. Горькие и горячие, скатывающиеся по лицу, аккуратно в беснующийся огонь, в его оранжевые языки, в его ловкие, тонкие щупальца. Почему Вальтер плакал, чувствуя свою смерть? Он же ведь всегда был готов даже к такому исходу ради денег, ради семьи. Парнишка был готов умереть с самого начала своего тернистого пути. Почему же сейчас его решимость дрогнула, словно сгорая в неистовом пламени?

Больше он никогда ни заговорит, ни улыбнётся, ни поглядит на родную матушку. Вальтер был преступником и негодяем, так и умрёт злодеем для всех людей. Злодеем и подлецом. И эти мысли сжигали его душу, которая погибала вместе с телом под натиском неистовой по мощи стихии.

Только лоб да глаза оставались нетронутыми огненными плетями, которые по-прежнему опутывали тело юнца. Глаза почти не видели, только смутно наблюдали тень пламени на далёком, деревянном, хрупком потолке. Тени плясали, как демоны в аду. Тени плясали, и эти страшные, скрюченные силуэты пугали до дрожи, до стука зубов, которых уже практически касались эти оранжевые плётки. Танец теней видел парнишка ровно перед тем моментом, который кардинально изменил его жизнь. Ровно перед тем моментом, который мог бы стать концом его недолгой, но тяжёлой жизни.

В танец демонов ворвалась фигура, нарушая всю хореографию их движений. Фигура ворвалась с ведром в руке, принимаясь тушить это неистовое пламя, принимаясь сбивать эти тугие плети, каплей за каплей попадая на Вальтера, уже и надеявшегося на помощь. Может и вовсе не за ним пришли? Может, то было везение? Может, после всего им здесь пережитого, парнишке и не стоит жить, не стоит спасаться и уходить из-под рук смерти? Но фигура упорно тушила огонь, словно бы пытаясь спасти кого-то. Словно изо всех сил пытаясь спасти его, будущего Верховного архимага Церкви Господа...

Он держался за болящий бок, за ноющее тело, сейчас фактически лишённое густой, живительной маны. Сколько всего произошло до этого самого момента? До момента, когда мир видел свой последний, кроваво-багровый закат?

— Чёрт, стерва переместила нас в столицу не просто так. Что они задумали? Не случайно же мы оказались именно в моей родной башне. Точно ведь не случайно, — думал Вальтер, второй рукой облачаясь о шершавую, расписную стену да пытаясь полностью выпрямиться после столь стремительного магического полёта.

Да, архимагу было нужно время для восполнения запасов магии. Было необходимо тянуть с боем до самого последнего момента. Вальтер понимал, сколько ему будет стоить проигрыш в сражении. Тем более под крышей собственной башни он станет особо позорной страницей в его жизни. Была нужна только победа! За данный ему второй шанс, за матушку, за всех людей, которых он поклялся защитить и спасти от чудовищной участи. Ведь каждый из игроков этой нелепой игры не думал о самом главном — о простом человеке, для которого разрушение мира грозило жестокой смертью.

Но ничего, у человека был свой защитник. Мудрый, проверенный, сильный. Вальтеру доверяли, его любили, на него надеялись, а значит проиграть он просто не мог. Должен был отдать жизнь, но послужить концом для всех врагов своих. Пресечёт все попытки Авиада, расправится с братом пропавшего Демиурга, не позволит Крис и остальным исполнить давно ими задуманное.

В потрёпанном, местами дырявом белоснежном одеянии, в этой окровавленной маске, чуть треснувшей, но по-прежнему стойко державшейся на лице и охраняющей все его уродские шрамы, прошедшие с ним громадный жизненный путь, архимаг почти полностью выпрямился, окинув взглядом просторную залу, которую венчал прекрасный купол, полнившийся яркими цветами да прекрасными картинами, написанными самыми лучшими художниками Нижнего мира: там были и ангелы, с миниатюрными крылышками и оголёнными, жилистыми торсами; были и легендарные библейские герои, грозно смотрящие вниз, аккуратно на танцующего Авиада со своей двинутой компашкой магов; там были пушистые, мягкие облачка, становящиеся золотыми от лучей восходящего солнца; присутствовал и сам Бог, в белых, вольных одеждах, с седой бородой, с умными, но справедливыми, слегка равнодушными глазами, в которых будто бы плавали грозные тучи. Купол был прекрасен и буквально ломился от разнообразной живописи, которую в полной мере было невозможно описать, столько разных сюжетов находились сейчас над головами самых главных фигур уходящего, умирающего, тонущего мира.

Вальтер взглянул на рисунки, словно бы в последний раз, окунулся в глубокие, ничего не прощающие глаза Бога, кивнул великому рисунку, словно бы увидев знамение, знак, волю Создателя. Словно бы поняв, что Бог и вправду смотрит на своего слугу с этих чернеющих сейчас небес. Мир готовился к последней тёмной ночи...

Верховный архимаг перекинул свой пышущий злобой взгляд на жалкую кучку магов, на этих людей, не то чтобы своими грязными богопротивными ногами, но и одним своим присутствием оскверняли центр мировой святости. То место, что являлось центром Церкви Господа, самой прекрасной и величественной башней за всю историю Нижнего мира. Вальтер тогда и не знал, что его родной, стройный, белокаменный дом являлся мрачной серединой, центром сатанинской пентаграммы...

Эдемский маг, как ему и было должным, наполнился ужасной страшной силой, от которой, совершенно внезапно, ходуном заходила вся магическая башня. Затрещали стены, шатнулся пол, послышался гул — Саркис казался чудовищем. Гневный взгляд, смотрящий точно в не менее агрессивные и полные неистовства глаза Вальтера, развевающаяся грива, выпущенная на волю мана, сейчас ураганом кружащаяся вокруг чёрного богатыря, разодетого в дырявые, дымящиеся от магии вещи. Два мага смотрели друг на друга понимая, что иного выхода уже было не найти. Им придётся принять вызов друг друга, более оптимистичного варианта больше не существовало. Всю эту игру было необходимо прекращать! Прямо здесь и сейчас, внутри самого святого места в Нижнем мире, под которым предатели прямо в эту секунду заливали живую, душистую, жёлтую ману. Предатели всегда были на чеку. Предатели делали последние приготовления к неизбежному. Они запитывали магией, якобы даром Божьим, последнюю точку в самом мощном заклинании этой реальности...

Правда за магией Саркиса никто и никогда бы не почувствовал подземных приготовлений. Мана простых людей, даже в самой плотной концентрации, никогда бы не могла идти в одно сравнение с этой инородной, сносящей, чудовищной силой. Силой

эдемского фрукта.

— Авиад. Сисястая. Убавьте свою радость. Не в нужный момент вы победу празднуете, — гневно прошипел маг, вокруг которого кружился целый тёмный ураган, трепавший его величественную, звериную гриву.

— Хех, прости нас, Саркис. Я же знаю как для тебя важны эти минуты. Ты так долг шёл к этому моменту, так долго искал Демиурга, нашего повелителя и самого искусного мага, — противным голосом проскрипел старик в голубой накидке, противно рассмеявшись после своих лживых слов, в которые сам толком и не верил.

— Сисястая??.... Он назвал меня сисястой??... — крикнула возбуждающим голосом милая девчушка Крис, тотчас посмотревшая через большой разрез на свои прыгающие, милые, соблазнительные груди. Она враз покраснела, став ещё милее себя прежней.

— Успокойся ты. Успокойся. Нам важен этот человек, не привлекай много внимания, не зли это чудовище. Я, честно говоря, не знаю что у него в башке, но он однозначно опасен, не стоит делать человека с Эдема нашим врагом, — тут же шепнул старичок девушке на ушко.

— Нет, я просто возмутилась. Никаким врагом я...

— Не стоит сейчас, не стоит, Крис, крошка. Лучше наблюдай за его могучей стойкой, за его руками, магией, аурой, пахнущей подбирающейся, как дикая кошка, смертью, — приговаривал старик, позади которого гордо стояли смуглые, крепкие стражи. Всё ещё со своими серпами. Всё ещё с каменными лицами и закрытыми ртами. Они никогда не изменяли своим принципам. Они молчали несмотря ни на что...

Расписная святая зала была накалена до предела. Каждый участник битвы притаил дыхание, молчал, внимательно перекидывая взгляд с одного человека на другого. И каждый ждал ход. Ход эдемского мага. Ход того человека, с хода которого совсем недавно началась последняя фаза игры, партии, конца мира, а может и начало нового.

— Саркис, да? — внезапно спросил Вальтер, прищутив взор и начав тянуть время. Время первого огненного удара. — Я много о тебе слышал, человек. Ты же не из нашего мира, ведь так? — хрипло, но властно говорил Верховный, понемногу начавший задышаться в своей бессменной маске.

«В этом последнем бою они увидят меня. Увидят меня настоящего. Я перестану прятаться как улитка, я покажу себя настоящего и раскрою свою силу до самого конца» — думал глава магов, внимательно наблюдая за каждым мимолётным движением эдемского мага.

Маг из Эдема улыбнулся, больше печально, скорее то была ленивая полуулыбка:

— Если бы на вашей земле обитали люди, равные мне по силе, я бы давно по ней не ходил. Ты же понимаешь, что в Нижнем мире подобную силу не получить, — намекнул Саркис, самодовольно оскалившись, обнажив свои идеально ровные, сверкающие зубы. Хотя не самодовольно, нет, он был другим человеком. Просто вновь, как в старые добрые времена, проснулось его звериное нутро, жаждущее битв, жаждущее сражений, жаждущее крови. Он был таким с самого Эдема, и только в Нижнем мире смог полностью раскрыть свой чудовищный потенциал.

— Всё-таки ты из Эдема... Эдемский маг! Отвернувшийся от Создателя, как и Демиург, как и все эти полубоги, оказавшиеся, по старым преданиям, на нашей земле давным-давно по неизвестной нам причине. Тогда люди посчитали, что их всех выгнали из Эдема, из божественного сада. Ты, видать, из тех же предателей, — Вальтер скрипнул зубами, с

ненавистью смотря на Саркиса. Он не мог простить их всех, не мог, не имел на это права.

— Думай как хочешь, сильнейший маг этого мира. Могу ответить тебе только так — я никогда не переходил на сторону Демиурга. Я всегда был правой рукой Бога. Им же и останусь. Никогда не перейду на сторону зла, всегда отстою Отца, сделавшего для нас абсолютно всё. Я здесь для того, чтобы остановить моего брата, голову которого вскружил мятеж, бунт. Я пришёл сюда чтобы остановить человека, который почувствовал себя равным Богу, — эдемский маг говорил размеренно, спокойно, хотя таким его голос вовсе не казался. Зверь уже был пробуждён, он хотел битвы, хотел поскорее ринуться в схватку.

— Ты на стороне Бога? Ты хочешь остановить Демиурга? — не понимал Вальтер, враз потерявший всякий интерес к предстоящему бою. Что такое говорил этот человек? Можно ли ему верить? Правда ли он на стороне Создателя? Но как тогда доказать этому человеку, что их цели едины? Что им не стоит уничтожать друг друга? Что они оба ищут Демиурга?

Будущий Верховный архимаг уже не горел так ярко, как минутами ранее. Треск досок и шум пламени тоже стихли, к потолку вздымались жирные, чёрные столбы, а от каждого сантиметра Вальтера тянулся дым, тонкий-тонкий, но ясно видимый в, уже ставшем тёмным, небольшом доме.

Его спасали. Кем бы ни был тот человек, Вальтер по гроб будет обязан ему жизнью. Но он должен был сначала выжить...

Единственное что было у него тогда в потухающем, как свечка, сознании — это молитва. Молитва к Богу, молитва к святым магам, молитва ко всем людям, которым он больше не хотел делать никакого зла. Он бы приобщился к Церкви, к служению Богу, служению простому человеку. Внезапно это стало для него так важно... Путь к Богу, путь к исправлению и искуплению грехов. Его тело сейчас было лишено одной руки, одной ноги, оно стало одной тёмной коркой, уничтоженное, обезображенное и напоминавшее тело больше демона, чем человека. Остался ли он человеком? Не изменилась ли с внешностью его внутренняя суть?

Его наверное трогали чьи-то руки, ибо он видел их перед своим лицом — расплывчатые, смутные их очертания, но не чувствовал изуродованным телом, трескавшимся от каждого прикосновения.

«Может я всё-таки буду жить? Господи, спаси мою душу. Спаси остатки моего тела, я молю тебя!..»

Вера в Бога заняла все мысли умирающего Вальтера. И уже тогда он осознал что его путь — это медленное восхождение к Богу. Через страдания, через грехи, через испытания, идти путём очищения собственной души.

Он будет другим человеком. Возродится, изменится. Только если выживет...

Вальтер не понимал друг ли Саркис или враг. Он никак не мог решиться, нужно было больше времени и меньше напряжения. Напряжения, мешающего всё как следует обдумать и взвесить.

— Верховный, мы ведь могли и не сражаться с тобой. Условие знаешь, да? Выбью информацию силой в случае отказа. Я клянусь тебе, белоснежный стратег, — шипел Саркис, под возбуждённые взгляды Авиада. Старик положил свою сухую, старческую ладонь на талию Крис, прижал довольную девчулю к себе, поправил голубой плащ, густо усыпанный золотыми звёздами.

— Видишь это, Крис? Они сразятся, схлестнутся, начнут воевать. Теперь это неизбежно, — пятый архимаг радостно констатировал неоспоримые факты, усмехаясь и обнажая свои гнилые, противные зубы.

— Я уже восстанавливаю магию. Осталось немного ждать, господин архимаг, я выполню свою работу, отдам свой долг. Обещаю вам, что всё будет просто отлично, уверена в этом, — приговаривала девушка, наблюдающая за начинавшимся сражением. Оно казалось неизбежным. Оно казалось бесповоротным...

Когда-то Саркис точно также принял сражение во Флотлере. Тогда его противником был Дон — юный архимаг, только вступивший на эту тяжёлую, ответственную должность. И вот сейчас его противником был уже сам Верховный маг, хоть башня и была похожа на ту самую башню из недавнего прошлого, со всех сторон окружённую горячими песками.

— Дежавю. Какое диковинное чувство... — оскалился Саркис, прилив ману к кончикам своих пальцев. Маг был наготове!

Вальтер чувствовал, что миг наступил. Времени больше не оставалось. Вариантов других не существовало. Оставалось только принять бой. Сколько бы маны в теле не было, сколько бы сил не оставалось, архимагу предстояло дойти до самого конца. За сохранение умирающего мира, за всех людей, для которых рассвет нового мира может никогда не наступить, за всех друзей, солдат, оставшихся в живых и празднующих свою победу — Вальтер не мог допустить поражения. Ради всех, доверивших ему свои жизни, он был обязан выйти победителем любой ценой!

Авиад в ту секунду выжидательно приоткрыл рот, снова показав многочисленные пеньки гнилых зубов; Крис поправила своё одеяние, чувствуя копившуюся в теле ману и внимательно следя за событиями, развернувшимися в просторном, святом зале; слуги тяжело выдохнули, ожидая дальнейших приказов, стоя позади старика как мощные, недвижимые деревья; а Саркис стоял в центре урагана из собственной высвободившейся магии, готовый к бою, готовый наконец узнать правду о Демиурге — в ту секунду каждый из них думал о своём, предполагал, выжидал, следил. А Вальтер более ни о чём не думал. Он был обязан сделать всё, чтобы выиграть. Всем пожертвовать, от всего отречься.

Белоснежный, порванный во многих местах плащ рухнул вниз, взметнув пыль, ковром осевшую в зале.

— Боже... Кто же он такой? — Авиад прикрыл рот. Его глаза расширились, в них читались удивление и ужас.

— Он столько время скрывал своё уродство? Разве может быть глава магов таким чудовищем? Разве может так выглядеть посланник Бога на Земле и защитник людей? — ужасалась и Крис, начав пошатываться от странного чувства — чувства неожиданно откуда взявшейся неприязни и ненависти.

Но Вальтеру было уже всё равно. Его ссохшаяся, уродливая, кривая ладонь накрыла маску и с хрустом раздавила её, обнажая скрытую доселе половину лица великого мага, сторонника любого человека на свете, самую добрую, сильную и великодушную личность Нижнего мира.

Осколки маски рухнули вниз, засыпав собой всю округу. Они звенели громко, как осколки битой посуды. То был истинный Вальтер. То была истинная внешность главы Церкви самого Господа Бога.

— Давай наконец схлестнёмся, а, самый сильный маг в мире? — без удивления воскликнул Саркис, восхищённо-радостно смотря на своего врага.

Глава 2

Слуги заполняли город за городом. Быстро, молниеносно отыскивая всех нужных людей, каждый из которых ожидал свой долгожданный камень. Слуги наводняли улочки, привлекая чересчур много внимания, пробегали по раскинутым над каналами мостам, врывались в толпы людей, толкая и протискиваясь сквозь обычных простаков. Маги искали избранных, искали так быстро, как только могли. На них, на бывших башенных магах Флотлера, теперь были жизни огромного числа людей. Людей, что удостоились внимания и благосклонности Авиада, заслужили билет в новый, наступающий, чудесный мир. Мир, в котором могли жить только избранные. Те люди, которые бы точно кланялись в ноги мудрому старичку. Те люди, которые были готовы видеть в нём новое солнце.

Город за городом тонули в нахлынувших слугах, но ситуация почти везде была единой. Она повторялось, ширилась, становилась настоящей проблемой в планах Авиада, но то была реакция людей, то было решение самих избранных архимагом. Решение огромного количества этих, казалось бы, зажавшихся, тучных аристократов. Решение неожиданное, переворотное, может где-то даже мятежное.

Они брели пыльными дорогами, тонувшими в закатных лучах. Слуги шли и шли, почти бежали, то и дело тараня людей своими телами и тяжёлыми чёрными сумками. Камни в них дружно стучали друг о друга, бренчали, как праздничные стаканы. Они дрожали, удерживая ману, мечтая наконец оказаться в руках своего владельца. И владельцы скоро найдутся, причём застанут их примерно в одном весёлом месте...

В те самые минуты в банкетном зале намечался праздник. Простых людей тут практически не было. Всю залу занимали эти важные люди в костюмах, с галстуками, правильными ухоженными лицами. Банкет был явно для богатых особ. На стол подавались дорогие яства, к красивым лампам тянулись тонкие струйки пара, воздух пропитался ароматом запечённых яблок, жареной курицы, разных пряностей и утки в дорогом соусе, чудесно сверкающей на свету.

Аристократы прохаживались вдоль длинного стола, ломившегося от изысканных кушаний, общались друг с другом, вертя в руках очередной бокал с прекрасным заморским вином. Эти люди обожали жизнь, но больше её обожали только подобные банкеты, где можно было обзавестись новыми знакомствами, полюбоваться прекрасными дамами из известных фамильных домов, показать себя всему аристократичному обществу этого города. Банкет всегда удавался до его непосредственного начала. В этом то и была вся прелесть подобных мероприятий.

— Как думаете, за сколько магических капель он смог купить мой особняк? Ваше чутьё всегда на высоте, я уверен, вы не сможете промахнуться, — самодовольно лыбился усатый богач, аккуратно, как бы не спеша попивая своё вино, тихо плещущееся в сверкающем бокале.

— Ставлю на 10 миллиард капель. Ваш особняк быть дешевле просто не может, — льстил ему собеседник, выглядевший более интересно. Статный, рыжий, с умным взглядом. Может он ошибся мероприятием? Зашёл не в ту дверь? Перепутал свой жизненный путь?

— Ой, боже правый, это вы многовато ставите — 7 миллиардов капель! Вот сколько он отдал мне за тот особняк. Хоть ещё и с землёй, но он пошёл на эту цену, прогнулся, — верещал от восторга аристократ, не замечая бегающий туда-сюда взор бородатого богача.

Тот явно скучал, пытаясь не зевнуть на пустых рассказях очередного наследника.

— Даже так. Ну это очень выгодная сделка, я вас поздравляю. Предлагаю выпить за неё ещё по бокальчику, — предложил явно внутри раздражённый бородач, смотря на своего счастливого собеседника. И впрямь, как же его задолбали эти довольные улыбки аристократиков. Видеть их было ещё тяжелее утреннего глотка пива, ей Богу.

— Скажите мне, вы тоже ожидаете билет от Авиада? — спросил усатик, заботливо беря драгоценный кувшин и опрокидывая его вниз, смотря на тонкую тёмно-красную струйку.

— Что? Они же раздаются всем, как я понял. Конечно жду, говорят архимаги пали в междоусобице, может вы тоже слышали... Нам нужен новый порядок, само собой я с создателями нового мира. Совсем скоро Авиад его нам устроит, я не сомневаюсь в его силах... Оп, благодарю, — более чем любезно ответил бородачатый аристократ, беря бокальчик да отпивая свежее налитое вино. — Оно сегодня прекрасно, как и весь этот банкет, — аристократ пытался не выказывать недовольство по отношению ко всем окружающим его здесь людям. Хоть он и устал от их лицемерных улыбок, от этой напыщенной галантности, от этих костюмов, движений, от этой спокойной музыки, будто бы сопровождающей истинных королей. Ненавидел он этих тварей, они ведь все большие куски говна и никакой новый мир не исправит этих жадных, алчных, безразличных к людям аристократиков, многие из которых буквально с пелёнок росли в богатстве и роскоши, посасывая золотую драгоценную сосочку с набитым на ней собственным именем. И ведь так оно всё и было, то была правда. Рыжий презирал каждого из них...

— Не знаю насчёт прям всех людей Нижнего мира, но на каждого человека в этом зале будет по магическому билету. Говорят он будет в виде камня и...

— На каждого человека в этом зале? Кого ты имеешь в виду под человеком? — усатый начинал бесить этого статного крепкого мужика. Усатику совсем скоро придётся серьёзно врезать, рыжий это чувствовал. Его кулак уже неистово зачесался. — Вон та красотка официантка... — бородачатый указал на миловидную особу, приятную и красивую. — Неужто на неё билета не будет?

— Ах, ты про это, — рассмеялся аристократ, облегчённо выдохнув. — Ну она могла бы быть нам полезна. Может и она уйдёт с нами. Не будем же мы обслуживать свои собственные столики? Это как-то низко что ли...

«Вот подонок, вот тварь. Видит в них лишь прислугу, хотя они более достойны называться людьми, нежели любой другой в этом зале» — ещё сильнее злился добросердечный рыжий аристократ.

— Понятно, понятно... — пытался унять зlobу рыжебородый. — Я считаю, что в новый мир должны уйти все люди старого мира, это однозначно. Как только Авиад и его маги прихлопнут предателя Вальтера останется несколько минут. Всё изменится, всё преобразится, мир никогда не будет уже прежним...

Да, наверное все сейчас ждали тот самый час. Ждали этих телепортационных камней, ждали победы Авиада, ждали начала новой жизни. И именно в эту минуту каждый в банкетном зале осознал: тот самый час наконец настал.

Дверь резко отворилась, громко стукнувшись о белую стену. Каждый аристократ в помещении резко повернулся, прекращая свои разговоры, останавливая распитие спиртного, отвлекаясь от своей настольной игры. Они отвлеклись, смотря на тощего мага, одетого в оборванное старое тряпье, выглядящее так смешно и нелепо на фоне великолепия, надетого на гостей банкетного зала. Слуга задыхался и с усилием достал из сумки сразу несколько

синих камней, тут же засверкавших в свете чудного богатого зала. Все притихли, все смотрели. Смотрел и бородатый аристократ с усатым богачом, враз переставшими попивать своё бодрящее винишко.

— Что за плебей? Кто и почему его пустил к нам? — нарушил молчание последний, в который раз заслужив гневный взгляд рыжего.

— Маг, у тебя к нам что-то срочное? — подал голос ещё один человек, старик, сидевший за длинным дубовым столом.

Уставший слуга-почтальон кивнул и протянул аристократам драгоценные магические камни, такие красивые, отполированные со всех сторон, такие обворожительные и прекрасные.

Все в зале улыбнулись, будто бы почувствовав лёгкое дуновение весеннего, бодрящего ветерка. Это были они — долгожданные камни, те самые билеты в счастливый новый мир, который им пообещал бывший Верховный архимаг!

Слуга, запыхавшийся, уставший, потный, прошёл в зал, проходя мимо уборщиц, не обращая внимание на многочисленный персонал, не беря во внимание обычных людей Нижнего мира. Он шёл только к избранным, то и дело покашливая да спотыкаясь о ножки неудобно стоящих стульев, важно расположившихся в проходе.

— Только говорили с тобой, да? — пропел довольный усатый аристократ, лениво потягивая руки, уже готовый получать то, что, по его мнению, принадлежало лишь ему и только ему одному.

— Значит осталось немного времени. Час-полтора, и наша жизнь перевернётся вверх головой, — растерянно пролепетал рыжий, совершенно не ожидавший такого исхода событий в этот день и, тем более, в компании с самыми отвратными людьми в его жизни. Не так он себе это представлял. Хотелось торжества, песни в душе, но внутри была лишь сосущая пустота...

— Да, она перевернётся. Может и в прямом смысле, — радовался ухоженный богач, наблюдая не за несчастным, уставшим человеком, а только за этими ярко сверкающими камнями. Ему не было никакого дела до окружающих людей, он думал лишь о своих мечтах, о своём будущем. Он то теперь точно спасётся, а как же остальные люди? Как же не избранные, которые родились не под счастливыми звёздами, а в простой деревне, мелком, бедном городке, без возможности выкарабкаться из той глубокой тёмной ямы? Путь которых был не менее труден, жизнь которых была не менее важной? Они ведь все были людьми, разве может ли быть среди них тот, кто недостойн дышать полной грудью один и тот же воздух? Воздух же всех уравнивал, так почему будущее получают только богатые, все эти противные, скупые на чувства и пустые в душе аристократы?

Первые богачи уже выхватывали из рук слуги долгожданные камушки. Те самые, будоражащие воображение, дающие свободу, надежду, создающие возможность встретить новое солнце и мир другого порядка. Каждый из аристократов в этот час, во всех малых и больших городах, во всех заброшенных и людных сёлах, получали давно им обещанное, и каждый из них казался самым счастливым человеком на свете.

Рыжий наблюдал, ждал, недоумевал — неужто ни одному простому человеку не положено будущее? Кто тогда этот Авиад, если он возомнил себя человеком, распоряжающимся судьбами людей? Неужели он брал на себя обязанности чуть ли не Бога?

— Хватит ли их на всех? — крикнул бородатый аристократ, его зубы заскрипели, а глаза отчего-то высекали искры. Окружающие только сейчас почувствовали ненависть этого

человека, ненависть аристократа к другим себе подобным. И бородатого звали Эрдин, и был он как эдемский посланник, как слуга Господа Бога. Встал он на стол, ударил по нему ногами, привлёк внимание всех богатеев залы, заставил посмотреть на себя, на опрятно одетого, статного, взрослого мужчину, не лишённого тёплых чувств по отношению к обычным людям, жителям этого прекрасного Нижнего мира:

— Люди, неужто вы возьмёте эти камни? Станете предателями, отвернётесь от людей своих, забудете то, что все мы — братья! Всё человечество — едино! Вы забудете общую природу? — кричал Эрдин, символ свободы, символ справедливости, символ важности человеческих чувств и жизней. И он сейчас был как тот самый драгоценный сверкающий камень, билет, телепорт в новый, неизведанный мир, будоражащий любого человека. — Я, лично я, отказываюсь от своего камня. Я не хочу оставлять здесь ни одного человека, я хочу справедливости и возможности жить в будущем абсолютно для всех людей. Неужто мы так отличаемся от них? От этих уборщиц, горничных и людей за стойками в придорожных магазинах? Я не могу допустить предательства, а это именно предательство. Я ни за что не брошу всех слуг, всех трудящихся во благо других, всех бездомных, всех сельских жителей. Они тоже люди, такие, как и мы с вами, потому то я и не допущу их геноцида. Так и передайте Авиаду! Передайте ему мои слова все те, кто будет брать эту паршивую хрень из рук уставшего человека. Слышишь ты, паренёк. Ты же ведь хочешь отдохнуть, расслабиться, развлечься, как и все мы? — спросил Эрдин слугу и тот низко кивнул, виновато опустив взгляд да начиная вытирать голубые слёзы, бурно выползшие из уголков его глаз. — Вот видите, этот слуга такой же как и мы с вами. Мы ничем не отличаемся, мы не ценнее таких как он... Предатели нашего рода, берите свой спасательный круг, свой чёртов камень. Но знайте — на ковчег вы попасть точно не сможете. Я лично обеспечу вам это!

Аристократы долго думали. Они смотрели на Эрдина, смотрели восхищённо. Его вид, его слова — абсолютно всё в нём было верно и правильно. Все в этом зале так и не взяли свои камни, за исключением одного носатого да усатого богатеев. Остальные дружно кричали: «Да здравствует ковчег! Да здравствует спасение! Не бросим людей, не бросим наших братьев!».

Эрдин не ожидал, что сможет достучаться до сердца каждого из них. Он думал что не сможет пробиться сквозь их лёд, сквозь их камень. Рыжебородый улыбнулся доброй, милой улыбкой, собираясь за столом со всеми остальными людьми, среди которых были и слуги, и уборщицы, и прекрасные официантки, на пару с уставшими продавцами этого богатого заведения. Они сидели все вместе и во всём мире воцарилось это единение. Каждый город, каждое село было не готово принять свой билет в будущее. В, как казалось, счастливый и светлый новый мир.

Одна часть плана Авиада рушилась. Люди отчаянно цеплялись друг за друга и за старый Нижний мир.

Поле пахло кровью и смертями. Поле было завалено трупами, захламлено отныне бесполезным железом. Оно казалось покинутым, разорённым, неживым, хоть одна душа по-прежнему ходила по нему, переступая через каждый холодный труп. Человек ходил, бродил по этому полю, которое навсегда потеряло свою собственную душу, утонувшую в море крови, боли и страданий.

Человек явно что-то искал своим магическим чутьём. Искал что-то важное, всё ещё живое. Искал, по смутным ощущениям, некий телепорт, магический механизм. Искал одну

живую частичку посреди тёмного, лишённого жизни поля.

— Я чувствую, чувствую. Близко... — бормотал тощий мужчина, пригнувшись да морщась от смрадного запаха разлагающихся, брошенных тел героев Нижнего мира. — Вот, уже сейчас, уже рядом...

Паренёк, с немалыми для обычного человека магическими способностями и невероятным чутьём, перешагнул через руку, перепрыгнул ещё несколько тел, окружённых застывшей кровавой лужей, и очутился около небольшой горы из солдатских тел. Горы, под которой, в самом основании, был тот самый вождь каменный камень.

— Какое сражение... Какая доблесть. Они воевали за каждого из нас, за всех людей Нижнего мира. С именем Бога на устах бежали на горячее железо, жаждущее алой тёплой крови... Мы должны быть благодарны за подаренную жизнь, — пролепетал юнец, начиная аккуратно перетаскивать холодные тела, составляющие громадную трупную гору.

Парень старался делать это осторожно, с уважением и любовью, но тела были чересчур тяжёлыми, а силы молодому человеку явно не доставало, из-за чего каждый раз давно не дышавший солдат громко падал на землю, вздымая едкие пыльные облачка.

Его ждали дома, мальчик это знал. Но он не мог не посетить это великое место, не мог проигнорировать своё магическое чутьё. Он знал, что предки будут ругаться, но любопытство сейчас было куда важнее для парня. Он должен был увидеть, узнать, почувствовать, в конце концов поблагодарить за спасение от конца света. Этот юнец всегда был благодарен своим спасителям и благодарил от всей души.

— Давай, ещё немного... — кряхтел мальчик, уже не пытавшийся сделать работу по достоинству, а просто волочивший магов по земле, окончательно разрывая их тяжёлую броню. Тела шлёпались, небрежно кидались на других солдат, взгляды которых остывшими огоньками глядели на тёмное небо, заполненное жирными чёрными тучами.

Трупы солдат падали на другие трупы, горы росли вокруг паренька, большие и маленькие, а камень был всё ближе. Гора всё уменьшалась. Гора всё растворялась, приближая охотника к его драгоценной сверкающей добыче.

Вот последнее тело грохнулось о землю, вот глазам паренька показался лысый тощий маг. Акбек. Слабый человек, погибший как воин, как и все участники недавнего боя, недавней магической войны. Парень видел Акбека и видел рядом с ним камушек, озарённый закатным, словно бы последним солнцем для этого сложного, тяжёлого, но неповторимого мира.

— Вот он, всё ещё рабочий, свежий, живой. Его владелец точно не этот герой. Создатель камня жив, иначе не была бы жива его ювелирная работа, — восхищался парень, выхватывая камень из лап холодного, недвижимого Акбека и начиная вертеть его в своих руках, восхищаясь этими гранями, этим светом, этой мощью, заключённой в самом его недре. — Стоит только прилить немного маны, как я сразу...

Магия толком и не успела заполнить собой это необычное произведение искусства, как мальчик пропал. Насовсем. Испарился, словно и не стоял здесь и не искал магический камень. Парень был теперь в другом месте. Гораздо-гораздо более дальнем, чем родной дом. Мальчик оказался в том месте, которое впору было называть адом.

Башня гордо пронзала небеса, озаряемая оранжевым, словно бы последним светом. Солнце пылающей точкой повисло у края земли, всё никак не сваливаясь в уготованную ему ночную бездну. На улицах было довольно шумно и только в башне сейчас стояла относительная тишина, прерываемая лишь шумом бушующего огня да тяжёлым дыханием Вальтера.

Тело Верховного архимага напоминало большущий синяк. Весь сморщенный, грубый, ороговевший, покрытый твёрдой, словно бы каменной коркой, самый главный маг, голый по пояс, приготовился к сражению, смотря в звериные глаза своего врага.

— Мутант. Настоящий мутант, — причитала Крис, неожиданно вздрогнув всем телом и чувствуя панику где-то внутри своей души.

Рот Вальтера был ужасно искривлён, губы были тверды и черны, щёки напоминали впалые ямы, все прожжённые, покрытые ороговевшей кожей, ужасно пузырящейся, усыпанной огромными волдырями. Одна его нога была кривой, облезлой, чёрной, другая разительно от неё отличалась. Немного фиолетовая, но обтянутая хорошей кожей, совершенно контрастирующей с остальным телом этого чудовища. Одна рука казалось толстым противным суком от дерева, мелким и до жути омерзительным, другая же казалось вполне себе здоровой, бодрой, человеческой. Чудовище было поистине порождением мрака и вековой тьмы, удивительно — как такой человек мог быть главой божественной церкви, Церкви Господа, Церкви добра и света.

— Урод... Ты же реально урод, Вальтер, — выпалил опешивший Авиад, сейчас чувствующий страх, отвращение и одновременно с этим замешательство. — Ты всё это время скрывал себя настоящего, прятал собственное уродство, прятал настоящего себя... Ты же омерзителен, Верховный, — злорадствовал старик, потихоньку оправляясь от увиденного зрелища и снова начиная противно гоготать.

— Ты их поверг в шок, господин силач, — по-злому произнёс Саркис, широко улыбаясь своими белыми ровными зубами да пожирая глазами уродство самого сильного мага Нижнего мира.

— Авиад... кх... Ты просто слеп, если видишь только глазами, — властно проговорил Вальтер, чувствуя ману на кончиках своих пальцев, чувствуя бурно текущую по теле магию, её ток, её мощный напор, готовый сносить любые препятствия на своём трудном пути. — Урод, да? Другого от тебя я не ожидал, старик. Такой как ты недостойн ничего в этом мире, я знал это ещё года три назад, Авиад.

Старик больше не слушал Верховного и ехидно улыбался, наблюдая за безобразным, неровным телом, лишённым верных анатомических пропорций. Старик более никак не мог уважать главу магов. Из чувств остались только смех и презрение. Да, Авиад презирал это чудовище. Это было уже необратимо, желание убить возобладало над всеми порами этого старческого тела, отчаянно пытающегося показаться молодым и бодрым, словно был он в теле юного паренька.

— Молчи, уродец. Твоя участь будет не менее ужасной, чем твоё тело. Обманул и предал всех людей, они же начинают прозревать, слышишь, псевдо-верховный? И они желают увидеть твоё бездыханное тело, причём без этой уродливой маски, прикрывающей твоё безобразие на лице, — он язвил. Язвил, пытаясь задеть Его чувства.

Вальтер не слушал, старался не слушать, хоть слова старика острым кинжалом ранили живое, мерно бьющееся сердце мага. Ранили так сильно, как если бы он был маленьким ребёнком, нежным и тонким душой, не верящим и даже боящимся несправедливости, угроз, не верящим в жестокость этого мира. Да, Вальтер никак не мог отделаться от ранимого и доброго ребёнка внутри себя, и потому отчаянно зажмурился, стараясь не принимать во внимание, ничего не слышать и ни о чём не думать. Тот пожар оставил лишь дитя. Дитя справедливости, дитя идеалов, дитя без злобы внутри. Пожар вместе с костями уничтожил и подростка, и родителя, превратив их в чёрный, сыпавшийся пепел. Потому он и стал верить в Бога? Ребёнок внутри его уродливой оболочки окончательно забился в угол, ушёл от реальности, покинул мир и смотрел только в небо, ища в этой синеве Создателя, ища своего Спасителя. И в этом была трагедия этой разрушенной жизни. Вальтер действительно был несчастен, обижен, уязвлён. Он боролся со злом, он верил только в Бога, ведь ребёнок никогда не верил в самого себя, по причине неоформленности его как личности. Он хотел думать об идеальном мире, не представляя и не веря в другие краски существующей реальности, прося Бога убрать все эти углы, шероховатости, эти неточности и недостатки...

Верховный мотнул головой и несколько корок слезли с его щёк, падая на пол. На пол, покрытый мелкими осколками его маски, раковины, которая прикрывала этого человека вместе с его трагичной судьбой. На пол, такой гладкий и прекрасный, идеальный, как и само мировоззрение главы магов. Белоснежное одеяние змеёй лежало позади гордо вытянутой спины. Архимаг выпятил грудь, будто нарочно показывая всему миру истинное тело, настоящий облик, каким бы ужасным и омерзительным он ни казался. Вальтер пытался не обращать внимание на стариковские насмешки, не смотреть на дрожащую девчужку, ставшую бледной поганкой, сейчас явно сдерживающую позывы, явно мечтающую тотчас же проблеяться. Ещё и эти слуги, не замечающие никого и ничего, молчавшие и смотрящие куда-то вдаль, на расписную стену, такие раздражающие, буквально выводящие из себя своим молчанием.

«Я тут совсем один. Они готовы убить меня, раздавить, я знаю чего они хотят. Они хотят получить моё тело уже бездыханным и ещё более уродливым. Они ненавидят меня и готовы сорваться с цепи, как последние собаки. Собаки апокалипсиса... Так вот как выглядят эти твари из легенд. И я — последнее препятствие, отделяющие этих мразей от людей. От людей, которые неизменно погибнут от их жутких, вонючих, слюнявых пастей. Я не могу их пропустить. Несмотря на унижения, несмотря на боль, они не должны и думать о возможности разорвать на части ещё и простых людей... Да, все эти собаки сейчас смеются надо мной. Их ненависть, их смех — я не должен обращать внимание. Хоть я один. Хоть я совсем-совсем лишён союзников и близких мне людей...»

Старик продолжал насмехаться, берясь за живот и тыча в Вальтера своим кривым пальцем, Саркис растягивал и растягивал свою улыбку, не скрывая смешинки в своих злых, бесчувственных глазах. Верховный внезапно почувствовал себя нелепым, смешным младенцем, который вышел на дачную веранду полностью голеньким и писал прямо на новые доски, даже не следя за бегающей из стороны в сторону пискливой, напоминающей хоботок маленького слонёнка. И все смеялись над нагим карапузом, без стеснения смотрели на его мелкий смешной хобот и смеялись, смеялись, смеялись, ведь детей никогда не воспринимали всерьёз, никогда не считали полноценными людьми.

Вальтер в глубине души покраснел, хоть его щёки и не поменяли свой сливово-чёрный цвет. Мага задевал смех этого деда, какой бы мразью он не являлся. Отчего Вальтеру было

так больно? Почему душа так неистово ныла, адитя внутри упрямо смотрело вверх, прося о помощи и упорно молясь? Был ли жалок глава Церкви Господа? Или он в реальности был слабаком, плаксой, уродом и кретином, который мог лишь надеяться на помощь, как во время адского, громкого, бурного пожара? Был ли Вальтер сейчас противным самому себе? Его руки в эту минуту почти полностью опускались, так не зря над ним так хохотали, как над наивным обнажённым младенцем, писающим на новую веранду?

А ещё маг не понимал: как страдания другого человека могли вызвать улыбку и смех? Почему люди были такими жестокими? Почему не понимали страданий и трагедий других людей? Не могли даже представить себя в таком плачевном положении? Это было так гнусно, так ужасно... Был ли сам маг виноват в своей участи? Чувствовал ли сейчас грусть его единственный выживший внутренний ребёнок, не понимающий жестокость этого мира, хотевший привнести в него добро, милосердие, радушие, альтруизм? Мог ли он выстоять, перетерпеть и выйти из битвы неоспоримым победителем?

Вальтер сжал кулаки, глазами обиженного плаксивого ребёнка смотря на всех людей в этом зале. Смотрел на них горестными, отчаянными глазами, окружёнными уродливой плотью и противной толстой коркой. Смотрел на них, не чувствуя опоры, помощи, чувствуя себя самым одиноким и брошенным человеком в этом мире. Казалось, будто мир отвернулся от него, показал свою спину. Вальтер не находил опоры, воспоминания ранили не хуже реальности, и именно поэтому Вальтер чувствовал гложащее отчаяние, будто собака пожирающее Верховного изнутри. Но он справится, точно справится. Он выйдет победителем из этого боя...

— Ты выглядишь сейчас так жалко, словно сражаться мне придётся с плаксивой девочкой. Ну же, соберись, самый сильный маг, — издевался и Саркис, всё ещё выпускающий ману и потихоньку усиливающий напор. Он был таким довольным, как ребёнок, получивший так давно желаемую карамельку. И всё что оставалось Вальтеру — разозлится. Разозлится как младенец. Разозлится как тот самый ребёнок, который плакал внутри этого человека. Человека, пережившего съедающий всё его тело ужасный огонь.

Фигурки на шахматной доске дрожали. Дрожали от силы Бога. От его эмоций, от его чувств. Дрожали от досады и разочарования. Он пока ещё не отчаялся, хоть и чувствовал пожирающее Вальтера чувство обречённости.

— Ты чего такой серьёзный то, а? Отец, — веселился Демиург, смеющийся своим колокольчиковым, переливчатым смехом. — Не нравится, когда фигура на твоей доске бесчувственна?

— Никакой я тебе не Отец, — повторил Создатель, который внезапно успокоился, смотря прямо вниз, на разворачивающееся сражение. — Саркис таким и создавался, ты знаешь это не хуже меня. Не пытайся вывести меня из себя. Моя фигура делает всё верно, она и должна была себя так вести. А вот твои люди... Демиург, вот ты создал настоящих чудовищ. Они такие же уроды, как и ты сам. Звери, готовые напасть и разорвать беззащитного человека.

— Боже, ну бать, что за двойные стандарты? — веселился златовласый, смотря на хмурого, уставшего Бога. — Не Саркис ли собрался изорвать этого уродца? Может виноват один только я в том что там происходит? Ты тоже создаёшь чудовищ, старик, признай уже. Причём таких язвительных, таких до одури глупых... Саркис выглядит как агрессивный злобный ребёнок, не хуже Авиада с Дамиром...

— Заткнись, гнида, — не выдержал Бог, разряжая в воздухе молнии, рассеивая их в разноцветном чудном пространстве, снова ударяя мощными синеватыми кулаками по бедной шахматной доске, вдоль которой снова зазмеилась очередная трещина, уже давно ставшая привычной. — Не пытайся доказать мне обратное, мелкая гадина! Только твои действия привели ко всему этому. Только твои амбиции и желания! Ты поставил на кон всё мироздание, все души, ты поставил на кон даже свою жизнь. И не смей оправдывать свои действия, порождение тьмы.

Златовласый весело всплеснул своими руками, такими тонкими и белоснежными, как у принца:

— Ты ведёшь себя как ребёнок, не хуже фигур на шахматной доске. Такой нервный, эмоциональный любитель прекрасного, ценитель идеалов. Порождение тьмы, говоришь? Тогда ты и есть тьма, старикан. Я покажу тебе солнце, если ты сам того захочешь. Просто перейди на мою сторону, папаня. Тебе так тяжело? Не хочешь подчиниться новому поколению?

Бог смотрел гневно, буквально сверлил этого красивого человека. Он его ненавидел. Ненавидел, но видел в нём самого себя. Этот счастливый человек был самым близким подобием Бога, Создатель знал это:

— Ты — вершина человеческой эволюции, Демиург, — начал Бог, чувствуя шевеление своей пушистой синеватой бороды. Её будто подхватил ужасный ураган, торнадо, стремительный ветер.

— Громче, громче. Я жду, хвали ещё, — кричал принц, продолжая озорно хохотать да поправлять свою роскошную золотую причёску.

— Ты и есть доказательство того, что я пытался развить человека. Пытался создать наиболее приспособленного, красивого, сильного, статного человека. Именно ты и есть плод моей работы, тварёныш, предатель, мятежник, — Создатель терял самообладание. Эмоции стремительно перекрывали ему рассудок. Такими темпами совсем скоро он потеряет контроль над разыгрывающейся партией.

— Можно ещё чуть громче, чтобы это услышали абсолютно все? — Демиург выводил Отца из себя, позволяя эмоциям перекрывать последний кислород его мозгу.

Старик не мог больше остановиться. Он уже пересёк черту:

— Мятежник, прекрати свои игры. Богом тебе не стать. Остановись! Ты забыл о порядочности, забыл о человечности, забыл о друге, которого называешь жалким зверем, ребёнком... Демиург, ты жалкая крыса, ты Сатана во плоти! Ты лишился самого себя, это уже давно не ты...

Фигурки дрожали, пространство то и дело переворачивалось, глаза Бога, жутко красные от бешенства и неистовства, метали молнии. Его борода раскачивалась как куст, брови словно подхватил торнадо, жилы на шее жирнели, ширились и противно пульсировали, а кулаки без устали падали на кружащиеся вокруг них яркие звёзды, вдребезги разбивая каждую из них.

Бог был человеком, и потому сейчас проигрывал. Эмоции всегда носили флаг стороны, терпящей сокрушительное поражение.

Паренёк, без наказания родителей ушедший из дома в поисках приключений, оказался в месте, которое с уверенностью можно было назвать адом. Юнец не верил в эти религиозные рассказы, но сейчас широко распахнул глаза, не сумев шелохнуть больше ни единой

мышцей в своём оцепеневшем от ужаса теле.

Мальчик всегда любил приключения. А со своими способностями к магии, каждая его прогулка превращалась в невиданное веселье. Но только не в этот раз.

Его глазам предстали бескрайние просторы красного камня, причудливо изогнутые горы, огромные речки с неизвестной буровато-чёрной жидкостью, тёмное, беспросветное небо, лишённое солнца, туч, лишённое всего того, за что любили Нижний мир. Ад был одновременно прекрасен, но одновременно отталкивал своим ландшафтом, пустотой, тишиной. Он казался погибшим, как и те твари, что шатались тут от горы к горе, от мелкого, противного водоёма к другому.

— К-к-кто они т-тааа... такие... — запинаясь юнец, так и не сумев сделать и шага по этой твёрдой, как и в Нижнем мире, но красноватой, уродливой земле, если это можно было назвать землёй.

Когтистые, клыкастые, потерявшие человеческий облик, нагие и слегка горбатые демоны сновали по своим делам. Ставшие дикими, нелюдимыми, тенью самих себя, они и взглядом не повели в сторону пацана. Может не заметили, а может и просто выжидали момент.

Один из них, застывший у зигзагообразной острой скалы, явно точил когти. Может так он делал всегда, а может готовился к нападению. Они же наверняка были голодными, злыми, наверняка, как и все звери, не брезговали человечиною, тем более такой юной, сильной, соблазнительной.

Парень сглотнул, хоть это вышло немного неуверенно, пугливо. Нужно было возвращаться, немедленно возвращаться в свой дом, к братику, к родителям, в деревню к своим любимым друзьям. Вот оно, спасение было в его руке, оно было здесь всё это время. Использовать магию, использовать этот магический телепорт, магический синий камушек...

— Нет... ну нет же... — юнец вздрогнул всем телом, нелепо зашатался, поморгал распахнутыми глазами и всё же выронил бесполезные осколки, которые посыпались на землю как нелепый и смешной для этого места дождь. Слишком много силы влил, артефакт всё же не выдержал. — К-к-как мне теперь возвращаться то... — не осознавал парень, вздрогнувший ещё раз из-за этого шума. Казалось, вздрогнула земля, но то был дождь из мелких осколков, эхом прокатившийся по всей округе, добравшийся до каждой изогнутой горы, и, что самое ужасное, оказавшийся в каждом демонском ухе, если эти убогие отверстия можно было назвать ушами.

Привычная для ада жизнь остановилась. Монстры подняли свои чудовищные головы, все слюнявые, убогие, тёмные, склизкие, как будто на них вылили банку чернил. Они подняли головы и молниеносно устремились к юному парню, впервые почувствовавшему настоящий, словно бы первобытный ужас.

«Такого не бывает в этом мире. Просто не бывает. Это какая-то ошибка, какой-то нелепый сюрреалистичный сон. Вот сейчас я проснусь и тогда...»

Парень был в окружении ужасных гротескных фигур, распахнувших пасть и высунувших языки, словно собаки. Их грудь вздымалась и опадала, будто парус, а пасти мечтали вгрызться в свежую молодую плоть.

— Мы так давно мечтали поесть. Ты бы знал какое это мучение, — прошипело одно из созданий, нервно облизываясь да начиная топтать камень у своих липких лап.

— Да, Бог устраивает тут мучения. Нам ещё очень долго нужно мучиться прежде чем мы окажемся в Эдемском саду... Этот чёртов механизм ничему нас не учит, только

насилует, уродует, соблазняет... — проскрипела ещё одна тварь, щёлкнув своими острыми клыками.

— Передайте уже этому Богу, что мы рано или поздно разорвём его, как только выберемся на свободу, — рычал третий монстр, уже увидев наиболее сочный кусок доброго и любопытного парня.

— Как боль и страдания могут учить... Они делают нас только злее. Мы действительно перестаём быть людьми, теряем прежний человеческий облик не только снаружи, но и внутри, — прорычал кто-то за спиной вспотевшего, впервые в жизни помолившегося Богу мальчика, сейчас мечтающего посетить все Церкви Нижнего мира.

«Я не выберусь отсюда, точно же не выберусь. Они меня живым не отпустят. Мама... Папа... Брат... Как же я хочу увидеть ваши лица и попрощаться. Жалею обо всём, я жалею о...»

Когтистые лапы враз погрузились в тело парня. Проткнули его насквозь, вышли с другой стороны. Далее следовал животный рёв, острые клыки, впивающиеся в юное девственное тело, лапы, помогающие оторвать наиболее приглянувшийся кусочек. Тело мальчика моментально было разорвано демонами, тут же с аппетитом съедающими свою долю добычи. Демоны хотели есть. Хотело есть само это место. И каждый из них ненавидел Бога за эти боли, мучения, соблазнения, за эти мысли и ужасный голод, заставляющий грызть собственные когти, за становление истинным животным, ведь каждого из них отныне нельзя было называть человеком ни снаружи, ни изнутри.

Башня будто затряслась от враз высвободившейся силы. Вальтер не собирался жалеть противников, он собирался выложиться на полную. На кону стоял старый миропорядок, на кону стояли люди и весь мир, и кто, кроме Верховного архимага, мог выстоять против этих вестников конца света?

— О, так то лучше, — оскалился чёрный богатырь, облизываясь перед долгожданным боем. Казалось, он уже начал лакомиться подаренным мороженым, таким холодным и приятным, таким желанным и манящим.

Старик поправил своё голубое одеяние, пока и не думая вступать в намечавшееся сражение. Он выискивал что-то, он наблюдал, он пытался заметить и вот оно...

— Превосходно, артефакт при нём, Крис, — дыхание старика прерывалось, сердце билось так сильно, что казалось — ещё немного возбуждения и деда хватит старый добрый инфаркт. Даже прыгающие груди некромантки, прекрасно выглядывающие из разреза, не могли возбудить Авиада так сильно, как то, что он видел своими древними глазами прямо здесь и сейчас.

— Я тоже чувствую. Урод будет пользоваться им? Боже, никогда не коснусь этого артефакта, хоть трахните меня всей башней, — поморщила свой носик девушка, смотря на двух монстров, готовых к первой атаке.

— Я должен заполучить его. Я должен, я обязан. В нём ровно столько магии, сколько нужно для вливания в наше построение, в нашу пентаграмму, — облизывался старик, не моргая и почти не дыша, только наблюдая за выгоревшим уродцем.

Вальтер чувствовал каждую свою жилку, наполняемую вожделенной магией. Густая, она циркулировала по его организму, готовая вырваться в любую секунду. Мана держалась на тонком-тонком поводке, а соблазн спустить её на пособника Демиурга был чересчур велик. Верховного распирала ненависть, злоба. Эмоции накрыли его с головой и перекрыли последние разумные мысли. Оставался лишь ребёнок, мечтающий отомстить своему обидчику, сломавшему так долго им строящейся прекрасный многоэтажный домик в большой песочнице.

Артефакт, магический артефакт, парил совсем рядышком от архимага, перелистывая страницы да готовясь преобразовывать любую магию. Толстая книга была уже раскрыта, пути назад больше не существовало, как и не существовало больше никакого иного пути. Был только бой, только жестокий, тяжёлый бой.

Верховный архимаг, Вальтер, глава Церкви Господа, сильнейший маг Нижнего мира был готов сорваться с места во имя каждого и каждого человека. Он будет щитом, мечом, он будет защищать, он не даст врагам земли добиться своих целей, он станет непробиваемой преградой на их пути. Он сам выбрал себе такое призвание, такую работу, такой путь. Ещё очень и очень давно. Ещё в своём подростковом возрасте.

— Мам, да не расстраивайся ты так. Я смогу достать нам деньги, не плачь...

— Не смей. Слышишь? Не смей! Я не позволю тебе проводить весь день на работе. Я не позволю! У тебя ещё учёба, у тебя ещё столько всего впереди...

Она говорила так всегда, и всегда же этот красивый парень делал всё по-своему. После смерти отца их семья действительно бедствовала, еле удерживаясь на плаву. Несколько

тяжёлых, пыльных работ матери и лёгкая помощь от дальних родственников стали тогда для них спасательным кругом, ковчегом, последним маяком. Они оба ограничивали себя. Все запреты всегда вносились в старый листок, который с годами всё ширился, увеличивался, рос. Вальтер привык к такой жизни. Он знал, что кроме предметов первой необходимости больше позволить себе ничего нельзя. Именно потому парень годами ходил в одной и той же изорванной одежде, днями напролёт выслушивая насмешки и подколы одноклассников, ещё года два назад бывших ему якобы самыми верными и преданными друзьями. На деле они отвернулись ровно в тот же час, как над головой Вальтера появилась смешная ливитирующая табличка, гласившая: «Бедняк»

Друзья конечно остались, не все отвернулись, но те кто остались были не лучше самого Вальтера. Многие из них давно отсидели за грабёж, за насилие, парочка умудрилась получить срок и за дурманящие вещества, на которых сидели все без исключения паренки из трущоб. Только они то и остались с Вальтером, а тот и не удивился. Такие всегда оставались рядом, ведь знали на своей шкуре какво это — жить в разваливающихся домах на окраине столицы, в окружении грязи, попрошаек и противных тараканов с крысами, сновавших из одной убитой улицы в другую.

Мать делала всё что было в её силах. Приходила она поздно, а если и приходила, то никогда и не думала спросить про учёбу, друзей, про жизнь своего сына. Не потому что было неинтересно или совершенно наплевать, а потому что Вальтер всегда к её приходу тихо посапывал в своей скрипучей кровати. Мать улыбалась ему, стоя в дверном проходе, потом на цыпочках подходила к изголовью кровати и легонько целовала в лоб своего единственного мужчину на всём белом свете. Целовала страстно, с любовью, а он всегда чувствовал. Вальтер старался сделать вид спящего только за тем, чтобы не донимать матушку этими бесполезными разговорами. Он знал как ей тяжело и, что более важно, он понимал, что она делала всё буквально на пределе своих возможностей. Он давал ей отдыхать, так как знал, что отдых был нужен матушке как кислород аквалангисту.

Так проходил год за годом. Школа кончилась, кончились и язвительные насмешки. Работы на окраине не было, центр столицы нещадно вышвыривал Вальтера на порог биржи труда, и всё что оставалось парню — набраться терпения и попробовать найти любую подработку в этом жестоком городе, в самом сердце Нижнего мира.

— Чё, любишь мать? Работай давай, работай. Вкальвай как папа Карло если хочешь вытянуть её из этой жопы. Она хорошая женщина, я знаю. Здоровая, сильная, до сих пор сексуальная, а с годами становится только соблазнительнее, — приговаривал шеф-повар Джон, суровый мужчина, обвитый жгутами мышц и поросший густой чёрной бородой.

— Да, она принцесса, красавица... Рыжеволосая фурия, — с любовью приговаривал Вальтер, продолжая чистить картошку и ловя улыбки Джона. Шеф-повар был хороший мужик, но чересчур ценил сейф в своём кабинете, полный огромных, привлекательных денежных сумм.

— Мам, я дома, — крикнул Вальтер с порога, застав дома лишь тишину. Уставшая матушка уже сопела на боку и единственный мужчина в доме поцеловал её в лоб, перед этим убрав рыжую прядь ей за ухо. Она была так красива: белоснежная кожа, как у принцессы, милое умиротворённое лицо, мягкие шелковистые волосы, тонкая талия и элегантные ноги — она всегда была прекрасна.

— Мама, я сделаю всё, чтобы наша жизнь изменилась. Я приложу все усилия... Я так тебя люблю, моя принцесса, — с трепетом сказал юный красивый парень, только сейчас

решившийся на этот поступок. Он добудет денег. Добудет во что бы то ни стало.

Первым громким делом стало ограбление именитого ресторана «В гостях у Джона». Грабители ворвались с парадного входа, перерезав горло охраннику, обворотив все запасы продовольствия, добравшись до того самого так обожаемого сейфа шеф-повара. Джону пришлось поделиться всем содержимым так любимого им сейфа. Осталась только одна жалкая бумажка, да и то неподалёку от самого тайника. Вероятно она выпала при ограблении. Вальтер же в тот знаменитый в столице день на работу так и не вышел.

— Матушка, я ушёл от Джона. Друг семьи, не друг семьи, мне нужна настоящая работа способная прокормить и одеть нас, — сказал тогда Вальтер, впервые соврав собственному родителю, родному человеку, своей любящей матери.

— Ты уверен что найдёшь работу? Я волнуюсь за тебя, мой дорогой. Может тебе помочь? — ласково приговаривала самая любимая и ценная женщина Вальтера.

— Нет, ты достаточно сделала. Достоинно воспитала меня, подняла на ноги. Теперь пришло моё время, я точно достану нам денег, — улыбался парень, а мать уже тогда смотрела на него с неким подозрением. Она не была глупа, была даже умнее многих.

Следующим громким заголовком стало убийство старого бизнесмена и сорока его охранников. Их разорвали на мелкие куски, выпотрошили внутренности, какие-то и вовсе прихватили с собой, унеся на чёрный рынок. Мир был жесток, жили в мире и такие звери...

Потом ещё было ограбление банка, в ходе которого погибла пара его посетителей; разгром казино, где всё было обчищено досуха; потом заказные убийства магов, которых бесчеловечно выпотрошили изнутри, оставив их валяться на земле как пустые ненужные мешки; потом организация беспорядков и зачистка схрона с оружием; столичные перестрелки; очередной вычищенный банк...

Столица постепенно погружалась в хаос. Преступники с завидной регулярностью делали свои грязные дела, неизменно оставляя после себя только кровь, бардак, разбитые сердца и судьбы. Вальтер старался ради матушки, он приносил ей очень и очень большие деньги.

— Откуда у тебя столько, сынок? — дивилась мать, даже не зная, что это далеко не всё награбленное этим столичным преступником, этим насильником, живодёром, вором, она не знала сколько убийств совершил её сын, лишь бы она была счастлива.

— Работа на заводе даёт свои плоды. Пойду на повышение — золотой дождь соблаговолит окатить нас своими бесценными каплями.

— Какого же я сына вырастила... Я так тобой горжусь, мой зайчик. Кто самая счастливая мать на свете?

— Ты самая счастливая мать на свете! — радостно крикнули они в тихом доме и крепко обнялись, радостно смеясь и плача, плача и смеясь. Ради этого момента Вальтер переходил через трупы людей, ради этого момента он был готов хоть на геноцид.

— Никогда больше не печалься, матушка, моё солнце, я всё сделаю как надо, я сделаю нас самыми радостными людьми в столице, — приговаривал Вальтер, нежно хлопая мать по спине.

Вечером его ждала работа. Работа весёлая и интересная. Тогда Вальтер ещё не знал, что это будет его последнее задание.

— Ты не представляешь через что я прошёл, эдемский маг! Я не позволю вам и пальцами коснуться всех этих несчастных людей, я не подпущу вас к ним больше ни на один

шаг, — выпалил Верховный, смотря на одну здоровую руку и ещё на одну здоровую ногу, смотря на те шрамы, которым он был обязан своей святой жизнью, своей любовью к Отцу, к Богу. То были не ожоги, а напоминание. Вальтер помнил всё, помнил тот огонь, ту помощь от родного человека, тот путь, который он устлал трупами непричастных людей. — Я был таким же как и вы, таким же убийцей. Сверните с пути, иначе драка будет кровавой. Вы никогда не добьётесь своих целей, изгой рода человеческого. Бог не позволит, не позволю и я!

Саркис всё ещё улыбался, будто пропуская мимо ушей любое слово, сказанное главой магов:

— Не торопись, всё можно остановить. Скажи только где Демиург, я тебя тогда и пальцем не трону, — настаивал эдемский маг, вопреки своим зачесавшимся кулакам, хотевшим наконец ринуться в схватку.

Уродец качнул головой, шея его захрустела, как и чешуя, доспехом сковавшая его изуродованное тело:

— Я не знаю где он находится. Он пропал, испарился, потерялся ещё года три назад. Я ничем не могу помочь тебе, агрессивный, психованный убийца.

Саркис громко рассмеялся и его смех взмыл к гигантскому, изумительно красивому куполу:

— Не сердись, ребёнок, чего ты так завёлся? Ты ведь что-то скрываешь, боишься, что я узнаю об этом. Вот и сердись, потому что близок к провалу миссии.

— К какому провалу? Что ты несёшь, исчадие ада? Какой страх? Какие тайны? Какая миссия? Ты с ума сошёл, не иначе, — ответил Вальтер и внезапно его глаза засветились яростным, божественным светом. Светом Эдемского неба, светом добра и справедливости, светом дороги к Богу...

— Кто сошёл с ума, так это ты. Внутри как ребёнок, ей богу. Маленький писающийся под себя мальчик. Никогда не смей переступать дорогу таким как я, этот бой станет тебе уроком, малец.

Огненный богатырь взлетел к куполу, стремительно сближаясь с уродливым, анатомически неправильным Вальтером, с высоты кажущимся нелепой мелкой букашкой. Его глаза светились, одна рука была по-женски элегантна, и именно это рука ринулась на встречу кулаку, объёмному бушующим огнём.

Они столкнулись. Чистый первородный свет и неистовая огненная стихия. Они столкнулись и, казалось, этот гром слышала вся столица. Пламя кулака тонкими змеями стремилось подкрасться к этой явно женской руке, источавшей слепящий божественный свет, но как только языки змей высовывались из своих пастей свет усиливал напор, сжигая одну ящерку за другой. Те, предсмертно извиваясь, растворялись в этом воздухе, расточались, делясь на мелкие догорающие частички, искорки, остатки пышущего жаром пламени.

Саркис стиснул зубы. Напор был слишком велик. Его тело уставало от этого натиска, от этого белоснежного кулака, который не сдвигался ни на миллиметр.

— Ты хотел мне преподать урок. Я прав, маг? — кротко спросил Вальтер, облачая в свет свою вторую уродливую, кривую руку и размахиваясь ею, как самым настоящим молотом. Рука, ставшая единым пучком света, понеслась на Саркиса, кувалдой обрушиваясь на живот эдемского мага. Тот согнулся, что-то прокряхтел, но держался, ощущая миллионы светлых нитей, стремящихся поскорее заключить его в прочную-прочную клетку.

— А ты не так прост, уродец, — сквозь зубы прошипел Саркис, чувствуя гримасу, написанную сейчас на его ещё недавно счастливом лице.

Уродец светился. Уродец был похож на божественный луч света, который, казалось, не могла сломить ни одна стихия в мире.

Последнее дело. Последнее задание. Последняя миссия. Вальтер подумал об этом только после всего случившегося.

Обычная работа. В кафешку должен был зайти аристократ со своей свитой — несколькими охранниками, вечно зевающими на своей скучной работе.

Преступники выдвинулись в путь, петляя вдоль домов, стараясь оказаться там незаметно, вовремя, прямо у чёрного входа, который они вскоре успешно взломали, оказавшись в весёлом, затуманенным сигаретным дымом душноватом помещении.

Операция должна была пройти гладко и поначалу всё шло более чем отлично, если такими словами можно было описать погром, переполох, панику, крики людей и несчастных жертв, либо не успевших убежать из кофешки, либо почувствовавших себя главными героями какого-то грандиозного романа, вставших на пути бандитов.

И вот остался только Вальтер да его верный товарищ. Остальные взяли под контроль самые важные точки, осматривая все подступы к заведению, сейчас напоминающему квартиру старой бабки, копящей мусор и не хотевшей убирать собственный дом. Правда, сходство заканчивалось именно здесь. Вряд ли в её квартире можно было обнаружить бездыханные тела.

Перевернутые столы, упавшие стулья с поломанными ножками, ещё горячие трупы людей, которым не посчастливилось в этот час оказаться на месте очередного грабительского набега шайки ничтожных, бесчеловечных преступников.

Битая посуда валялась у ног Вальтера. Посуда, покрытая кровью. Рядом темнела жуткая лужа, отражающая его лицо. Лицо никчёмного изверга, каким он и являлся на самом деле.

— Деньги на пол и выходим. В порядке очереди. Первыми выходят охранники, дальше выходишь ты, если не начинаешь заниматься фигней, — прокричал товарищ Вальтера, смотря на дрожащего жука, на жалкого аристократа с вьющимися в обе стороны чёрными усами, даже под дулом пистолета не хотевшего расставаться с драгоценными деньгами.

— Играете в Робина Гуда, подонки? Забирайте, только отпустите меня, спасители бедняков, — говорил богач уверенно, несмотря на дрожь в руках и внезапную судорогу в шее, сковавшую и без того оцепеневшее тело аристократа. Он смог кинуть в них свой портфель и приказать охранникам удалиться, хоть они того и не особо хотели. Впервые их работа стала увлекательной, так ещё бандиты были те самые, известные на всю столицу.

— Какого Робина Гуда? Ты чудак? Это наше бабло, улепётывайте по очереди отсюда. Я не ручаюсь за своего Черныша, — свирепо оскалил зубы бандит, подходя к портфелю и аккуратно открывая его, взглядом пожирая бесчисленное число бумажек.

— Черныш... Ты о своём черенке? — спросил аристократ, впервые коротко посмеявшись и взглядом провожая медленно выходящих из кафе охранников.

— О каком черенке, богатая паскуда... Я о той пушке, которая хочет петь похлеще твоего члена в постели, — палец, как кувалда, рухнул на курок и раздался оглушительный выстрел. Аристократ стеклянными глазами уставился на бандита и грохнулся со стула, как мешок с картофелем. Попадание в голову. Моментальная смерть.

Отыграв пьесу, пистолет удалился, как и побежавший к чёрному ходу преступник,

подзывающий к себе застывшего Вальтера. Вальтера, который всё это время молчал и не остановил друга от совершенно ненужного в этой ситуации убийства. Вальтера, который в глубине души ненавидел себя, который боялся признаться в том, что он жалкий вор и убийца.

— Давай, дружище. Мы ждём тебя у перекрёстка, — крикнул смеющийся друг и выбежал из заведения, оставив Вальтера наедине с трупами. Наедине с этим запахом не потушенных и не докуренных сигарет, пороха и смерти.

— И сколько я буду так жить? — спросил себя Вальтер, вздрогнувший от прикосновения. Женского прикосновения. Рука обхватила ногу парня. Девушка была жива, хоть и рукой удерживала кишки от грядущего побега.

— Мама... Это ты, моё солнце, мой лучик? — спросил парень, внезапно ставший маленьким ребёнком, каким был ещё много лет назад. Он смотрел на рыжую красавицу, видел боль и ужас в её глазах. Видел и ненависть:

— Какие же вы твари... Каждого из вас ждёт кара божья... Покайся, выродок, и никогда не приходи к своей любимой мамочке. Она не знает, какого бесчувственного уродца родила на свет, — всю жизнь Вальтер боялся именно этих слов, именно этой правды. Его глаза бегали из стороны в сторону, никак не желая признавать горькую истину...

Дверь в кафешку распахнулась, приглашая внутрь столичных магов. Все они смотрели на Вальтера, а Вальтер смотрел на них. Смотрел, быть может, в последний раз.

Женщина всё ещё удерживала его, парень не мог вырваться, а время было на исходе.

Те самые охранники указали на преступника, маги прилили ману к своим пальцам.

«Больно не будет, сыночек. Это всего лишь прививка, всего лишь...»

Прививка от жизни!

Магический фиолетовый плотный шар попал аккурат в плечо и с хрустом да чавканьем разорвал его. Рука подлетела к потолку, нелепо падая на и без того кровавый пол. Боли не было, был лишь тёмно-красный фонтан. Рассудок туманился, Вальтеру становилось всё хуже, а ногу по-прежнему удерживала рыжая девушка. Девушка, так похожая на его любимую мать.

«Ну чего ты капризничаешь? Сиди смирно, Вальтер. Я же обещала, что после процедуры обязательно накормлю тебя сладким. Так чего ты волнуешься? Купим мороженое, карамельку, купим...»

Но всё это будет после боли!

Кафешка занялась огнём, в его здоровую, полную сил ногу приземлилась ещё одна сфера. Огненная сфера, тут же вцепившаяся ему в пах, в низ живота. Адская боль пронзила тело юнца. Нога с чавканьем отсоединилась от тела, Вальтер даже не помнил в какой момент.

«Я смотрю ты неплохо справляешься. Осталось дело за малым, только укольчик. Ничего такого»

Укольчик в этот раз был действительно болезненным!

На одной ноге Вальтер стал скакать по кафешке. Почти не чувствуя тело, теряя сознание, ощущая жар пламени вокруг, бандит и преступник ещё успел увидеть, как вывели рыжую девушку, как стали с прежней силой поджигать бревенчатое здание, как пламя лизало легко воспламеняющееся дерево, как маги старались попасть в нелепо танцующего Вальтера, у которого не было ни левой руки, ни левой ноги.

Кровь всё текла и текла из его тела, ад словно продолжался целую вечность. Агония,

муки, боль, ощущение сна и одновременно с этим ощущение конца.

«Где же сладенькое, мам? Неужто мы не пойдём за ним? Ты же обещала...»

Он горел, горел уже лёжа, рухнув, как мешок с настоящим дерьмом. Вальтер и был дерьмом, был им всю жизнь. Но ему нужны были деньги, ведь так? Он же хотел сделать мать самой счастливой в столице... Но не надо никаких отмазок, Вальтер! Ты подвёл умершего отца, подвёл вдову матушку, подвёл абсолютно всех. И теперь никто тебя не спасёт. Ты сам себе палач, Вальтер.

— Сдохни, гнида! Гори в аду! — кричали маги, кричали честно, кричали громко...

Вот рука, вот спасение, вот тот человек, что тушит пожар, человек, который не кинул Вальтера даже в самый трагичный момент. Момент расправы над бесчеловечным, сгнившим бандитом!

«Спасибо, мама. Я так тебя люблю. Может ещё по мороженому?»

— Сынок, живи! Пожалуйста, живи! — кричала мать сквозь рёв огня. Кричала та женщина, которая плакала над горящим телом жестокого столичного убийцы.

— Зачем ты спасла меня? За что? Ты же всё поняла? Ты же всё слышала? — хрипло говорил Вальтер на больничной койке. Глаза его не раскрывались. А когда раскрылись, то увидели лишь пелену. Видели туман и очертания матушки. Того человека, ради которого он переступал сквозь других людей.

— Я сделала это ради тебя, глупыш. Я люблю тебя, мой Вальтер. Как когда-то я покупала тебе мороженое, так я купила тебе билет в жизнь, мой сынок, радость моей души, — говорила матушка нежно, с любовью. Её голос был смутен, словно говорила она внутри обгоревшего тела паренька, но он слышал. Слышал каждое слово. Слышал каждый полутон так любимого им голоса.

— Мамочка... Я правда был вынужден. Ты же знаешь это, ты это знаешь... Ты же стала самой счастливой женщиной в столице? Ты же почувствовала мою любовь?...

— Да, мой Вальтер. Я всё почувствовала, всё приняла. Как же я счастлива, мой мальш, мой мальчик, мой единственный мужчина.

— Я рад, что всё было не зря... Мы ещё поднимемся, мы ещё познаем радость, я обещаю тебе... Ты — моё сокровище, матушка...

— А ты — мой лучик, Вальтер. Я горжусь тобой несмотря ни на что. Несмотря на разговоры, на взгляды столичных аристократов, несмотря на твою судьбу... Ты — моя гордость. Лапочка, отдыхай, — её голос был так далёк, но так нежен... Слезинка скатилась по обгоревшей щеке Вальтера, будущего Верховного архимага. Он успел помолиться перед тем, как туман с его глаз спал...

— Как ты себя чувствуешь? Пришёл в себя? — это был какой-то врач? Где его матушка? Откуда эта женская рука? Откуда нога? Те самые, белоснежные, прекрасные... Это и есть прощальный подарок матери?

«Что?... Где же ты, сокровище моё? Мой родной человечек?»

— Она погибла. Задохнулась при тушении пожара. Соболезнуем и скорбим вместе с вами, она очень ценила, любила и уважала вас, иначе бы никогда не подоспела на помощь. Мы использовали её тело для вашего восстановления. Отдыхайте, — врач удалился из кабинета, оставив кричащего Вальтера наедине со своими истошными криками. Вот чего стоила его работа? Вот его любовь? Вот то самое счастье, которое он хотел подарить матушке?

Он ещё долго кричал, а воспоминания, как ловкие противные червяки, грызли его сознание.

«Живи спокойно мой мальчик. Я благодарна тебе, поверь»

Но Вальтер не верил. Дёргался и не верил, ведь то был не голос матери, а его собственный рассудок, отчаянно пытающийся внушить эти мысли преступнику, бандиту и убийце, который собственными руками разрушил жизнь многим и многим людям.

Снова огонь был близок. Снова пытался съесть его своими опасными клыками. Но на сей раз Вальтер был готов защищать вверенных ему людей, защищать эту руку, ногу, защищать части своей родной матушки.

— Ну что, тебе до сих пор весело, эдемское дитя? — улыбнулся Верховный своей кривой, обезображенной улыбкой.

Саркис несколько поменялся в лице, став серьезнее, но не потеряв прежнего задора.

— Ещё как весело, Верховный архимаг, — ответил Саркис, усиливая напор. Пламя взъярилось, как дикий необузданный зверь, натываясь на эту божественную преграду. Зверь опадал, подпаленный белым, кусачим пламенем. Зверь опадал, как и сила Саркиса. Его кулак резко погас, а сам эдемский маг совершил прыжок назад, почти задыхаясь от невероятных усилий.

— Ну что? Не хватило? — голос Вальтера враз стал командирским, властным, строгим. Белые глаза словно взорвались, как перезревшие сливы. Два тонких луча, полных необузданной магической силы, рассекли воздух, пролетели сквозь зал и вгрызлись в эдемского мага, с грохотом разрядившись о его тело. Саркис качнулся, потом отступил на два шага назад и тяжело припал на колени, опуская голову и мучаясь от жестокой боли.

— Ты чего так, Саркис? Мы начали или только разминаемся? — съехидничал неожиданно осмелевший Вальтер, как пуля подлетевший к магу и посмотрев ему прямо в лицо, прямо в его ставшие злобными, бешеными, жестокими глаза. Глаза человека, которому вновь дали достойный отпор. — А ты довольно красив, маг. Что ты чувствовал, когда смотрел на такого урода как я? Чувствовал превосходство, чувствовал силу?

Движения Верховного были легки, элегантны, стремительны. Кривая рука подлетела ввысь, вместо пальцев его ладонь венчала обворожительная корона в виде острых белых когтей. Рука прорубила воздух, упала вниз словно восьмиэтажный дом, рубанула по прекрасному лицу Саркиса.

Эдемский маг, не ожидавший удара, отвёл голову в сторону, и его пышная грива накрыла всё лицо. Эти слипшиеся пряди взвились в воздухе, как водоросли, руки чёрного богатыря коснулись земли и два столба плотного, горячего пламени накиннулись на Вальтера. Тот улыбнулся в последнюю секунду...

Огонь разбился о невидимый барьер, тонким контуром очерченный в этом башенном воздухе. Он разливался, превращаясь в гигантскую кипящую лужу, накрывал собой гладкий пол, всё кипя и кипя до полного своего расточения в этом воздухе.

— Как? — спросил эдемский маг, наконец повернувший голову и увидевший перед собой милый женский кулачок.

— Спрашиваешь как, Саркис? Зачем тебе это знать, если ты проиграешь, — кулак остановился у самого носа богатыря. Его пожалели? Пожалел этот жалкий кусок ходящей прогнившей плоти? Но белый пучок света всё же сорвался с зажатой руки Вальтера, сорвался, чтобы тут же взорваться ярким праздничным салютом.

Тело мага из Эдема подлетело ввысь, нелепо пролетело широкую дугу и рухнуло прямо в стену, тут же покрывшуюся мелкой сетью трещинок.

Саркис скатился по стене прямо вниз, глотая пыль, не чувствуя лица, ощущая только непомерную злобу.

— Ты же не мог успеть среагировать. На такой близкой дистанции никто не может спастись от моих столбов. Что ты используешь? Это нечестно, мой друг.

Вальтер истерически хохотнул:

— Честно? А ваши методы? Позаботьтесь в первую очередь о себе... Ну-ну, не расстраивайся, Саркис. Всё же не так плохо, верно?

Эдемский маг сконцентрировал ману буквально на кончиках своих пальцев. Верховный был быстр, стремителен, его нужно было обмануть, заставить ослабить бдительность. Следующая атака точно работает, богатырь знал.

— Нам не нужно его побеждать... — почти шептал противный мелкий старик, тут же идя на попятную. — Нам нужна только книга, Крис. Если нам удастся заполучить её, Саркис наверняка сможет окончательно победить его. Так ведь? Нужно забрать, как-то забрать...

— Не получится, — мёртвым голосом сказала Крис. Сказала ту самую правду, которую скрывать смысла больше не было. — Он очень силён. Ты же чувствуешь эту энергию от каждого его магического приёма? Она же просто бесподобна, ни один маг не может тратить столько маны в такой короткий срок. Ты же понимаешь это и без меня, Авиад...

— Довольно! — всплеснул руками растерявшийся старик, отчаянно затопавший ножками и явно нервничавший как никогда в своей длинной насыщенной жизни. — Не хочу слушать этот бред! Если ты и дальше будешь нести эту несусветную чушь, я подвешу тебя за сиськи прямо в этом зале, я тебе обещаю.

— Ты можешь обещать хоть стать звёздочкой на ночном небе, если тебе так легче, но ты должен понять одну истину — мы ему не соперники, — это прозвучало как приговор, как гром среди ясного неба. — Ты в таком состоянии не сможешь помочь Саркису, у тебя не хватит сил. Ты же...

— Молю, помолчи! Не раздражай меня... — Авиад всегда боялся слышать правду. В особенности он боялся того, что она скажет, что старик трус и вечно бегал от сражений, причём с самого начала своей жизни. Его удел — это язык, который работал как помело. Сам он из себя ничего не представлял...

«Хватит, хватит, хватит... Опять глупости лезут, ползают, летают в моей голове. Конечно всё не так. Конечно я бы мог добиться всего своими руками. Я же не трус какой-то, не манипулятор...»

Старик убежал от правды всю жизнь, пытался убежать он и сейчас, удрать, как заяц в лесу. Но в самый ответственный и долгожданный момент всей его жизни истина всплывала, как покойник из глубокого озера.

Старик не мог забрать магическую книжку. Пока Саркис не доказал обратное это был неопровержимый факт.

Башня будто бы снова качнулась, застонала, может и наклонилась в сторону. Саркис бежал кругами вокруг Вальтера, который и не думал крутить головой. Верховный терпеливо выжидал момента, не совершал ни одну ошибку.

Эдемский маг продолжал свой бег.

«Как же мне его достать? Может в начале убедиться? Да, попробую атаковать. Вся его сила в скорости, не больше»

Бег внезапно завершился тяжёлым ударом ботинка, крошащим гладкий пол, широким размахом богатырской руки и стремительным выпадом. Несколько ярких, заряженных магией снарядов ловко разлетелись по залу, летя только по своему уникальному маршруту, а потом снижаясь прямиком к Вальтеру. Снова свечение. Ровно в точках предположительных попаданий. Один за другим шары разрезались, как капуста, и бесполезными остатками падали на пол, догорая, как не потушенная сигарета.

«Нет. Это не сферальная защита. Это был росчерк. Множество еле видимых росчерков, крошащих мою атаку на мелкие куски. Магия Вальтера молниеносна, легка, бесподобна, но это не абсолютная защита»

Саркис оторвался от пола, начиная свой разбег.

— Ты всё ещё разминаешься, эдемский выродок? — пара ослепительных шаров сорвалась с рук Вальтера и со свистом понеслись к Саркису. Одна чуть не задела пятку,

успешную выскользнуть из под удара, вторая только продырявила и без того изношенную куртку мага, оставив на ней лишь отверстие да клубящийся дымок.

«Отлично. Я могу развить такую же скорость. Теперь молись, Вальтер!»

Два оглушительных взрыва сотрясли башню. Диковинный салют озарил залу, а ударная волна подхватила эдемского мага, понесла его вверх, позволила ему взлететь и обрести невероятную для человека скорость.

Саркис с шумом зажёгся, как фитиль, и птицей кружил вокруг Верховного архимага. Пара словно бы обретших крылья огненных шаров взмыли в воздух, несколько шипящих струй ринулись с другой стороны, огненные столбы пронзили пол в нескольких местах и юркими змеями зарезвились в воздухе, танцуя, как балерины на сцене. Несколько пламенных дуг с криком чайки пролетели над головой Вальтера, взмывая в небеса и также ожидая команды.

— Он умён, этот Саркис. У него есть неслабый шанс, — с надеждой приговаривал старик, молитвенно сложив руки на груди.

Справа, будто бы из ниоткуда, соткались большущие стрелы, смотревшие напрямиком на врага, сейчас также застывшие в воздухе.

Воздушная огненная феерия заиграла в воздухе совершенно иными красками. Магия смешивалась, сплеталась, кружилась, словно бы это было огненное шоу, а не тяжёлый бой.

Мелкая яркая точка сорвалась с неба, рассекая воздух, птицей опускаясь вниз. Грива будто бы горела в пламенном неистовстве, очертания тела размывались, растворялись в этом невероятном пожаре. Огненная сфера кружила как бешеная, рисуя зигзаги, окружности, квадраты, конусы. Руки богатыря на огромной скорости низвергли на стоящего Вальтера бурный кипящий столб, тут же столкнувшийся со слепящей рукой. Огненные столбы, ринувшиеся сразу с нескольких сторон, обрушились уже и на вторую руку Верховного и весь зал взорвался в этом магическом шоу.

Всё искрило, сверкало, в воздухе летали молнии, всю башню поглощал этот свет, эти краски, это неопишуемые фигуры. Саркис не прекращал напор, продолжая держать на контроле обе руки Вальтера, сейчас буквально сотканые из божественного, чистого света. Ударные волны следовали за ударной волной, магия неслась по стенам, по куполу, по полу, проносилась по всем окрестностям.

Искры, как бенгальские огни, превратили вечер в самое раннее утро. Натиск был страшен, но Саркис продолжал. Руки Вальтера плотно удерживали магию с двух сторон. Огонь расточался, развоплощался, погибал в страшных муках, но на замену ему прибывал другой — новый, чистый, неистовый.

Фейерверк над головами двух столкнувшихся поистине дополнял картину. Настоящий салют, большая часть которого смело ринулась в разные стороны, чтобы потом полететь на Верховного.

Руку. Вальтеру пришлось освободить руку. Короткие росчерки крошили магию со всех сторон, превращая её в жалкие частички маны, в смехотворные безболезненные элементы. Воздух рвался на части, искры кружились по залу, огненные дуги пытались прорваться, с треском распадаясь на части и взрываясь невероятным цветным фейерверком, в котором тонули и остальные сферы, стрелы, столбы, натыкающиеся на белоснежные божественные росчерки, крошившие ману, как повар помидоры. Свет озарил всю залу, стены тряслись, магия бушевала, будто неистовый шторм, всё свистело, сверкало, кричало, но белая ослепительная точка держалась достойно, своим светом прорываясь сквозь горящий в огне

воздух, раскалённый до предела. Фигура за фигурой, атака за атакой рубилась на части, и воздух наполнился вкусом магии, а может и вкусом первой победы Саркиса за долгое время, кто знает...

Огненный столб, попавший под неистовую божественную «мясорубку», смог прорваться к телу Вальтера и неожиданно окатить его огнём. С ног до головы. Смог окунуть уродца в свои пучины бушующего ада.

Свет магии Верховного начал тухнуть, но росчерки всё ещё разбивали атаку за атакой. Другая же рука всё ещё удерживала огненный столб, пытающийся прорваться к уроду во что бы то ни стало.

Эдемский маг прокружился в воздухе и прекратил атаку, погасив свой жирный оранжевый луч, дав и второй богоподобной руке Верховного отбивать очередную волну мелких, озорных заклинаний, повторяющих историю своих предшественников, ураганом напирających к другой руке Верховного архимага.

Вальтер погряз в жидкой лаве, но продолжал отбиваться ото всех атак. Книга рядом с ним искрила, дрожала. Вероятно в ней то и была главная его сила.

— Сила в книжонке, да, уродец? — вяло улыбнулся уставший Саркис.

Прокружившись в воздухе, маг рухнул на землю, снова отправляя жирный оранжево-чёрный столб прямо в утопающего в огне Вальтера. Пройдя сквозь росчерки, сумев добраться до тела, пламя снова накрыло Верховного, который только сейчас бурно-бурно закричал из-под огненной шубы.

Последнее заклинание пропело песню и мелкими частичками распалось в воздухе. Вальтер сновал туда-сюда как заведённый, пытаясь стряхнуть обуявший его тело огонь. Тот самый огонь, от которого он убегал всю свою жизнь.

— Боже... Нет... Я молю... Скиньте огонь. Ну же! — его нога показалась из пламенного, бурлящего одеяла, потом показались руки, голова. Верховный извивался как змей, трясясь всем телом, чувствуя, как заново горела его несчастная кожа, каждая клеточка его страдальческого тела. Нога самой последней вырвалась из западни, которая моментально сползла на пол, накрывая его, как тёплое одеяло. Если одеяло, конечно, могло дымиться.

Верховный архимаг, бедный и одинокий Вальтер, прошёл пару шагов, всё ещё отряхивая огонь, шатаясь, как последняя пьяница, мучаясь, как единственный грешник на этой земле, но он прошёл некоторое расстояние, прежде чем рухнул вниз грудой обугленной кожи и мяса. Теперь он действительно был похож на ходячий труп. На ходячий труп, который будто бы целовался с этим гладким полом.

Магия эдемского мага тут же иссякла и Саркис широко распахнул глаза.

— Одна тьма... Одна крошечная тьма в глазах. Ничего не видно... Пустота... Я потратил абсолютно всё, я пуст. Если эта тварь встанет, я не смогу сразиться, — осознал богатырь, трупом падая на землю, буквально сотрясая вмиг притихшую башню. Невиданное огненное шоу завершилось. Воздух ещё долгие десять минут дрожал от высвободившейся силы.

— Что он сделал? Что это за сила, а? Я же тебе говорил что не всё потеряно, Крис, — облизнулся горбатый старикан, всё ещё не веря в то, что стал свидетелем самого красивого и фееричного боя в истории Нижнего мира.

— Эта сила... Боже, они не люди... Нет... — опешила девчушка, даже забывшая о напрягающих её всё это время высоких слугах позади своей спины.

Книга прекратила дрожать от напряжения и нелепо рухнула вниз, всё ещё полная так необходимой старику магии.

— Это наш шанс! — старик, раскрыв глаза от возбуждения, дёрнулся с места, под предостерегающие крики молодой некромантки. — Отстань, я не упущу свой шанс, я добыю эту гадину и отберу то, что положено мне по праву.

Подошвы его ботинок, казалось, гремели под куполом столичной магической башни. Старик бежал, не замечая одышки ещё очень долго, пока его рука не дотронулась до этой желанной обложки. Той самой, о которой он мечтал ночами. Той самой, что наконец трогали его крепкие руки.

— Да, это она... Та самая книга. Тот самый артефакт, — не верил старик, смотрящий на эту фиолетовую толстую книгу как на великолепный экспонат. — Теперь то всё получится, теперь то всё позади!

Старик обнял её. Обнял крепко-крепко, как не обнимал ни одного человека в Нижнем мире.

— Ты моя, моя, моя! Я так долго ждал, надеялся, верил... Нет, я знал! — кричал алчный жадный дед, для которого весь мир враз стал чуждым и нежеланным. Ему нужна была только она, эта магическая книга...

— Ты не мог ничего знать, глупый старик... За столь большое количество времени ты так ничего и не понял, болван, — закричал Вальтер, стискивая зубы, но всё равно поднимаясь на свои сгоревшие ноги, жаркие, как песок на пляжах, кривые, как ветки деревьев. — Старый мятежник, я думал ты давно в прошлом... Как же я ошибся, сразу не прикончив тебя, предатель нашего Бога, нашего мира, нашей Церкви.

Глаза Верховного архимага зажглись, как жуткие фонари в темноте, рождая два коротких луча, помчавшихся на нелепо уставившегося Авиада, сразу испугавшегося, растерявшегося, забывшего об артефакте в своих руках.

Один луч попал ровно в старческую тощую руку, другой же протаранил толстенный том и тот, почудилось Вальтеру, охнул от боли, улетаая вдаль залы вместе с Авиадом, жалким слабым человеком, настоящей занозой в теле этого мира.

— Власть? Новый мир? Порядок? Помело не устало рассказывать сказки? Какой из тебя творец, старикан. Спи, твоя эра давно кончена, — Вальтер смог полностью выпрямиться, слыша хруст во всём своём теле. От него всё ещё струился дым, от него всё ещё пахло чем-то жареным, уродливая фигура, его безобразная внешность стали в разы уродливее и безобразнее. Но ребёнок внутри него бесконечно долго и упрямо твердил — не бойся огня, ты уже проходил через это. Не бойся и эдемского мага, какими бы силами он не обладал. Бой ещё не был закончен. Вальтер мог драться и бороться за этот мир.

— Эй, ты, жаркое... — прохрипел Саркис, абсолютно не чувствуя магию внутри, но собираясь победить хоть раз в честном, доблестном поединке, о котором так долго мечтал. — Мы с тобой ещё не закончили. Ничего личного, просто мне нужна победа и Демииург. Можешь сдаться прямо сейчас, гарантирую жизнь и здоровье.

Верховный нашёл в себе силы от души похохотать:

— Не нужно мне твоих гарантий, кроме трупа и стеклянных глаз, смотрящих прямо в купол этой башни. Можешь не сомневаться, убивать я умею.

Будучи истощёнными, они всё равно собирались закончить начатое. И только солнце светило закатным светом, и только птицы уже не пели в затухающем мире.

— Ты чувствуешь его силу, магию? — Крис снова задала неудобный, но крайне важный вопрос.

— Э... Кх... Помнишь, что я говорил тебе про сиськи? — пыхтел дед у стены, облокачиваясь на девушку и пытаясь встать на свои слабые ноги.

— Да, они соблазнительны и больши, я знаю.

— Нет, дура. Я ей богу подвешу тебя на них в этом зале, если не заткнёшься, — некромантка промолчала, продолжая помогать кряхтевшему Авиаду. — Почему меня спасает дама, а не доблестные слуги? Застыли, погляди на них... Слов нет, понабрали смуглокожих, чёрт бы их побрал.

Слуги не пошевелили ни ухом, ни глазом, бесполезно стоя рядом. Даже воздух, наполненный магией, был им совершенно безразличен.

Саркис еле дышал. Его грудь болела, одежда стала похожа на лохмотья, лицо украшали глубокие пять порезов от божественных световых когтей, уже покрывшихся толстой кровавой коркой, тело потеряло прежнюю богатырскую статью, пафос, силу, а магии не осталось ни в одной жилке его тела...

— Маг из Эдема, не думай, что я стану бояться твоего пламени, — неуверенно начал Вальтер. Может он и боялся, может ребёнок внутри него и сжался от необузданного страха, но нельзя было подавать и виду.

— Твоя рука, Верховный. Да и твоя нога. Они вряд ли принадлежат тебе, Вальтер, хоть сейчас и они стали чёрными, как угли для мангала.

— Что?... — глаза Вальтера стали жечь от обиды и злости. Казалось, он готов заплакать, зареветь, как маленький наивный ребёнок после того, как ему сделали замечание. — Не смей мне такое говорить... Ты и только ты виноват в том, что я потерял последнее в своей жизни... И ведь тебе всё равно на страдания других, ты готов переступить через трупы как и я в своё время.

— Ты чего так злишься? Я тебя задел, маг? Извиняй, такая уж моя работа, — пожал плечами Саркис, не чувствуя ни магию, ни её хоть махонькое, но восполнение в теле.

— Это не работа такая, а твоя суть, гнида... Ты решил, что можешь втоптать в землю всех, кто попадётся тебе на пути. Ты возомнил себя вершителем судеб. Ты... Ты сделал больно не только мне, ты сделал больно и Богу!

Верховный рванул с места, будто ребёнок, впавший в неостановимую агрессию.

«И чё мне теперь делать? Драться голыми руками?»

— Маг, лови! — крикнул Авиад, подбрасывая свою магическую книжку, более слабую, чем вожденный артефакт в его руках, описавшую широкую дугу и упавшую ровно в руки Саркису, успевшему ещё и бодро кивнуть старику да послать ему воздушный поцелуй.

— Ну вперёд, — эдемский маг раскрыл артефакт и тот подвис в воздухе, словно удерживаемый невидимыми нитями. Зелёный свет озарил башню, одарил её этим приятным цветом, вселяющим надежду и дарующим бесценное спокойствие. Только вот Вальтер успокоиться уже не мог. Его могла остановить только смерть...

— Саркис! — сотканный из чистого, прекрасного света, луч резанул воздух, громко стукнувшись о подставленные ладони богатыря. О ладони, вновь объятые переливающимся, бурным магическим огнём.

«Я могу использовать всю магию из книги, высосать её, как комар кровь»

Руки мага задрожали. Луч, меняющий толщину, молниеносный и разливающийся окрест, всё выходил и выходил из чёрных, мерзких ладоней Верховного мага.

Он пропал неожиданно, внезапно, заставив Саркиса чуть отступить назад. Вальтер бежал неровно, но быстро, облачая кулаки в своё божественное свечение.

Он ударил сбоку, приземлил кулак прямо в бок богатыря. Следующий рубанул по скуле, заставив Саркиса нелепо всплеснуть руками. Кровь струйкой полетела по залу, тогда как Вальтер не прекращал наносить удары. Чёткие, громкие, почти невидимые обычным зрением. Руки Верховного будто бы слились с воздухом, превратились в белоснежное райское покрывало, ударявшее то одним своим шёлковым краем, то другим.

Тело Саркиса билось в конвульсиях. Каждая часть его тела ныла от нестерпимой боли, и вот уже маг подлетел в воздух, вот он уже терял сознание, всё ещё пытаясь бессмысленно воспользоваться магией, но всё было тщетно. Вальтер продолжал наносить удар за ударом.

Даже в воздухе его настигло это покрывало, это мельтешение, это чистое свечение, так похожее на небо в Эдеме. Кулак за кулаком, удар за ударом, свет за светом, боль за новой болью.

Чёрный богатырь подлетел к куполу, коршуном пикируя на пол. Облачко пыли накрыло его, прикрыло, но Вальтер был неумолим.

Прокружившись в воздухе, Верховный рухнул в пыль, развеял её, снова найдя эдемского мага, но на этот раз покрытого танцующим огнём.

Вальтер плавно рухнул рядом, разметав камни и росчерком деля на две половинки несущийся огненный шар, взорвавшийся и разметавший искры где-то за обгоревшей спиной.

Плотные столбы огня снова вырвались из земли, сплетаясь, расплетаясь, окружая Вальтера, превращаясь в прочную пламенную клетку. Небольшие, почти незаметные росчерки рубили подступающие стволы, разносили их в щепки, расшвыривали по залу, пока Саркис вдруг не подбежал к Вальтеру, размахиваясь своим кричащим кулаком. Змея стремительно сорвалась с крепкой руки богатыря, высунула свой язык, озорно захохотала и смогла пролететь сквозь росчерки, сквозь эти мелкие световые кинжалы, крушащие толстые, неподатливые, пламенные столбы.

«Не бойся огня. Огонь — друг человека. Будет не больно, ты много раз обжигался им. Не переживай, ты смог выйти отовсюду победителем. Выйдешь и сейчас, Вальтер. Выйдешь, я тебе это обещаю...»

Змея с ужасным шипением, выгибая тело и радуясь своему успеху, вгрызлась Верховному прямо в шею, укусила, вонзила свои клыки прямо вовнутрь, заставила вспотеть, поморщиться, закричать.

«Нет, Вальтер, всё проходит. Это же не конец. Наша борьба ещё продолжается, не обращай внимание, не обращай...»

Тело ящера обвило грудь архимага, сковало руки, прижав их к телу, подожгла кожу, начиная нещадно сливаться с уставшим чёрным телом.

«О боже, как же больно... Я не могу ничего сделать, не могу... Что я такого сделал этому миру? Почему один я терплю эту адскую боль, пожирающую всё моё тело? Почему никому никогда меня не жалко? Я настолько ужасный человек?»

Росчерки рассекали воздух, рубили и рубили эти жирные столбы, покуда не погасли окончательно, разбросав мириады ярких искорок. Вальтер не мог больше отбиваться, мучаясь от адской боли, от оплётшей всё его тело змеи. Лава вновь накрыла архимага, вновь

его скушала, вновь спрятала его от всего мира, будто самого страшного преступника.

Те же боли, те же мысли, те же чувства, как в тот самый день, как на том самом задании.

«За что всё это? За что? Почему я вечно выползаю из огня, чтобы попасть в него вновь? Почему всё так сложилось? Ну почему? Я же силён. Силён, быстр и умён... Уберите с меня это пламя, я так устал. Устал от всего в этом мире...»

Вальтер вновь выбрался из западни, снова восстал из мёртвых, уже трясаясь всем телом и распахивая глаза при виде любого огненного сгустка. Он чуть не падал, но шёл, размахивая своими руками, уничтожая сферу за сферой, стрелу за стрелой, падающих ему под ноги от одного небольшого прикосновения к ним божественного света.

Руки, облачённые в свет, как в прочные доспехи, гасили любой огонь на своём пути, швырялись им, опрокидывали наземь, разбивали, как тонкое стекло.

— Перестань мучить меня, эдемское животное, — из руки Вальтера выскочила тонкая плётка, полностью состоящая из частиц света. Она станцевала в воздухе и отправилась в полёт, обхватывая стопу Саркиса, крепко сковывая её, схватывая, удерживая. Эдемский маг всё ещё посылал заклинание за заклинанием, которые дружно бились об оставшийся свободным кулак Вальтера. Треск, разъединяющиеся части огня, этот проносившийся по залу яркий свет... Заклинания, словно бесполезный мусор, дружно накидывались на архимага, уничтожаясь и уничтожаясь о его прекрасную руку, пока одна из огненных танцующих атак наконец смогла просочиться ближе к телу Вальтера, перед этим улыбнуться, заверещать и обнять самого сильного мага в мире. Тот истошно заверещал, хоть шар был мал и не так уж и сильно обжигал несчастное, кроваво-чёрное тело. Вальтер почувствовал слёзы на своём уничтоженном, запёкшемся лице. Он боялся, он переставал дышать от волнения, у него не осталось никаких сил терпеть эту боль, эту муку...

— Прекрати! Слышишь, тварь, перестань меня трогать своей проклятой магией!.. Я умоляю, просто отстань от меня, маг...

Плётка взлетела ввысь, унося Саркиса куда-то высоко-высоко, к самому куполу. Да, богатырь выглядел неважно, но всё ещё мог биться, хоть магии в книжке оставалось буквально на доньшке.

— Я разорву тебя на части... Зачем ты мне причиняешь такую боль? Ты знаешь, что это такое — гореть в адском пламени? — вопил Вальтер.

Плеть раскрутила эдемского мага и унесла вниз, будто в бездну, со всей силы шмякая тело Саркиса, вдавливая его в пол, с ненавистью отправляя вновь летать и опять вбивая его как гвоздь в доску. Кровь текла из мага, обильно текла из всех его пор.

— Не смей меня больше трогать... Не смей, маг! — несколько ослепительных шаров пронзили воздух и с треском вцепились в тело Саркиса, которого метали из стороны в сторону, как футбольный мяч, как мешок с дерьмом.

«Почему как? Он и есть мешок с дерьмом. Он тот, кто причинил тебе эти неопишуемые страдания, боль, кто вывел тебя на слёзы... Никто не будет больше касаться тебя пламенем, никто-никто. Ты не заслужил этого, Вальтер. Ты всё в жизни делал правильно, на совесть»

Оглушительный грохот, искры и треск закладывали уши. Белые молнии разлетались по залу, вслед за несущимися сферами, с остервенением вгрызавшимися в тело эдемского мага.

— Они оба останутся без магии, если не сдохнут. Как же удачно я их столкнул... — хихикал Авиад, потирая руки. — Крис, ты чувствуешь нашу победу?... Крис?

Девушка молчала, горестными глазами смотря на радостного старикана.

— Крис, что-то не так? — взволнованно спросил Авиад.

— Пришло донесение. От слуг... Эм, передаю дословно: «Ваши люди по очереди отказываются от камней... Они не хотят уходить одни, они хотят чтобы вы переместили их в мир вместе со всем человечеством», — выпалила девчушка, уже пожалев, что сказала это именно сейчас, в самый ответственный момент.

— Чего?... Ой, ну и ладно. Возьму тех, кто пойдёт со мной... Тоже мне, защитники простаков... Глупые аристократы... Альтруисты хреновы... Герои... Предатели... Ну вы подумайте, хотят сорвать План... И без предупреждения...

— Он явно остался зол. Скорее даже растерян. Впрочем, как и всегда в таких ситуациях, — прошептала девушка, решившая больше не раскрывать своего рта. Уж лучше помолчать, чем выслушивать очередные оскорбления от старика.

А под башней уже почти было всё готово. Слуги доставляли ману, потные, уставшие, но они работали, надеясь в ближайшие минуты покончить со своим тяжёлым делом. Извилистые бесконечные лабиринты заполнялись магией, до отказа забивались ею. Фигура светилась бы от магии, если б могла светиться. Пятиконечная звезда дьявола, пентаграмма, самое могущественное заклинание Нижнего мира было уже готово. Скоро всё могло измениться: мир, люди, реальность, порядок. Оставалось немного времени до конца света, но у старого порядка ещё был шанс. Не всё потеряно, не всё обречено. Шанс был всегда. И этот мир ещё надеялся и верил в то, что придёт герой, который избавит его от этой магической звезды. Звезды о пяти концах, каждый конец которой и был башней архимага. Пять точек, пять башен, пять архимагов, пять армий. Церковь Господа создавалось ради этого мига, ради триумфа истинного зла. Её создатель Демиург продумал всё с самого начала. И сейчас пентаграмма наполнилась тягучей, плотной, булькающей маной, готовой вырваться из своего дьявольского заточения и перевернуть мир с ног на голову. Запахло концом света, последний ветер облетал Нижний мир. И всё будто бы замерло: люди, деревья, птицы, животные, облака. Всё застыло, вдыхая этот застывший во времени воздух. Последний воздух тяжёлого, трудного, но так всеми любимого мира. Мира старого, но привычного порядка, мира добрых и бесчеловечных людей, мира творчества и неумолимой критики. Того многогранного мира, который никто никак не мог окончательно выбить из своего сердца!

Плётка молотила тело эдемского мага, швыряла, бросала, роняла, вбивая его в этот гладкий пол, сейчас исколовшийся и окончательно разрушенный.

От Вальтера к куполу тянулся жирный дым — так сильно догорало его тело где-то внутри. Из светящихся глаз к Саркису ежесекундно вылетал очередной луч, со свистом пересекающий зал и бодро разряжающийся о почти потерявшего сознание гордого богатыря. Он явно был при смерти. Сила Вальтера была действительно впечатляющей.

— Нравится тебе? Любишь боль, страдания? Обожаешь смеяться над такими уродами как я, да? — кричал Верховный, управляя своей плетью и таща мага по стенам, по раздробленному полу, заставляя его скакать по этим вырывающимся камням, его лицом разрушая высокие, грациозные стены.

Жирный, плотный, самый толстый луч полетел на мага, буквально утопив его в своём ярком свете, в пронзительном визге, в своей неоспоримой мощи.

Зал снова взорвался, снова затряслись уставшие стены, вновь ударная волна за волной норовили снести эту башню с места. Ослепительный божественный гриб подлетел к куполу.

Последний свет Бога в этом зале. Последнее заклинание, сжигающее сейчас Саркиса пронизывающее его своими ненавистными, но такими прекрасными лучами. Столб света сузился до небольшой веточки, чуть прожарил тело мага и лопнул, распадаясь на осколки. Плётка, как стекло, громко разбилась, осыпая пол мелкими частями того, что раньше было заклинанием Вальтера.

Уродец шатнулся, его глаза закатились, тело хотело покоя, тело боялось, тело надеялось...

— Господи, он должен был помереть. Я остался без магии, моя магическая книга уже не при мне... Я не могу ходить, почти не могу дышать. Бог, услышь раба своего... Прекрати эти муки...

Башня заполнилась тишиной. Ни звука, ни шороха, ни движения. И только Вальтер смотрел куда-то ввысь. Смотрел и мечтал о том, чтобы выглянуло солнышко.

«Матушка, прости. Я не смог уберечь твою ручку, ножку... Я правда хотел сохранить тебя, но этот жестокий мир лишил нас счастья. Где же то солнце, которое следует за проливным дождём? Где же тот свет, который я мечтал увидеть вместо жирных клубящихся туч? Матушка, ты же знаешь как я тебя люблю? Знаешь, чувствуешь, веришь?...»

Он смотрел на свои руки, на ноги, на живот, ставшие чёрными углями, видел эту противную чешую, чувствовал бешеный стук сердца, находил и изорванную кожу, видел и мясо...

— Боже мой, почему только я удостоился такой участи? Я же преданно служил людям, полюбил мир, спасал товарищей... Я не понимаю, почему именно я такой?... Господи, как же я хотел жить, просто жить! Жить ради других, жить с другими, жить в мире с самим Нижним миром...

Он снова плакал. Ему было жалко себя, ведь от него остался только бедный ребёнок, прячущийся внутри этой уродливой оболочки. Он был мечтателем, человеком идеалов, неплохим стратегом, добрым, но наивным человеком... Он плакал о своей судьбе, а Саркис уже встал на ноги. Злой, окровавленный, жестокий убийца, как Вальтер в свои ранние годы. Эдемский маг выглядел сейчас точно также.

— Маленькая уродина, дрянь, я не отпущу тебя! — закричал Саркис, рядом с которым вновь взлетела книжка. Та самая магическая книга Авиада, его личный, слабый артефакт.

Вальтер обречённо смотрел на бесчувственного маньяка, на изверга, на убийцу. Казалось, глава магов стал маленьким жуком или мелким ребёнком, который боялся насилия, боялся взрослой жизни, боялся ревущего, рычащего на него пламени. И боялся этого ужасного человека...

Огненный шар рванул вперёд, приземляясь в плечо и с хрустом разбивая его вдребезги. Вновь кровь, вновь боль, вновь обречённость.

Рука взмыла к куполу, противная, кривая, чёрная рука, упавшая где-то в конце зала:

— Нет... Зачем так?... Почему именно так, скажи мне?... — верещал Вальтер, прыгая из стороны в сторону, так боясь своего прошлого, боясь испугать маленького ребёнка внутри чёрной, твёрдой раковины.

— Получай, мразь! Надо было сразу тебя порешать, уродец! — кричал Саркис и ещё одна сфера со скоростью света вгрызлась в другую руку, в руку матери, матушки, солнышка, лучика... Своей неистовой магией Саркис вырвал и её.

— Мамочка... Боже, маг, прекрати... Я такой же живой человек как и ты. Остановись... Я же молю тебя, ну не трогай меня...

Вальтер прыгал без рук. Были только жалкие обрубки да обильные фонтаны тёмной крови. Как когда-то давно, словно он и сейчас был злодеем и преступником, насильником и бандитом.

— Заткнись и наслаждайся, погань! — сплюнул маг и разбежался, облачаясь в свою огненную броню.

Чёрный, изуродованный Вальтер бегал, прыгал, он всё ещё был жив, пережив столько боли, страданий и мук. Он лишился матушки, теперь уже окончательно. И не стали они счастливыми, ведь не стали!

Верховный задёргался, смотря на приближающегося эдемского мага, смотря на этот яркий огонь, на его изгибы, на танцы, на узоры, которые он рисовал в воздухе.

— Подожди, не трожь меня... Ты же не можешь быть таким жестоким, никто не может быть таким жестоким, таким злым... Ну прекрати же... — он больше не дёргался, словно смирился. И только слёзы скатывались по его впалым щекам, по его коркам, лишь отдалённо похожим на человеческое лицо.

Урод уродом, но он был человеком, который стоял на страже каждого и каждого дома. Он был добр как Бог, милостив, радушен, мечтателен. Всегда старался улыбаться в лицо трудностям, оскорблениям, в лицо самым злым людям. Таким был Вальтер, глава Церкви Господа, добравшийся до своего поста, ставший таким великим, хоть и родился в убогих столичных трущобах.

Саркис накинудся на тело архимага, вдалбливая его в пол, прыгая на нём, как на батуте, с ненавистью ломая рёбра, раздавливая органы, наслаждаясь страданиями этого человека, мечтающего стать самым счастливым человеком на свете.

— Уродец, мерзкое животное, жалкая тварь! — он прыгал и прыгал на нём, смеясь ему прямо в лицо. Лицо, которое ожидало помощи, ожидало милосердия, ожидало сострадания. Но всё было напрасно... Мир был однако жестоким и злым, нежели о нём думал ребёнок, спрятавшийся внутри оболочки Вальтера.

— Умоляю... Прекрати... Пощади меня... Саркис...

Эдемский маг издевался над ним. Накрывал лицо огнём, отрывал кожу, сдирал её целыми пластами, метал во все стороны, наслаждаясь мучениями этого павшего человека, этого человека, который потерял самого себя: свою внешность, свою душу, свою жизнь.

— Нравится, падаль? Этого ты так хотел? Ты дурень, что бросил мне вызов, отродье, — он швырял его, рвал на части, словно не замечая последних слов Вальтера, его последних слёз, последних прошений. Но никто Верховного больше не слушал... Он уже потерял всякую ценность для кого бы то ни было в этом мире.

Саркис вырвал его ногу, бросив её куда-то в даль, куда-то очень далеко. Вальтер корчился, дёргался, просил, но Саркис только улыбался ему в лицо.

«Я заслужил такую кончину? Заслужил эти адские муки? Господи боже, почему все такие жестокие? Почему меня расчлениают? Почему вырвали мою ножку? Разве она кому-то так сильно сейчас мешала? Почему меня сжигают, делят, разбирают? Я же живой человек, почему ни одна душа в мире не сочувствует мне? Не идёт на помощь? Я же посвятил свою жизнь не себе, а обществу... Господи, как же больно. Дай мне умереть спокойно, Бог...»

Его до сих пор забивали в землю, швыряли, брали за кожу, топтали ему грудь, живот, голову.

— Нравится, выродок? — опять крикнул маг из Эдема, зажав тело Вальтера ботинком, берясь за последнюю конечность, за последнюю кривую ногу, покрывшуюся коркой. Один

момент и нога взмыла ввысь, уносясь куда-то далеко, и Верховный архимаг теперь точно лишился абсолютно всего, оставшись наедине с истинным чудовищем.

Саркис улыбнулся. Сейчас он казался гигантом, возвышающимся над всем миром. Его тень накрыла зал, а Вальтер в последний раз зашептал про себя:

— Какое же ты чудовище... Человек бы никогда не совершил бы такое с другим человеком. Ты же лишил меня жизни, ты же разорвал меня на части... Боже, вероятно я умираю, да? Так и не став счастливым, так и не спасшим мир?

— Да, люди иногда убивают других людей. Иногда и расчлениют. Твоя правда. Прости, так действительно бывает в этой жизни. Прощай, маг, — эдемский богатырь отвернулся, прошёл пару шагов и рухнул на пол от усталости. Он был близок к цели, но одновременно был пуст. Магия закончилась даже в подаренной ему книге.

Окровавленный, чёрный, совершенно непохожий на человека, Вальтер молчаливо лежал под этим куполом. Не было крови, не было страданий, для этого человечка уже всё кончилось. Не было жестокости, не было безразличия, насилия, не было и смерти. Он был неузнаваем, полностью лишён конечностей, он напрочь потерял всякую связь с этим миром. Но он всё ещё был человеком! Тем человеком, который встаёт на путь исправления; тем человеком, который улыбался любым, нуждающимся в помощи людям; тем человеком, что умел любить, ценить, уважать, думать, радоваться.

«Матушка, я закончил свой путь. Прости меня... Я не сберёг твой подарок. Но я старался, правда старался ради каждого и каждого человека на земле, я тебе клянусь»

Его грудная клетка в последний раз поднялась, словно парус, он ещё дышал, он ещё жил, уже ничего не чувствуя и ни о чём не волнуясь.

«Вальтер, мой зайчик. Несмотря на исход, несмотря на трудности, ты сделал всё, чтобы я тобой гордилась. Мой дорогой, я никогда не отвернусь от тебя. Ты — мой герой, Вальтер, ты — моя гордость. И ты — символ мира, добра, справедливости, самый светлый, хороший человек»

«Правда, мамочка?» — он плакал. Плакал в последний раз.

«Конечно правда, сыночек. Ты — сокровище этой земли, ты — последний луч старого мира!»

Душа Вальтера погасла. Потухла, как свечка. Его тело остывало посреди башни. Остывало, оставшись совершенно одиноким и брошенным. Остывало, оставшись даже без конечностей. Он больше не дышал. Из мира ушёл поистине великий, светлый человек, даривший людям надежду, свет, показывающий им верный путь, наставляющий, как родной отец, поглаживающий, как преданный друг. Вальтер всегда улыбался под своей маской. Улыбался, несмотря на адскую боль, которая приносила ему улыбка, растягивающая его уродское, безобразное, отвратительное лицо.

Старый мир клонился к закату. Теперь конец света не мог остановить ни один человек в Нижнем мире!

— Ну что, старик, и кто из нас двоих создаёт самых главных чудовищ? — усмехался Демиург, делая свой ход в этой партии, свой самый последний и главный ход. Пешка, старик Авиад, становилась ферзём, чтобы потом быть съеденной королём, о существовании которого забыли почти все фигуры, за исключением...

— Саркиса ты любил, Демиург. С Саркисом вы были как неразлучные друзья, не лги мне. Что-что, но вашу связь то я мог заметить, я не глуп, мятежник, — Бог уже успокоился, хоть в глубине души был потрясён. Потрясён, разочарован, удивлён, даже шокирован той жестокостью, с которой чёрный богатырь разорвал несчастного главу Церкви Господа. Да, это был и вправду ужасный, ничтожный, жалкий поступок, достойный только и исключительно зверя. Саркис, словно медведь в лесу, на пустом месте разорвал человека на части, улыбался, глядя в его умирающие глаза, со смехом отрывая конечность за конечностью, радуясь той крови, что капала с его оторванных ног и рук... Не передать того, что чувствовал сейчас Бог. Горечь, скорбь, даже ненависть к своему ребёнку, который до последнего не предавал Отца, но был готов бесчеловечно уничтожать и уничтожать всех, кто вставал у него на пути. В этом то и был Саркис — был животным, извергом, не способным на чувства и эмоции, способный сделать с человеком абсолютно всё, играть с жертвой как с игрушкой, усмехаться, смотря на чью-то смерть...

— Вижу ты под впечатлением, пахан. Я вот ни сколько не удивлён. Эти звериные глаза, эта ухмылочка, сжатые зубы... Твой сынок похоже кайфует с самого факта превосходства, доминирования, умерщвления... Он же реально больной, тронутый на голову, просто маньяк, — смеялся и смеялся Демиург, под неодобрительные, печальные взгляды Бога, глаза которого гневно смотрели из-под кустистых, пушистых бровей.

— Молчи лучше, ни тебе судить других, отступник, — приговаривал Бог, вдруг осознавая нечто страшное. Нечто, которое никак не укладывалось в его голове. А если и укладывалось, в это всё равно никак не хотелось верить. — Что ты сделал, Демиург? — Бог нервничал. Его глаза метались из стороны в сторону, руки непроизвольно сжимали краешки его длинных белых одеяний, застлавших весь этот разноцветный, межмировой простор.

— Ты не видишь, пахан? Помочь? Объяснить? — спокойно приговаривал златовласый, летая в воздухе и кладя ногу на ногу. Эта вальяжная поза, этот равнодушный, скучающий взгляд, эта уверенность — всё в этом человеке бесило, раздражало, разочаровывало Создателя.

— Пожалуйста, заткнись. Просто захлопни свою пасть! Не действуй мне на нервы... — Бог тяжело дышал от волнения, его грудная клетка интенсивно вздымалась, а кровь ощутимо потекла быстрее по его толстым венам.

— Да, я знаю. Это больно, батька, но это судьба. Не обессудь... — казалось, златовласый принц лёг на невидимый гамак и расслабленно отдыхал в этом пространстве, прикрыв глаза и радуясь цветастому мельтешению вокруг своей прекрасной, ровной, правильной и милой головы.

— Какая судьба, щенок... Ты же всего лишь самовлюблённый глупец. Не могло такое произойти, это невозможно. Бред, глупость... — вертел головой Бог под взгляды Демиурга, не лишённые этого сладкого удовольствия. Удовольствия от победы над сильнейшим во Вселенной!

Бог больше не смотрел на шахматную доску, не мог, не желал, а кулак искрил мелкими молниями, готовыми накинуться на деревянную, отныне бесполезную доску. Партия кончилась. Окончательно завершилась полной победой. Победой неоспоримой, но такой нежеланной для Создателя. Бог не верил в такой исход...

— Шах и мат, батёк. Ты ожидаемо проиграл, как я и предсказывал, — Демиург явно упивался своей победой, слизывая её со своих красивых губ, как аппетитное мороженое.

— Эта дурацкая партия... Ты точно всё подстроил, щенок, — досадливо пробормотал Бог, кулаки которого чесались всё сильнее и сильнее, как у Саркиса ещё в недавнем прошлом.

— Не ври себе, папаша. Ты знаешь, что с треском проиграл юнцу и сейчас пытаешься хоть как-то переубедить самого себя, — говорил златовласый медленно, чётко, но не особо выбирая слова, стараясь говорить как можно более убедительно, унижая Бога, унижая Создателя всего мироздания.

— Ничего подобного... Давай сыграем ещё раз. Ты отвлекал меня, выводил из себя... Я считаю всё это нечестным, подстроенным...

— Требуешь реванша, дедан? — завёлся Демиург, широко распахивая глаза да вызывающе улыбаясь.

— Не реванша, я требую от тебя честной, справедливой игры. Ты не победил, нет, ты не мог...

— Не веришь в своих детей? Считаешь себя самым сильным и исключительно умным? Думаешь, что контролируешь ситуацию? Уверен, что удержишь власть, папка? Тогда ожидаю тебя в Нижнем мире, Бог, ожидаю тебя внизу. Будет тебе честный поединок, посмотрим чего ты стоишь, батаня, — крикнул Демиург, широко всплеснув руками и весело заплясав в воздухе.

— Чего ты пляшешь, а? Ты же знаешь, что я никогда не спущусь в Нижний мир, не бывать этому, — занервничал Бог, явно понимая, к чему клонил его бывший сын, бывший ребёнок, бывший родной человек.

— Ты спустишься, Отец, мы встретимся с тобой внизу. Я знаю это точно, не ставь под сомнение мной сказанное, — захихикал златовласый, смотря на закипающего от злости Бога, Создателя. — Ну ребёнок же, прям как этот Вальтер... Какой же ты смешной, батька. Давай, до встречи. И спасибо за игру, было очень весело. Ты классный игрок. Не вёл бы себя как дитя, было б вообще идеально, — его тело утопало в синем, горящем, круглом портале. Оно таяло в нём, растворялось, постепенно пропадал и сам синий круг, окаймленный танцующими языками синего же огня.

— Не смей уходить. Слышишь? Не сбегай от меня, Демиург. Тебе никуда не скрыться, сам же прекрасно знаешь.

— Я не сбегаю, Бог. Я буду ждать тебя. Ждать на самой жуткой бойне за всю историю этого мира. До встречи, Создатель, не прости давай.

Синий круг окончательно схлопнулся, громко взорвавшись миллионами ярких магических искорок, так и хотевших пробраться в чей-то глаз и сжечь его, сжечь без остатка.

— Вернись, быстро! Демиург! Вот тварь, вот гад... Слишком много о себе возомнил, гадёныш! — Бог поднял обе толстые, мощные, обвитые мышцами руки, как следует подготовился и ударил точно по шахматной доске, окончательно разломив её, разделив на куски, расшвыряв фигуры, выплеснув весь свой гнев, ненависть, своё отчаяние, которые Отец никак не мог признать.

Всё стихло и Бог остался один на один с этим цветастым мельтешением, которое так старательно пыталось успокоить разбушевавшегося, запутавшегося в своих действиях, растерянного и разочарованного Создателя мироздания.

Башня затихла. Затихла полностью и окончательно. Воздух всё ещё пах магией, но и та потихоньку растворялась, оставляя лишь тишину да разрушенный зал, с расколовшимся полом и треснувшими стенами.

— Саркис не встаёт, да? Окончательно остался без сил? — спрашивал возбуждённый старичок, неизменно получая кивок роскошной черноволосой Крис. — Вот это сила, вот это жестокость. Сразу видно — наш человек. Разорвал этого гада, похоронил его под куполом собственной башни... Аж мурашки пробирают, какой же он зверь. Настоящий беспощадный изверг! — подвёл итог Авиад, наконец поворачиваясь к своим слугам, к некромантке, тяжело выдыхая, ощущая книгу в своих руках, чувствуя её силу и свою решимость.

— Ну что, время начинать, Верховный архимаг? — благородно спросила Крис, неожиданно садясь в реверансе, опуская голову к полу.

— Да, пора привезти магию в фигуру в своё предначертанное движение. Время перемен наконец настало! — старик похлопал девушку по плечу, кивнул молчаливым, насупившимся, серьёзным слугам и последовал куда-то вперёд, к крохотной незаметной дверчке. — Идите за мной. Работа не ждёт.

Пятиконечная звезда была уже готова. Полная чистой бурной магии, она ждала своего часа, смиренно ожидая своего создателя. Время пентаграммы наконец пришло, теперь оставалось лишь перевернуть этот мир, свергнуть старый порядок, сотворить новый. Символ сатаны, дьявола был готов изменить судьбу этого мира, написать новую историю. Историю без Бога, историю с новым владыкой. Владыкой новой реальности!

Дверь со скрипом отворилась, открывая проход к узкой, небольшой лестнице, ведущей куда-то наверх, к куполу, к вершине магической башни.

— Живее, время не ждёт. Чувствуете как оно останавливается? Оно мечтает о новой жизни, мы должны торопиться, — гудел старик, прикусывая губу, забыв вытирать испарину на лбу, сжимая толстый том в своих старых, венозных руках. Авиад явно был не в себе, им словно завладел дьявол, чёрный змей, злой дух. Он словно потерял самого себя и сейчас стал инструментом, готовым переворачивать этот мир, готовым сделать всё ради того, чтобы продлить свою уходящую эпоху.

Крис волочилась за ним, тоже изрядно нервничавшая, то и дело спотыкающаяся о ступеньки. Творцы нового мира начали своё восхождение. Их ждали последние лучи закатного солнца и рассвет нового, прекрасного, более жаркого светила.

Ступенька за ступенькой оставались позади. Они не бежали, но шли взбудораженные, почти подпрыгивали, до сих пор не веря, что этот час настал. Их глаза вываливались из глазниц, совершенно безумные, до сих пор не осознающие, что все звёзды на небе сложились и все трудности остались за их спинами. Всё было предначертано, всё было написано заранее.

Лестница казалась чересчур длинной, чем на первый взгляд, а их восшествие к куполу и вовсе бесконечным путешествием. Но таким волнительным, таким важным, таким долгожданным. Их шаги эхом бежали под этими сводами, Крис всё ещё изредка спотыкалась на этих маленьких ступеньках, а вот слуги шли спокойно, ровно, ни разу не показав ни волнения, ни страха, ни предвкушения. Им было давно плевать на всё и на всех, для них

существовала только их работа.

Вот на лестнице показалась очередная небольшая дверь причудливой формы, напоминающей милую дождевую капельку.

— Крис, на этом мы прощаемся с тобой, — остановился старик, говоря надломанным, неуверенным голосом, неловко поворачиваясь к этой красавице, черноволосой принцессе, чьи груди до сих пор забавно прыгали под тонкой прозрачной вуалью. — Встретимся совсем скоро, моя милочка, — Авиад внезапно счастливо улыбнулся, хоть в его глазах стояла лёгкая печаль. — Береги себя, Крис. Ты прекрасная девушка, нас ждёт великое будущее, — старик поправил мягкую, чёрную прядь некромантки, нежно тронул за локоть, смотря ей прямо в глаза — в красивые глаза, голубые, как небеса.

— Не волнуйтесь за меня, господин архимаг. Я доведу дело отца до конца, я помогу вам, я смогу всё сделать ради нашей победы, — она помолчала секунду, потом отвернула взгляд, уже было потянулась к двери и только в последнюю секунду накинулась на старичка, обняла его крепко-крепко, вдохнула его аромат, почувствовала тонкую ткань его голубого плаща с мелкими золотыми звёздочками. — Я так вас люблю, дорогой вы мой Авиад. Я правда привыкла к вам и полюбила такого, каким вы и являетесь... Вы наш рассвет, наше новое солнце...

Авиад чувствовал её упругие груди и даже, совершенно случайно, потрагивал миленькие сосочки своими тощими, костлявыми пальцами. Он тоже обронил слезу. Ему вдруг почудилось, что они больше никогда не встретятся, не обнимутся, не заговорят друг с другом. Старику внезапно стало так страшно, он почувствовал мурашки по всему своему телу. А может они были на самом деле от удовольствия.

— Ну-ну, всё будет хорошо, моя крошка. Я тоже люблю тебя, Крис, люблю сильно-сильно, — это тепло близкого преданного человека, эти объятия, соединяющие две души — Авиад действительно любил Крис, как и она любила его. Возможно, она всё это делала даже не ради погибшего в Чёрном городе отца. Может всё было куда проще, чем казалось, может Крис просто...

— Господин, мы ещё обязательно встретимся. Чуть позже, когда будем праздновать самое громкое событие в вашей жизни... Я сделаю всё ради вас, как и говорила тогда, как и говорю сейчас...

— Не трать слова, Крис. Я всё чувствую, я всё понимаю... — говорил старик добродушно, нежно, с любовью. Всё вдруг стало неважным, даже рождающийся новый мир. Сердце трепетало, прыгало в такт женскому сердцу, большому и жаркому. — Мне всё понятно без слов, Крис. В последнюю минуту можешь не стесняться своих чувств, можешь не бояться своих мыслей.

Крис отпрянула от Авиада, посмотрела в его глаза, лицо, в эти скулы... Её жаркие губы жадно впились в его, хоть те были сухими, треснувшими, но такими желанными. Их языки сплелись, тонкие, ссохшиеся руки Авиада взяли за её голову, взяли осторожно, аккуратно. Их поцелуй был трогательным, чувственным, она больше не стеснялась своих чувств к старому человеку, о которых боялась даже подумать в своей красивой голове. Она остерегалась, не позволяла, запрещала, но сейчас открылась, отдалась, показала всю свою страсть.

Любовники жадно целовались, сливаясь друг с другом, становясь единым целым, и не было важно какого они возраста, подходят ли друг другу, оставалась только чистая, искренняя любовь. Они казались подростками, отринувшими все предрассудки, в последние

секунды этого мира нашедшими в себе силы признаться в чувствах, отдаться, слиться... И только смуглые, безразличные ко всему слуги видели этот танец языков, эту горячую сцену, эту изящную картину, когда два человека позволили себе показать всю свою любовь, всё настоящее отношение. Старик и думать забыл о Планае, о каком-то новом мире, о какой-то пятиконечной звезде. Любовь поистине побеждала идеи, цели, мечты, желания. Любовь забирала сердца, заполняла их собой, это было неопровержимым фактом...

И даже когда они расцепились, когда их тела перестали чувствовать теплоту, жар другого человека, любимого человека, когда они в последний раз смотрели друг другу в глаза — они молчали. Молчали, понимая, что слова излишни, понимая, что и так прекрасно знают всё наперёд.

«Не говори ничего, прости иди, моя красавица. Мы будем вместе, я никогда не отпущу тебя. Потерпи час-другой, крошка»

Эти губы были такими сладостными, а момент таким важным. Наверное самым важным в его длинной жизни.

— Идите за ней, быстрее. Её жизнь в ваших руках, только посмейте дать её в обиду, — буркнул старик двум стражам, которые без всякого удивления последовали к закрывающейся мелкой дверце. Молчаливые, таинственные, пугающие... Они пошли за самой прекрасной девушкой на свете.

— Береги себя, береги, — улыбаясь, приговаривал Авиад. Она так глубоко сидела в его сердце. А он, дурак, боялся, осуждал себя, прятал мысли, чувства...

— Вот мы дураки конечно, — старичок рассмеялся, поворачиваясь спиной к огромным, возвышающимся слугам. К их могучим спинам, которые должны теперь стать щитами для его красавицы. — Какая она прекрасная... Ну почему, почему я раньше вёл себя как последний дурак в этом мире? Любил, но прятался от реальности... Как прятался всегда, как прятался всю жизнь...

Старик забирался всё выше и выше, а сердце его любило. Любило страстно, нежно, по-настоящему. И не было больше никаких желаний создавать новый мир, и не хотелось доказать всем, что ты ещё не стар. Кто хотел знать — давно знали, кто хотел любить — любили всем сердцем. Несмотря ни на что, не взирая на его слабости и комплексы, грехи и преступления.

— Крис, пожалуйста живи, моя крошка! — так похожая на каплю дверь со скрипом и грохотом захлопнулась, и последние лучи, красиво падающие на ступеньки оранжевым, глубоким светом, исчезли навсегда, больше не лаская собой крохотные ступени.

Её душа пела. Пела, как соловей в ночном лесу. Сердце норовило выскочить из груди, трепет перед концом света сошёл на нет, будто и не было ничего сейчас важнее её крыльев, появившихся по бокам. Крыльев широких, белых, элегантных, крыльев истинной любви.

— Как же я счастлива то всё-таки... Не нужно было ничего бояться, нужно было сказать как есть, сказать сразу. А лучше показать, показать без слов. Вот я дурёха, ей богу... Ещё краснела, стеснялась, думала, что нельзя любить его... Но разве можно загонять себя в эти глупые рамки?

Девушка совершенно не думала о деле. Её больше это не интересовало, как и её старенького любовника. Новый порядок был больше не нужен, они нашли друг друга, любовь свела их воедино. И не хотелось ей брать под контроль этих монстров, этих демонов, и не желала она управлять теми телепортационными камнями, которые толком никто и не взял.

План рассыпался, План рушился, План падал в бездну с каждой секундой...

Слуги, стражи, охранники медленно топали за Крис. По-прежнему безразличные, скучающие, молчаливые, они медленно шагали за девушкой по просторному балкону. Балкону, с которого открывался самый лучший вид на всю белокаменную неподражаемую столицу, на дома, словно укрытые снегом, на вздымающиеся к небесам длинные шпили, на элегантные покатые крыши и на людей, наслаждающихся последним солнцем и живительным воздухом.

— Как же тут хорошо однако, — Крис закрыла глаза, расправила плечи, вздохнула полной грудью, не замечая аппетитных грудей, чересчур заметно прыгающих под чёрной, тонкой вуалью. Её одежды подхватил вольный ветер, волосы затанцевали свой танец, а с краюшка глаза потекла маленькая слезинка. — Может не стоит рушить этот мир? Я раньше многого не замечала. Так не хочется с ним расставаться... И все эти люди погибнут, их кровь же будет только на моих нежных ладонях. Может стоит передумать? Да, наверное так будет правильнее, человечнее... Авиад согласится, я знаю. Мы станем жить на краю этого мира и все заботы растворятся под этим привычным солнцем. Мы будем жить рука об руку, больше никогда не разлучаясь, и пусть все эти маги крутят свои интриги и дальше... Мы могли бы выйти из этой игры, выйти и никогда не рушить жизни многих миллионов людей.

Прекрасная черноволосая фурия развернулась, развернулась счастливая, уверенная в своих мыслях, улыбаясь своим мыслям, но улыбка тут же растаяла, как и её уверенность в себе. Девушка поменялась в лице, запаниковала, схватилась за ограждение и даже перестала дышать, уставившись на них, на убийц, на этих таинственных двухметровых молчунов, сейчас доставших свои серпы и молчадвигающихся вперёд. Вперёд к ней, вперёд к своей госпоже.

— Что вы делаете? Всё в порядке? Вы что-то видите, чего не вижу я? Хотите защитить? — сразу же запаниковала Крис, но стражи молчали. Их рот не двигался, не моргали и глаза. Даже руки почти не двигались, крепко держа острые серпы, сверкающие в закатном солнце.

— За что... Боже мой... Остановитесь, я же ничего вам не делала... Я заплачу вам... Я сделаю всё что захотите... Авиад, родной... — истерично завопила девушка, понимая что это конец, она не успеет ни убежать, ни даже выпрыгнуть. Оставалось лишь кричать и молиться, молиться, молиться...

Крис поздно полюбила этот мир, поздно призналась старику, поздно поняла, как ценила отца, поздно захотела просто жить, дышать, наслаждаться этим ветром. Она ничего не успела и теперь не успеет уже никогда.

Стражи подошли вплотную и их тяжёлое дыхание почти касалось её тонкой шеи. Они не улыбались и не двигались, они просто замахнулись своими серпами, ярко сверкающими на солнце, действуя как роботы, словно выполняя чей-то наказ. А может они и просто были больны. Веки не закрывались, а из лёгких, неожиданно, потянуло мертвечиной.

Да, совершенно точно. Они явно были мертвы и уже давно. Они были просто трупами. Ходячими кусками мяса, костей и разлагающихся органов. И как бедная девчушка раньше не почувствовала некромантию, использованное на каждом из них заклинание...

— Не смейте, я прошу вас. Ну Авиад, дорогой, спаси меня. Я не хочу так нелепо погибать... О нет, нет, нет, — Крис в последний миг вспомнила лик отца... Её жизнь и вправду могла быть намного лучше. Зачем, ну зачем они присоединились к этому Плану? Всё могло пойти по-другому, люди могли выжить, причём множество людей. Каждого, кто

творил зло, сейчас заслуженно наказывали. Воистину, всех их ждёт ад, настоящее пекло, даже её нежное привлекательное тело сгорит в этом огне.

— Авиад, борись, молю тебя! Выживи и исполни своё заветное желание. Я верю в тебя и очень-очень люблю... Хотя ты был прав, слова излишни. Мы всегда понимали друг друга даже молча... Живи, Авиад, — сверкающие серпы разрезали воздух и вонзились глубоко-глубоко в её плоть, заставив девушку харкнуть кровью да тяжело застонать. Кровь тяжёлыми каплями закапала на балкон, тело обмякло, сердце защемило от боли.

Умирать было мучительно и страшно. Особенно после мечтаний о жизни с любимым человеком на краю этого мира. Жгучая боль пронзила её тело, в глазах всё плыло. Смерть наступала быстро, хотя казалось, что эти секунды тянутся целую вечность.

Лестница медленно, но верно кончалась третьей дверью, последней дверью, такой же маленькой и похожей на дождевую каплю, как и все предыдущие.

Он был близок к своей цели. В воздухе витал аромат победы, ведь книга, заполненная до отказа необходимой магией, была в его старческих руках. Всё шло как надо, Авиад улыбнулся этому факту. Старик любил, когда всё шло гладко, как по маслу.

Дверь была уже под носом. Старческая, дохлая рука коснулась ручки, провернула её и толкнула дверь, распахивая её настежь и вдыхая бодрящий, свежий воздух.

— Была бы со мной сейчас Крис... Зачем же я отпустил её одну с этими смуглыми молчунами? Мы могли вообще не заниматься всем этим бредом, могли откинуть всех и жить на краю мира, наслаждаясь обществом друг друга... Моя красавица, может не поздно свернуть с этого пути? — спрашивал себя Авиад, так лениво потянувшийся к распахнутому проходу. Пропал трепет, пропало желание, но с пути сворачивать наверное было уже очень поздно.

Его ноги ступили на основание купола, грациозно тянущегося к голубым небесам, сейчас превращающимся в тёмные, уставшие от своей синевы ночные небеса.

— Даже облака устают. Видать устал и я, — решил архимаг, внезапно почувствовавший такое безразличие к происходящему. Ну вот правда, зачем он вступил в общество Демиурга, примкнул к этому Плану, поставил мир на край гибели? Ради чего? Нижний мир был воистину прекрасным местом, с ним не хотелось расставаться, его не хотелось терять... — Боже, вот я дурак... Самый главный дурень планеты.

Старик истерически захохотал. Ну ведь Нижний мир был прекрасен, в этом то вся и суть. Авиад любил его, любил его людей, любил эти города, сооружения, воздух, солнце...

— Какое новое солнце? Я был таким слепым? Не видел всей этой красоты? Наш мир же восхитителен, так к чему вся эта брехня, весь этот призыв к созданию нового? — старик словно проснулся от долгой спячки. Его глаза наконец раскрылись, узрели правду, восхитились реальностью. Тут же было так привольно и чудесно, тут были все его воспоминания, тут были все его друзья. Авиад любил это место, так зачем же он собирался его разрушить до самого основания? Бог построил им Нижний мир, который казался сейчас Эдемом, раем для людей, так как можно было идти против его воли или даже помыслить стать творцом вровень с ним?

— Да пропади оно всё пропадом. Новое солнце, новый ветер, новый порядок... Господи, ну это же реально чушь собачья, — словно прозрел старик и слёзы орошили его морщинистое лицо. Все эти смерти были зря? Конечно зря. Все эти люди пали жертвой дурной, уродливой игры. И игра эта была гораздо уродливее и безобразнее любого Вальтера. Несчастливого человека, которого разорвали на части благодаря его участию, благодаря стараниям Авиада. Да и простые маги, жители, архимаги — старик жертвовал всеми ради своей власти, ради признания, ради поклонения... Всё что ему не хватало на самом деле — истинной, настоящей, неподдельной любви. Ответ оказался чересчур простым.

— Чего ты медлишь? Мы теряем время, Авиад, быстрее начинай заклинание, — хрипел чей-то голос, кричащий так сильно, как только мог кричать при всей своей хрипоте.

— Что? Но как ты выжил?... Точно, наверняка некромантия, — подумал испугавшийся, задрожавший всем телом старик, тут же развернувшийся к незванному гостю уже с

открытой, сверкающей книгой. Удар был наготове, в случае чего Авиад окончательно похоронит этого человека, используя всю магию этого артефакта. Отныне она была не нужна старику...

— Да, я смог восстановить тело и дойти, хоть далось мне это с трудом. Я должен был увидеть рассвет нового мира, должен был успеть... И вот я тут, мы можем начинать заклинание Демиурга, — его голос надрывался, сопел, свистел. Обглоданный страшным огнём, Дамир стоял как ни в чём не бывало, и только чёрная дырявая одежда да сгоревшая во время взрыва шляпа портили его важный и статный архимагский вид.

— Нет... Прости, но никакого заклинания не будет. Мы должны избавиться от Демиурга и прекратить реализацию Плана, причём немедленно, — выпалил старик, сам удивившись уверенному и беспрекословному тону, с которым он это говорил. Как же раньше он был слеп...

— Ты что такое говоришь? Ах, сука, кидаешь нас, костлявая падаль? — разозлился Дамир, пытавшийся подойти ещё ближе, наверняка подготовив атаку. Но Авиаду ничего не грозило. Сейчас от этой ранее им такой желанной книги ничего не останется. Он должен использовать всю силу в ней, чтобы окончательно покончить с мутной историей, приведшей мир к своему фактическому концу.

— Не делай глупости, некромант. Я прошу тебя одуматься, как одумался и я. Нас использовали, как марионеток, нами управляли существа из тени, управляли как безвольными куклами. План выгоден только одному лицу и ты прекрасно знаешь кому, — пытался уверить его старик, сам не осознающий как быстро поменялись его мысли. Словно спал с души какой-то камень, словно только сейчас Авиаду удалось вдохнуть свежий, чистейший воздух.

— Заткнись, Демиург делал это и ради нас. Он нас любил, как своих детей. Не переучивай меня, не вешай лапшу мне на уши, — гневно рычал так похожий сейчас на Вальтера архимаг. Архимаг, который всё ещё был готов идти на поводу у Демиурга. Архимаг, который никак не мог проснуться от глубокого сна.

— Дамир, не делай глупостей, мой друг. Ты должен верить мне. Мне, с моим опытом и настоящей чуйкой. Просто послушай...

— Это ты послушай, Авиад. Ты всегда был готов предать, изменить, всегда действовал только в своих интересах... А Демиург другой, не наговаривай на учителя, на наставника, который делал всё ради нас. Ведь ты это и сам знаешь, старик, — пытался объяснить Дамир, плеща руками и громко крича. Его озаряло оранжево-красноватое свечение, делающее этого зомби кроваво-чёрным монстром, над руками и головой которого будто бы виднелись нити. Тонкие, незаметные, но Авиад их отчётливо видел. Этим человеком просто управляли, он был обычной куклой, как и все остальные участники Плана. Учитель явно лгал каждому из них. Никакого светлого будущего не может быть после уничтожения этого мира. Демиург не хотел добра, иначе как объяснить поведение Дамира, эти нити, этот безумный взгляд и его слова? Дамир потерял личность, потерял самого себя, сейчас говорил не он, его телом точно управляли.

«Какой же я глупец... За что мы сражались всё это время? За что переступали через холодные трупы? Мы столько преступлений совершили на своём пути, погубили столько душ, столько талантливых людей, вместо того, чтобы просто жить в этом чудесном мире. Как мы могли так поступить с другими? За какой новый порядок бились? Зачем нам вообще нужен был новый порядок? Как мы могли повестись на речи этого змея, этого

золотоволосого дьявола?»

— Дамир, достаточно всего этого... Достаточно наших отданных за эту мразь жизнью, достаточно страданий этому миру. Люди не заслужили такой судьбы, я это точно знаю... Хватит уже крови, мой друг...

— Друг? — безумные, совершенно дикие глаза Дамира широко распахнулись. В них не было ничего человеческого, живого, как и в этом пронзительном схеме, эхом прокатившемся над белоснежной великой башней. — Авиад, а мне не нужны такие друзья. Ты предатель, старик. Ты отвернулся от нашего святого дела. А знаешь почему?

Авиад впервые сглотнул. Капли пота скатились с его мелкого лба, книга заискрила ещё сильнее, а пальцы побелели, с такой силой сжимали артефакт. Старик не хотел правды, он хотел вновь убежать, умчаться, удрать...

— Ты слабый и немощный человек. Ты никогда ничего не доводил до конца. Как Демиург доверил тебе это сложное дело? Я знал что ты струсил, отвернёшься, подставишь каждого и каждого, кто ждал этого счастливого момента. Ты ирод, Авиад. Просто тварь! — чудовищный крик облетел башню, окрестности, весь белокаменный центр столицы. Крик, полный ненависти, безумия и боли. Крик, который никак не мог принадлежать Дамиру, этому милому, доброму, умному, хоть и хитрому человеку.

— Ты... Ты сам не свой, приятель. Остановись сейчас же, иначе...

— Иначе что? Ты убьёшь меня, да? Как обычно самым подлым и мерзким способом? — чёрное, обгоревшее, совершенное не похожее на прежнего Дамира тело тронулось с места и нити будто бы заставляли сгоревшего архимага бежать и бежать вперёд, бежать прямо на старика, не останавливаясь и ни секунды не сомневаясь.

«Как жаль, ты был раньше так красив, так умён, так молод. Что же сделал с тобой План? Как он поменял тебя? Как он уничтожил тебя сначала изнутри, а затем и снаружи? Прости, мне очень жаль тебя, дружище»

Магическая книга заискрила ещё сильнее, ещё ослепительнее. Фигура монстра, который никак не мог быть Дамиром, истошно, точно по-звериному, завопила, зарычала, ускорила свой бег, а после каждого шага оставалось тёмное пятно, отпечаток, след. След, похожий на след дьявола!

Молния со свистом вытекла из книги. Молния длинная, извилистая, юркая, как хвост кошки. Короткий росчерк прочертил тонкую линию и словно змей вцепился в свою жертву, которая тут же завопила от раздирающей, глубокой, проникающей боли. И этот вопль на сей раз точно принадлежал самому Дамиру, бывшему молодому, красивому, сильному архимагу, так похожему на ковбоя.

— Друг, я хотел сохранить тебе жизнь. Но ты не оставил мне другого выбора, — Авиад умоляющими глазами смотрел на бывшего партнёра, приятеля, смотрел на то, как вверх поднимался пар, искры шумно разлетались во все стороны, а молния глубоко-глубоко вонзалась в его тело, как нож, тряся его, как жалкую смешную игрушку.

Дамир бился в конвульсиях, мелкие сетки молний разъединяли клетку от клетки, мясо от костей, раздирали на части органы. Он разлагался и никакая некромантия ему больше была не в силах помочь.

Ещё одна жертва. Ещё один погибший. И скольких же унёс на тот свет План Демиурга? Сколько судеб разбил, сколько крови выпил? Их учитель и вправду был дьяволом, настоящим монстром, холоднокровным чудовищем! И потому его нужно было уничтожить. В артефакте не должно было остаться ни капли магии. Магическая книга должна была

опустеть, как бокал с дорогим вином.

— Мы все по очереди умирали за него. Отдавали жизни, веря в его глупые сказки. Но я не хочу, чтобы задуманное им исполнилось. Я не хочу ни нового мира, ни нового мироздания, ни нового Бога, даже если им окажется я сам! Я будто прозрел, увидел, внезапно понял... — старик закрыл глаза, закрыл плотно-плотно, не желая видеть последние секунды того человека, которого считал своим другом.

Если бы старик ценил дружбу с самого начала, если бы признался в любви ещё очень давно, если бы не волновался о собственном забвении — Авиад никогда не встал бы на тот путь, который привёл его в эту магическую башню, которая теперь казалась гробом для всего Нижнего мира. Гробом, создателем которого являлся он сам!

Дамир в последний раз вздрогнул всем своим телом, что-то прохрипел и испустил дух, падая на пол кровавыми, мелкими частями, в которые превратился он сам. Нитей больше не было, но не было и Дамира. Остались только внутренности, покрошенные, как овощи для салата. Осталась только груда частей его тела, окружённых гигантской разлившейся тёмно-красной лужей.

— Вот и всё, дружище. Твои страдания окончены, — тихо проговорил Авиад, всё ещё продолжающий тратить магию, только теперь он беспорядочно пускал разряды в темнеющее небо, и после каждого разряда столица светилась как ранним-ранним утром, озаряющим каждую улицу своими весёлыми солнечными лучами.

Солнце почти закатилось, ветер остановился, как и часы в каждом-каждом доме. Люди застыли, застыли и деревья с кустами. Всё остановилось, всё прекратило своё движение, свой ход. Та минута принесла этому миру его неотвратимый конец...

— Авиад. Авиаадик. Ты то понимаешь, что твои страдания всё ещё впереди? — прошипел голос. Его голос. Голос убогого змея.

Старик похолодел. Он будто бы оказался в самом центре бурной, сокрушительной метели. Его руки задрожали, молнии прекратили бить в воздух, исчезнув в этом вечернем небе.

Магический артефакт выпал из худощавых рук. Выпал и громко стукнулся об пол. На его обложке красовался хитрый, довольный глаз. Такой большой и весёлый, смакующий каждую секунду своего триумфа.

— Нет... Да нет же... Ты не можешь оттуда выбраться, чёрт ты проклятый... Ты же внутри книги, ты не можешь выбраться сам. Никак. И... И я это знаю... Хотя... Нет, ну нет, этого не может быть... — бормотал Авиад, уже трясясь всем телом. Он не мог поверить, ведь это не могло происходить в реальной жизни. Но это происходило. И это было так. — Значит и здесь ты обманул нас... Какая тварь. Ты не в артефакте. Ты не внутри него. Ты и есть артефакт, гнида. Просто можешь менять свою внешность... И никто не должен вытаскивать тебя из этой книги, ты сам властен над самим собой... Вот дьявол! Жалкий обманщик!

Книга расплылась в зверином оскале. Белые острые зубы заблестели в оранжевом свете. Старику даже почудилось, словно с их кончиков капали мелкие кровавые капли.

— Ты удивил меня, дед. Твой мятеж был очевиден с самого начала, но вот эта твоя любовь, неожиданно вскружившая тебе голову... Такой поворот не мог предсказать даже я, — улыбалась магическая книга, а глаз её крутился из стороны в сторону. — Как же я давно не двигался, так соскуучился...

Книга заклацала челюстями, похлопала глазами, показала розовый, влажный язычок:

— Какой же я однако подвижный, не правда ли? И язык, какой же у меня милый язычок, как у персонажей в мультфильмах...

— Заткнись! Просто помолчи... — Авиад сделал бодрый выпад вперёд, но магию не почувствовал, ни единой её капли. С ужасом он вспомнил о своей книге в зале... — Нет, нет... Блин, да как так то... Я же не могу сейчас вот так просто...

— Умереть? Да, тебе придётся умереть, слабак без магии. Всё-таки ты искромётно глуп и непредусмотрителен, дедушка. Мне очень жаль и тебя, очень жаль и твою любовь... Вы же так и не занялись сексом на берегу моря...

— Демииург, пожалуйста, заткнись! Просто сдохни, сволочь ты лживая! — Авиад высоко подпрыгнул и приземлился прямо на книгу, рухнул на неё, как камень, обрушился на скалящийся рот, на этот весёлый голубой безумный глаз.

— Может ещё будешь пыжиться? Скучно, Авиад, скучно. Лучше просто уйди с моей дороги. Ты думал, что стал ферзём, но ты позабыл о короле, дружбан, — книга сменила очертания, моментально превращаясь в длинного шипящего змея. Чёрная ящерица обвила маленькое старческое тело, затянула петлю на его немогущей шее, а голова наслаждалась предсмертными хрипами и бульканьем старика. — Ну-сссс, потерпи ещё немного. Ссссейчас всссё закончится, я тебе это обещаю, ссстарик.

Глаза Авиада были готовы вырваться из орбит, на шее проступили толстые вены, само лицо окрасилось в сливовый цвет. Он предсмертно булькал, он отчаянно что-то шептал, он пытался вырваться, но всё было безуспешно. Сухие, впалые щёки сейчас запылали, словно занявшиеся буйным огнём, а глаза наполнились голубыми озёрами. Авиад заплакал, прежде чем бездыханным телом хлопнуться о пол. Старик испустил дух, ещё и успев обмочиться в лёгкую, продуваемую, голубую накидку.

Дым окутал основание магической башни. Плотный, пугающий, удушающий. Две ноги вырвались из него, ступая уверенно вперёд, к по-настоящему последнему солнцу Нижнего мира:

— Новый мир, встречай своего Творца!

Голова раскалывалась, а конечности ныли от разрывающей их боли. Магии в теле не было, а может и была, но лишь самую малость. Тело Саркиса не восстанавливалось, оно казалось повреждённым, будто бы сломанным, но что мог сделать Саркис? Особенно сейчас, под этим куполом, в этой тишине, в которой испустил дух Верховный архимаг Вальтер.

— Лежу вместе с трупом в обнимку. Вот до чего докатился... Ну хоть одержал победу. Одержал её своими руками, почти не пользуясь чьей-либо помощью... Как же вкусна и приятна победа. Она так кружит голову, так пьянит, так бодрит, — заулыбался Саркис, сжимая кулаки, играя мышцами на своих руках, напрягая ноги, пытаясь вернуть прежнюю подвижность своим частям тела. Они немели, они болели, они кололи. Саркис зажмурился крепко-крепко, расслабил своё тело, вдохнул воздух, в котором всё ещё чувствовал неразвлорённую магию.

— Я должен подниматься. Авиад меня снова провёл, ничего этот Вальтер не знал о Демииурге. А старик умелый манипулятор, я с самого начала понимал, но всё равно вёлся на его ядовитые слова, — эдемский маг не злился, он всё ещё улыбался. Для него всё это казалось игрой, смешной и несерьёзной игрой. И это удовольствие от победы, от победы над самым сильным магом Нижнего мира дарила неописуемую сладость его душе. Душе, обожающей быть выше, сильнее и круче своего врага.

Саркис расслабил всё своё тело, дал ему минутный отдых и внезапно зашевелил руками, ногами, поднимаясь ввысь. Тело его захрустело, в глазах всё поплыло, но он стоял на ногах. Стоял довольно крепко. Маг выдохнул, оглядывая разрушенную залу:

— Тот склад... У маленькой двери. Нужно осмотреть его, может там я смогу найти артефакты, — говорил себе эдемский маг, не чувствуя больше бодрого магического тока в своём крупном теле. Он боялся себе признаться в том, что произошло нечто ужасное. Он не хотел думать о том, что встретит Его, лишившись всей своей силы, перестав быть настоящим магом.

«Какой-то чёртов сбой. Всё будет в порядке. Любая магическая игрушка возобновит мой внутренний механизм. Я могу надеяться только на удачу, только на шанс»

Маг успел сделать первый тяжёлый шаг, прежде чем где-то сверху началась битва. Магия волнами расходилась по центру столицы, мелкая дрожь пробирала расколовшийся пол. Битва вновь заставила Саркиса широко улыбнуться и облизать в кровь разбитые губы. Выглядел маг плохо: разорванная куртка нелепо висела на теле, жирные вены пульсировали, бровь была рассечена, лицо украшали глубокие шрамы, а под глазами красовались большие синяки. Щёки, как и вся кожа на его улыбающемся лице, иссушились, да и в целом эдемский маг серьёзно так исхудал, отчего ухмылка выглядела ещё более безумной и пугающей. Не мог так лыбиться человек, выглядящий как умирающий солдат, которому пока повезло не пасть на смертельном поле боя.

Саркис зашагал к складу, почти не хромя и не морщась от хруста и колющей боли во всём теле. Маг брёл вперёд, даже и не думая останавливаться. Он предчувствовал нечто важное, что могло произойти наверху уже вот-вот. И Саркис хотел оказаться там в тот момент, когда...

— Когда взойдёт новое солнце и придёт Он!

Облачка пыли выползали из-под ног богатыря, взлетали к куполу, растворялись в этом воздухе.

Рука эдемского мага распахнула склад, прошлась по бесконечно тянущимся рядам посохов с гладкими шарами, венчающими их сверху, как роскошная корона. Рука профессионального мага тут же нащупала самый верный, нужный и надёжный артефакт. Строгий, восхитительный посох, сделанный из белоснежного крепкого дерева, выделанный тонко, качественно, как и отполированный со всех сторон фиолетовый камушек, мягко мерцающий от заключённой в нём свежей магии.

— Какая весёлая игрушка. Она так и хочет попасть ко мне в руки, я же слышу мысли этого чудесного дерева, — с трепетом проговорил Саркис, сжимая посох в руке и вытаскивая его из целой россыпи собратьев, таких же артефактов, как и он сам. Только вот для мага из Эдема белый, тонко отделанный посох был самым лучшим из всего этого богатого выбора.

Пол задрожал сильнее. Камни посыпались с утопающего в непроглядной темноте купола. Время будто остановилось, перестало течь, напоминая ему жёлтую ману внутри эдемского мага, пропавшую, как и всё время в Нижнем мире. Его руки, его глаза, его мощные ноги, казалось, застыли на несколько секунд, сейчас тянувшихся как бесконечные часы. Та самая магия, та самая сила, та самая аура.

Это был Он! Это был тот человек, встреча с которым была предрешена самой судьбой!

— Демиург? Ты ли это, брат мой?

Золотые волосы подхватывал бодрый вечерний ветер, лёгкие, будто бы невесомые одеяния танцевали свой озорной танец, счастливые глаза смотрели на мир сверху-вниз, предвкушая долгожданный момент.

— Встречайте истинного наследника Создателя! Больше оваций, многоуважаемая публика! Да, да, вот так вот! — восторженно кричал Демиург, и впрямь представляя себя на большой сцене и наблюдая остальных людей, заполонивших зал, громко славящих его, Демиурга, хлопая ему и вызывая на бис. Каждый человек в этом зале любил и уважал золотоволосого, поддерживал, настойчиво просил создать новый мир, новый порядок...

— Ну что ж, моё книжное путешествие от эксперимента с Мартеном до башни Верховного архимага наконец завершилось. Пентаграмма работает, я не просчитался в своих расчётах. Теперь дело осталось за малым! И как же всё-таки приятно двигаться, я так завидую людям, — потягивался Демиург, хрустя то одной, то другой косточкой. — Людские ощущения неплохи, даже очень хороши, мне так приятно чувствовать движения затёкшего, забывшего эти чувства тела. Так прекрасно... Люди многое теряют, не наслаждаясь этими ежедневными, но такими сладостными моментами.

Демиург щёлкнул пальцами рук, разминая их, словно дирижёр перед ответственным и важным выступлением. Наглая ухмылочка на его удивительно правильном, точном лице идеально дополняла картину этой последней минуты. Минуты, после которой всё изменится. Минуты, когда все люди, все часы, все листья на деревьях остановились, словно почувствовав приближающуюся смерть.

— Ну что ж, приступаем к нашей работе. Авиад почти всё сделал за меня, осталось только дать магический толчок нашей пятиконечной фигуре. Я очень близок к концу, какое же это счастье, — облегчённо вздыхал Демиург, уверенно поднимая и разводя руки в стороны. Не доставало только тонкой дерижёрской палочки этим чистым, гладким рукам. — Я чувствую магию, чувствую её приятное шевеление в теле. Как же хочется её поскорее высвободить, дать ей форму, дать ей зримую плоть...

Воздух задрожал. Сначала то были лёгкие, почти незаметные толчки, но постепенно начинал греметь каждый район столицы, распространяясь всё дальше и дальше по всему Нижнему миру, сотрясая каждый его дом, дворец, особняк, магазин. Гул прокатился по всему земному шару. Если бы Нижний мир имел бы модель в виде сферы, то каждый увидел бы как пошли трещинки, как они удлинялись, расширялись, ломая и деля существующий мир на части, на маленькие островки, которые пока что не затронуло великое тёмное заклинание.

Каждое село, город, каждый человек чувствовал эту дрожь. Дрожь земли. Дрожь и раскол Нижнего мира!

В домах билась посуда, рассыпаясь мелкими осколками, гасли свечи, рушились целые здания, хороня под своими обломками несчастных людей, от которых удача решила отвернуться уже навсегда.

Мир погружался в настоящий хаос. Люди в панике высыпали на улицы, многие пытались скрыться от ужасного землетрясения, нелепо крича, размахивая руками да ища первое попавшееся укрытие; каждый из них, кроме собственного отчаянного крика, слышал чудовищный гул, который могло издавать только гигантское неизвестное животное. Гул,

преследующий их уже до самой смерти. Гул, который повергал людей в настоящий ужас.

— Какой же кошмар я творю, верно? А Бог, создавший существующий миропорядок? Миропорядок, в котором есть место только страданиям, пыткам и мукам? Я тоже создам ад для людей, но только на краткий миг. Дальше я позволю всем оказаться в Эдеме. Потерпите ещё немного, дорогие мои друзья, — руки активно жестикулировали, лоб покрылся липким потом, глаза большими арбузами смотрели на закатившееся солнце, на мрак, окутавший весь мир, на трещины, пересекающие уютные и широкие столичные дороги, на испугавшихся жителей, что выбегали из своих домов, кричали, подходили к расщелинам, из которых валил густой дым и слышался тот самый гул. Гул демонов, гул тех монстров, что некогда были простыми людьми. Это их гул поднимался сейчас над миром, это их рычание и ярость чувствовал каждый житель, пытающийся спастись от этой свирепой трясучки, от этого красного, агрессивного свечения, от этой тьмы, в которую, как в плащ, оборачивался их дом, их Нижний мир.

— Это гнев Господа... Настал час конца света! — словно зомби промолвил лишённый эмоций мужчина, падая на колени и складывая руки в молящемся жесте.

— Какой кошмар... Что же творится с миром? Через весь мой дом прошла трещина, которая будто бы ведёт в другой мир. Там кричат, там торжествующе вопят, там явно что-то страшное, — женщина трясла свою подругу, как умалишённая пересказывая ту историю, которая коснулась каждого жителя этого мира.

— Спасайся, дочка, беги отсюда. Папка скоро подойдёт, всё будет хорошо, — отец успокаивал свою ревеющую дочь, указывая ей на выход. Нога его застряла в дрожащей и постоянно расширяющейся расщелине, и мужчина не мог её выдернуть. Оставалась только смерть. Хоть рядом и лежала такая манящая пила... Мужчина подумал об этом только как о крайнем случае. Он сможет расстаться с ногой, если в этом будет необходимость.

Огороды сыпались куда-то вниз, куда-то в ад, раскрывший свои хищные пасти, стены зданий трещали и играли свою предсмертную песнь, речки стремительно вытекали в новый и прекрасный мир. Мир Демиурга. Новый счастливый мир для всех людей!

— Как же магия щекочет меня изнутри. Так приятно, так неопишимо... — наслаждался златовласый и купол засветился белым светом, тут же взметнувшись к чёрным, уже было потухшим небесам. Каждая башня, каждая точка в фигуре засверкала, засияла, и все, видевшие эту невиданную картину, восхищённо, но не без испуга смотрели на завораживающую картину. Толщиной с купол, мощный, плотный поток света белоснежной полоской пронзал небеса. Магия в фигуре циркулировала, как кровь по венам. С сумасшедшей скоростью мана неслась по гигантским подземным коридорам, составляющим великую фигуру дьявола. Пентаграмму. Путь к вызову демонов из преисподней. Путь, ведущий только в ад.

— Она работает. Фигура и впрямь работает как живой организм. Бьётся, как сердце, — восхищался Демиург, говоря о своём детище с предыханием. Казалось, сама магия в гигантской звезде задышала, расправила лёгкие, закричала криком истинного удовольствия и восхищения.

Дым окутывал улицы, забирался в окна, противно лез в ноздри. Столица затянулась ужасной дымкой, как и бедные сёла, несчастные леса, мелкие городочки — Нижний мир погружался в серый дым, заставляющий истошно кашлять, шарахаться из угла в угол, прятаться, но всё равно вдыхать эту плотную гадость. Всё погружалось в адскую пучину. Кроваво-красный свет зажёлг заполненные дымом улицы, опустевшие в тот же миг, Нижний

мир засветился адским, пугающим, инородным светом и только белоснежные толстые столбы пронзали побелевшее от магии небо. Пентаграмма сшивала миры, всё шло по плану.

Земля тряслась всё сильнее и сильнее, гул становился только истошнее, а агрессивное свечение усиливалось, пытаясь достигнуть небес и даже засиять ярче великий магических башен, сейчас похожих на огромные свечи. И ведь точно. Нижний мир был тортом, а башни стали его неотъемлемой праздничной частью. Обычно свечи задували. Наверное и эти постигнет та же участь...

— Что это за свет? Мама, мне так страшно, — плакал ребёнок, прижавшийся к матери и уставший слушать этот утробный, голодный рык, становящийся всё ближе и ближе, по мере мерцания этого кроваво-закатного света.

— Не волнуйся, дочка. Природа иногда чудит. Скоро всё пройдёт. Не бойся, мы в безопасности, — женщина нежно гладила дочурку, а сама, широко раскрыв глаза от ужаса, лила собственные слёзы. Слёзы отчаяния и истинного страха.

— Господи, помоги нам! — крикнул ковыляющий по улице дед, чуть не падая от неистовой тряски, слушая и сглатывая от каждого низкого, клопочущего рыка. Дед тонул в этом сплошном свете, в этом сиянии умирающего мира, в котором тонул каждый его метр.

Деревья падали куда-то вниз, в глубокие трещины, в новые раны на теле этого мира; озёра и реки пересыхали, целые дома рушились и падали в другой мир. Мир, где люди становились настоящими дьяволами.

Фигура дышала как человек. Она пульсировала, двигалась, делая свою тяжёлую работу и медленно сливала две несовместимые друг с другом реальности. Они не менялись местами, нет. Они именно что сливались в единый пласт земли. Даже здесь златовласый обманул собственных учеников, не доживших до этого момента. Момента, когда их труды создавали настоящий конец света!

Красные горы показались из трещин, словно маленькие занозы, попавшие на мировую плоть. Ад приближался! Он был ещё ближе чем казалось каждому и каждому человеку.

В эту тяжёлую минуту даже аристократы наконец уравнились с бедняками. Они тоже столкнулись с этим кошмаром, становились такими же боязливými, плачущими, не верящими во всё происходящее людьми.

— Вероятно, это и есть конец! Конец нашей жизни! — ужасался аристократ ровно в тот момент, когда адская земля впиалась в Нижний мир, буквально вошла в него, сливаясь с ней всё больше и больше. Красное свечение цвета алой крови достигло неба, как и пышущие жаром белоснежные лучи, начинавшие грызть, разрушать, обваливать все пять магических башен, составляющих знак Сатаны.

Весь мир утонул в новом океане — океане из света, боли, отчаяния, настоящей людской трагедии. Люди увидели их, увидели чёрных, липких, горбатых существ, которые точно также защищались от режущего света, громко крича от настоящей ненависти, голода, обиды и боли.

— Вот они... Демоны. Всё это правда, ад действительно существует, — раньше этот мужчина был атеистом, но сейчас обмочился при виде этого чудовища, этого монстра, нос которого заходил из стороны в сторону и почувствовал чей-то животный страх. Чудовище тронулось с места, всё ещё никак не привыкнув к незатихающему землетрясению, высоко прыгнуло и рухнуло аккуратно на завопившего мужика, срывая ему голову с плеч и вгрызаясь в долгожданное аппетитное мясо.

Тряска прекращалась, только камушки падали с домов, которые всё же смогли устоять

под этим натиском. Улицы потихоньку тонули в ночной темени, скрывая всех монстров, оказавшихся бок о бок с людьми. Столица чернела, чернели города, регионы, леса, поля. Демоны забирались на крыши, визжа от радости и запаха настоящей человечины, которой тут было пруд пруди. Пять световых столбов уменьшались, утончались, пока и вовсе не исчезли в этом ночном воздухе. Воздухе нового мира!

Пятиконечная звезда лишилась своей магии. Она перестала биться, словно сердце старого порядка, погибшего с приходом демонических уродливых созданий, которые своими липкими противными лапами оскверняли чудесные белокаменные столичные постройки.

Вот ради всего этого трудились все члены Плана. Ради этого мига, минуты, часа. Ради агонии Нижнего мира, ради смертей многих людей, не переживших работу Пентаграммы.

Весь мир утонул во тьме, в чёрной, беспросветной мгле и чудовищном гуле, до сих пор сотрясающем всё сущее. Красная земля виднелась тот тут, то там, да и кривые горы, мелкие пруды и целые демонические небоскрёбы из некой чёрной слизи распространились по всему Нижнему миру, навсегда разрушив его прекрасный ландшафт, испортив воздух, уничтожив сердце, делающее его тем миром, который любили и ценили все люди. Люди, не заслужившие становления пешками в чужих коварных руках. А короной нового прекрасного мира стало кроваво-алое светило, на которое выл каждый демон, облюбовавший крышу и размахивающий своими когтистыми лапами.

Конец света настал. Пентаграмма совершила свою работу, отыграла свой аккорд, самый главный и поворотный.

Саркис вовремя успел выбежать из шатающейся башни, которая дрогнула, раскололась и медленно ушла вниз, становясь грудой обломков, прикрытых от всего мира удушливым пыльным облаком.

— Это и есть тот самый рай, Демиург? Это и есть твоя цель? Урод, и где же ты сейчас находишься? Я не чувствую тебя, — приняхивался эдемский маг, вопросы которого тонули в ужасном крике демонов и отчаянном вопле людей; в ужасающем грохоте от падения всех пяти башен, всех пяти точек звезды, плавно рухнувших вниз; в звуках журчания странной, булькающей воды, наполненной клубящейся тьмой; под красным светом того солнца, что своим светом резало и отгоняло ночную тьму неба.

Желание Демиурга исполнилось. Мир переродился и уже не мог стать прежним никогда в своей истории. Демоны и люди освободились от оков Бога. Мир был свободен. Отныне все в нём были свободны.

Всё погружалось в хаос и анархию. В новом прекрасном мире Демиурга существовали только свобода, безнаказанность, тьма, красное светило, кривые, пугающие скалы и адские, алчущие крови создания. Новый порядок был воистину прекрасен. Это именно то, что так жаждали получить все участники Плана. Новое мироздание строилось воистину на совесть.

Деревня опустела. Её улицы заливала темнота и заполоняли горбатые, липкие твари, настоящие монстры, демоны, которым было не суждено вновь ощутить себя людьми, жителями Нижнего мира. Чудовища бродили по тихой деревне, громко клацая своими огромными челюстями да скребя землю длинными звериными когтями. Их рык слышала вся деревня, все оставшиеся в живых люди, сейчас притихшие в домах и молящиеся на Бога, умоляющие его о спасении. Они не хотели умирать, хоть смерть теперь пугала гораздо меньше новых монстров и нового мира, новой реальности.

Аделия, как и остальные, как мышка сидела в запёртом доме с заколоченными окнами.

Она сидела тихо-тихо, боясь даже шумно дыхнуть. Твари сновали около двери, женщина это чувствовала. А ещё она ощущала, как жарко становится в этом маленьком доме и проклинала всё то, что творилось снаружи уже около часа.

В тот момент, когда само время остановило свой ход, Аделия попивала чёрный чай с бархатистым вкусом, улыбаясь своим шаловливым мыслишкам. Снова она вспомнила Саркиса, эдемского мага, и сердце её запело, загорелось, как и в тот самый день, когда они точно также пили чай, наслаждались друг другом и мило беседовали. Она запомнила этот момент навсегда и даже собиралась забрать его с собой в могилу. По крайней мере обещала себе сделать всё возможное для осуществления подобной мечты.

Аделия пила чай, чувствовала его умиротворяющее тепло и улыбалась, вспоминая и попытки поцеловать его, такого сурового и неприступного, и попытки соблазнить его своими миленькими нижними губками, пытаясь подать это как шутку как проверку на прочность. На деле Аделия обманывала Саркиса. Она хотела его, она хотела этого именно с ним, и это был решённый вопрос уже через десять минут их знакомства.

Вот, снова зарделась и трогала вагину, начиная ублажать себя. Дурочка, влюбилась в него, в этого мага. Но а как было в него не влюбится? Суровый, сильный, в беседах даже приятный, довольно красивый. Красивый, как мужчина. Красивый, как защитник и щит. Женщина вспоминала его волосы, запах, эту уверенность и харизму, а парок над чаем всё ещё тонкой спиралькой взмывал к небу.

Чай остывал, когда всё началось. Когда дверь в её маленький домик шумно распахнулась, внутрь проник местный старик, обычно такой жизнерадостный и в приподнятом настроении, сейчас был взволнован, испуган, словно увидел ворота в ад. Позже окажется, что то ощущение было недалеко от истины.

— Что вы делаете тут? Вы вышли из дома на улицу в такую опасную минуту, так ещё и пришли ко мне. Почему вы не остались у себя...

— Тише, — шепнул старик, поднося к потрескавшимся губам дрожащий палец. Дрожащий точно так же, как весь их дом, вся земля, вся деревня, весь Нижний мир. Свечение становилось лишь сильнее и скоро вся комната Аделии утонула в ало-красном свете.

Старик почти ничего не объяснял, сбивчиво бормоча что-то непонятное да отдавая короткие приказы. В считанные мгновения они заколотили окна, заколотили крепко-крепко и комната сразу же погрузилась в кромешную тьму, заполонившую собой каждый угол, трясущийся от этого чудовищного землетресения.

— Теперь то ты мне всё расскажешь? Почему ты не остался в своём доме? С твоим сердцем не стоило так рисковать... — начала Аделия и её сразу перебили твёрдым, непоколебимым жестом.

— Он обрушился... Мой родной, милый дом рухнул прямо в эту чёртову трещину. Я еле успел выпрыгнуть... Я не знаю что сейчас происходит, но одно знаю точно — эти маги доигрались с маной, заклинаниями и переделами мира. Они обрушили на нас небосвод, будто бы вызвали демонов, судя по ощущениям... Слышишь, Аделия? — притих вспотевший старичок, прислушиваясь к уличному гулу. К этому истеричному, постоянно нарастающему голодному крику целого сонма существ. Они были близко. Гораздо ближе, чем думали и без того испуганные жители, запершиеся в своих домах, сейчас ставших для них неприступными крепостями, и надеющиеся на милость божью. Они рассчитывали спастись, переждать, надёжно укрыться от монстров, от этого свечения, тряски, страшного гула, от этой сферы,

алой точкой засиявшей в небе. Они рассчитывали выжить, но...

Шёл первый час, который казался бесконечно тянувшейся неделей. Всё давно закончилось, по крайней мере так казалось. Запертые в своих домах, как в тюрьме, они не видели той картины, которая на самом деле развернулась в их небольшом, любимом, привычном селе, которому они посвятили свои сердца и жизни. Они не видели чёрную землю, разрезаемую многочисленными полосами красного камня, не видели по-настоящему уродливых гор, напоминающих кривые пальцы огромного гиганта, не видели тех существ, что населили новый чудесный мир Демиурга! Не знали о том, что Нижний мир полностью слился с адскими землями! Не видели мерзких лиц этих чудищ, не слышали низкий рык, от которого начинала вибрировать земля, не знали о том, что монстров хватало и на земле, и на крышах, и у мелких озёр, наполненных чёрной, болотистой водой. Они были монстрами, бывшими людьми. И хоть память была у них при себе, людьми этих тварей сейчас было назвать невозможно.

Они скреблись о дверь своими острыми когтями, они ходили по покатой крыше и та громко скрипела под их липкими, большими телами.

— Всё никак не уйдут? — тихо, осторожно и при этом сильно жмурясь спрашивал старик, переставший что либо видеть в этом наполненном тьмой доме.

— Да... Я слышу что-то ещё... Принюхиваются? Да, они учуяли нас... Вероятно ищу лазейку...

— Вот сука, — выпалил дед, выпалил громко и без всякого страха, и демоны рядом с их домом прислушались, притихли, а потом тихонечко завывли, начиная с усиленным рвением скрестись о старые доски.

Дом скрипел, шатался, крыша накренилась, просела, затрещала. Ужасный вой окружил её любимый с детства дом и только сейчас девушка словно прозрела, словно увидела реальность. Их убьют. Их просто убьют.

— Мы можем что-то сделать? Перебежать в другой дом или получше спрятаться в этом? — смотрела в темноту Аделия, надеясь услышать ответ мужчины.

— Они ищут нас по запаху, спрятаться не выйдет. Бежать тоже бессмысленно. Они наверняка настигнут нас в считанные мгновения, — старик сказал тяжёлую истину. Такую тяжёлую, что его руки никак не могли успокоиться, придти в себя, перестать постыдно дрожать.

Крыша проломилась, доски треснули, падая в центр громадной комнаты, тьма которой тут же развеялась красным бархатным свечением. Свечением яркого светила, озаряющего весь этот мир, все эти красно-зелёные поля, все эти разрушенные города, стоящие теперь в руинах по милости златовласого мятежника.

Тьма отступила, являя тяжело дышащему старику и притихшей Аделии горбатого, нюхивающегося ирода, истинного демона во плоти, своими кривыми, будто бы чернильными ногами стоявшего на трескающихся досках, жалобно вопящих перед своей смертью.

Огромные, тяжёлые лапища с остервенением разметали доски, разнесли их по всей комнате и чудовище довольно рыкнуло, голодными, алыми глазами смотря то на приоткрывшего рот старика, то на пытавшуюся спрятаться за шторой Аделию. Демон смотрел, и его липкий, ловкий язычок облизал чёрное, склизкое лицо.

— Что ж ты за тварь такая? Убьёшь нас теперь? — спрашивал старик, которому смерть внезапно не показалась чем-то ужасным и страшным. Он храбрился, даже улыбался ей прямо

в лицо. Чёрной, громадной, неестественно выглядящей смерти, буквально утопающей в кровавых ярких лучах.

Остальные демоны скреблись в окна, пытаясь протаранить скрипящую, но всё ещё державшуюся дверь. Бывшие люди не обладали тем же разумом, они бились в первые попавшиеся места, бились лбом, отчего Аделия посчитала, что она теперь в безопасности. Наверняка тварь съест старика, сожрёт его до самых костей, а её, бедную девушку, не заметит, не захочет, обойдёт стороной.

Живот демона нещадно завыл, монстру стало так больно, так тошно, он так устал от всего этого:

— Кушать... Я очень хочу кушать. Проголодался, аж животик сводит. Мне так хочется еды, о боже... — ныл монстр знакомым голосом. Таким любимым голоском, что Аделии дорогого стоило не шелохнуться под бежевой занавеской. Это был он...

— Демьян... — шепнула женщина, узнав племянника. Того племянника, что должен был быть живым, но вот он стоял у неё в комнате, голодный, мёртвый, потерявший самого себя. И Саркис солгал ей... Этот маг обманул её...

Демон может и услышал, но пока никак не реагировал, только рычал и жаловался на пустоту в своём громадном желудке.

— Бог воистину ужасен, он создал для людей самые ужасные пытки. Для всех жителей Нижнего мира уготована лишь участь демона в аду, для нас нет и не будет рая... Вот скотина, вот собака, мы растерзаем тебя, изверг. Ты, Бог, не понимаешь, что за страдания причиняет нам твоя система. Система, которая убивает человека в человеке. Система, которая карает в равной степени абсолютно всех, — кричал несчастный бывший кудрявый паренёк.

«Почему же, мой Демьян? Почему ты заслужил такое посмертие? Бог предаёт героев этого мира. Отчего я тогда должна молиться ему, просить о прощении, если всё что меня ждёт — это бытие демона? Это ли справедливость божья?»

— Кушать хочешь, да? Проголодалась, уродина демоническая? Против старого человека идёшь, дрянь когтистая, — смеялся дед, истерически хохоча и катаясь по полу. Его смерть уже была предрешена.

— Ты бы знал, как я изголодался. Сейчас я бы съел хоть трёх богов зараз, — прорычал демон голосом лишь отдалённо напоминающим голос Демьяна. Голос настоящего героя Нижнего мира, силой прекратившего жуткий, бесчеловечный эксперимент Эрика Мартена и Демиурга. Он ведь был героем, магом одной из церковных магических башен, но даже он заслужил только страшное тело, чудовищные муки и страдания, которые убили в нём последние остатки человечности.

Когти вспорхнули над хохочущим стариком, окрасились в алый свет, идущий из дыры в потолке, и рухнули вниз, погрузившись глубоко в тело бедного человека, глаза которого уже закатывались, а сердце завершало свой последний стук.

Кровавый фонтан взметнулся над хладеющим телом, демон присел рядом, отрывая кусок за куском, отправляя их в свой широкий рот, в свои громадные челюсти, обглаживая всё мясо до кости и швыряясь белыми костями по всей комнате.

Аделию вырвало. Вырвало прямо на штору. Девушка упала наземь, в последний миг хватаясь за ткань и падая вместе с ней.

Она видела его глаза. Голодные, но такие несчастные, две красные точки, точно узнавшие её и молящие о пище, о еде. Об остальном Демьян больше не думал. Он погиб ещё

в Чёрном голоде, ещё в тот день, когда получил свою склизкую, противную, животную оболочку. Когда он стал зверем не только снаружи, но и внутри. Вот такой урок Бог давал всем, кто существовал в Нижнем мире.

— Тётя Аделия... Покормишь племянника? — грустно рыкнуло чудовище, хватаясь своими тонкими, костлявыми лапами за молодое, белоснежное тело своего родного человека.

— Саркис сказал мне, что ты жив. Что с тобой всё в порядке. Почему он соврал?

— Наверное не хотел огорчать Вас, тётя. Вы бы точно расстроились, точно бы опечалились.

— Что ты чувствуешь, Демьян?

— Что чувствую? Только голод и жажду. Жажду и голод. Бог создал самое бессмысленное и жестокое наказание. Он сделал нас животными, заставив страдать от самых обычных вещей... Это так глупо, Аделия. Мы готовы разорвать этого подонка на мелкие кусочки.

— Я понимаю тебя, Демьянушка, мой родной человечек. Пообедай, дорогой. Я же обещалась кормить тебя всегда, когда ты голоден.

— Я правда могу поесть? Хоть немножко? — взмолился демон, забывая утереть слюны на убогой, чёрной морде настоящего зверя.

— Кушай, мой мальчик. Обед уже стынет.

Перед смертью она успела вспомнить свою незатейливую, но такую классную жизнь. Обеды, ужины с Демьяном. Его успехи, работу, его доброе сердце. Вспомнила и Саркиса снова улыбнувшись его образу. Аделия любила его, это точно было так. Как жаль, что теперь уже ничего и никогда у них не получится...

Клыки. Дикая разрывающая боль. Этот хруст, это чавканье, Демьян принялся за свой долгожданный обед.

Демон накрыл собой девушку, впился в неё всеми четырьмя конечностями, наслаждаясь аппетитным, мягким, молодым телом. Телом собственной тётушки.

А позади горбатой, неровной спины уже стоял другой демон. Бывший старик, бывший житель прекрасного села, с этим дубом, с этими скамьями, с этими домами:

— Демиург вернулся, да? Он освободил нас? Слава великому магу Нижнего мира. Думаю, он вернулся, чтобы наконец-то переделать мироздание и стать новым Богом. Справедливость существует, я знал! — старик осмотрел своё уродливое тело, потрогал язык, поскрёб когтями, сверкающими в алом свете. А ещё дед слышал голоса. Голоса других демонов, ликующих и радующихся новой эре. — Осталось ждать немного. Бог начал своё нисхождение!

Демьян кивал в ответ, вгрызаясь в мясо Аделии, жуя его и наслаждаясь, чувствуя себя самым счастливым человеком в мире. Его глаза излучали радость. Демон наконец-то кушал, ощущая, как радовались даже его зубы.

Адская ночь накинута на Нижний мир. Накинута, словно зазывая сюда самого Бога!

Нижний мир был уничтожен. Старый порядок обрушен. Адские твари стали его новыми хозяевами. Красная земля, предназначенная для давно уже мёртвых людей, слилась воедино с миром живых. Твердь отныне никогда не будет прежней, этот мир нуждался в глобальной реконструкции.

Под алым мягким светом столица погружалось в хаос. Демоны бегали по всем столичным улицам, вынюхивали каждый дом, когтями доставали людей, случайно оказавшихся в этот момент не под надёжной крышей. Их рвали, их ели, их крики слышал каждый житель столицы, тут же боязливо сглатывающий да молящийся о прекращении всего этого кошмара.

Почти все сооружения украшались ужасающими трещинами, были и те, кто еле держался, накрываясь всё больше и больше под восторженные крики демонических тварей. Где-то в другом городе люди брались за факела, пытались сжечь монстров, пытались всеми силами защитить своих близких и незнакомых живых людей, которые всё ещё надеялись не стать кормом для голодных чудовищ. Аристократы, во главе с Эрдином, до самого конца рубили липких кричавших монстров, пытавшихся окружить и сломить свою жертву. Богачи сражались наравне с остальными людьми, ведь все в Нижнем мире были сейчас в одной лодке. Беда настигла всех. В том числе и бывших людей, живших без каких-либо забот, только сейчас взявшихся за оружие и воевавших за право жить в этом мире. Они умирали по очереди. Умирали в истошных криках, но не сдавались, продолжая свои отчаянные попытки ровно до того самого мига, покуда рыжий аристократ Эрдин, светлый и добрый человек, не оказался в вонючих пастях горбатых «гостей». Бывший аристократ погиб без криков. Погиб, как герой, делающей всё для защиты тех людей, жалких аристократов, которых ещё недавно презирал, над которыми смеялся, а в эту минуту, неожиданно для самого себя, проникся настоящим уважением.

Нижний мир погряз в смертях, сумятице, страхе, погряз в боли, буквально наполнился всеми ужасами, которые ещё час назад было сложно вообразить. Длинная ночь окутала Нижний мир. Длинная ночь, за которой больше не придёт рассвет, утро, тёплое солнце...

— Где же Он? Куда пропал, куда делся? Он точно здесь, я это знаю, — Саркис сжал кулак, а другой рукой повертел белёсым посохом. Камень на нём моргал. Моргал от магии, буквально мечтающей о грядущем сражении. Артефакт никогда не ошибался. Он всегда чувствовал своего хозяина...

Серое облако всё ещё скрывало гремящие обломки столичной магической башни. Шум всё не прекращался, когда две фигуры выплыли оттуда, как лодка из приозёрного тумана.

— Крепкие парни... А что они там делали? — задал себе вопрос богатырь, внезапно вспомнив этих молчаливых, словно бы мёртвых, безразличных ко всему людей. — Да, припоминаю этих смугляшей. Плелись вечно за Авиадом. И как они смогли выбраться оттуда, из-под обломков?

Слуги держали в своих мощных руках окровавленные серпы, такие острые и большие, что могли бы испугать любого человека. Но только не эдемского мага, который снова улыбнулся, не замечая дико участившееся моргание фиолетового камня, гордо венчающего посох. Не только сердце Саркиса молило о сражении, артефакт тоже был готов воевать.

Слуги шли молча, шли прямо на Саркиса, несмотря на то, что магами эти двое никогда

и не являлись. Они шли, а руки Саркиса снова захотели окунуться в сражение, даже сердце богатыря забилося гораздо быстрее, предвкушая короткую схватку и лёгкую победу.

— Молчуны, вы ко мне идёте? Поговорить по душам захотели? — спросил Саркис, целиком облитый невероятным красным свечением. Новое солнце висело в небе и озаряло мир, как вдруг ему пришлось поугаснуть, ибо божественный свет, состоящий из множества тонких белых лучей был гораздо сильнее и ярче. Новый свет затопил все окрестности, все улицы, всю столицу. В небе появилась белоснежная аккуратная ступень, на которую шагнула голая идеальная стопа.

— Не может быть... — опешил Саркис. — Это какая-то ошибка. Правда ведь? Скажите что это так, что мне просто кажется.

Лестница плавно понеслась к низу, к одной из столичных улочек, наполненных рычащими, будто бы оцетинившимися от злобы демонами. Она светилась так ярко, так красиво, что полностью затмила кровавое светило, словно бы удалила его с неба, не дав концу света поглощать Нижний мир. Теперь многое стало очевидным. Саркис, распахнув глаза, судорожно следил за спускающейся фигурой. Казалось, она шла на казнь. Опустив голову, не двигая свисающими руками, человек спускался по мерцающей лестнице, испускающей божественные сверкающие лучи, которые, словно прожекторы, освещали то одну улицу, то другую.

— Нет, это ошибка. Ты не можешь спускаться в Нижний мир. Не делай этого, не ведись на поводу у врага... — голос Саркиса впервые задрожал. Богатырь волновался, ведь он не мог не показать своих чувств. Маг видел безумство, смелость, глупость в одном лице. В лице, которое прекратило смотреть на каменные, сиявшие плиты и наконец посмотрело на весь царивший здесь ад.

Бог спускался к людям! Бог спускался к Демиургу!

— Вот чёрт, что творит Демиург... — Саркис заметил его не сразу, но когда заметил, уже неотрывно следил за златовласым красавцем, широко улыбавшимся и медленно прохаживающимся по одной из самых широких улиц города. — Брат... Друг... Мой родной мятежник... — прерывающимся дыханием пробормотал чёрный богатырь, уже и не думавший о молчаливых высоких слугах.

Демиург аккуратно, как изнеженный принц или король, двигался по улице, смотря на потрескавшиеся дома, на громадные обломки, на красную землю под своими ногами, плавно переходящую в плитку, выложенную усердными рабочими Нижнего мира. Он ловил на себе взгляды улюлюкающих адских тварей, видел испуганные взгляды высыпающих на улицу людей, которые осмелились обратиться к Демиургу, к самому великому магу мира.

— Это вы? Вы вернулись? Мы так долго вас ждали, посмотрите что сделали с этим миром междоусобицы внутри Церкви Господа, — кричал мужчина, которого всё ещё не заметил не один из занятых своими делами горбатых демонов.

Демиург шёл вперёд, мягко улыбаясь всем подряд и смотря каждому прямо в глаза.

— Да, я теперь с вами. Снова, как в старые добрые времена. Теперь то всё будет хорошо. Осталось только потерпеть, — мило произнёс Демиург, видя счастье и неописуемую радость на лице мужчины. Мужчины, который улыбался в последний раз. Белая гладкая рука Демиурга поднялась, дав команду плетущемуся позади тяжело дышащему демону напасть и тот рванулся с места, опрокидывая человека и вгрызаясь в его лицо, так и не успевшее понять происходящее. — Прости, мой друг. Даю тебе слово, что это последние твои страдания.

Спина гордо вытягивалась к небу, ослеплённому сверкающей лестницей, белые одеяния с витиеватыми золотыми узорами ползли по земле, за своим красивым обладателем, худым, подтянутым, идеальным, золотые волосы которого невольно падали на гладкий лоб, лишённый даже малейших морщин или царапин. Чувствуя себя новым королём мироздания, Демиург пересекал улицу, даже не оборачиваясь на крики Саркиса, не подавая и виду, не удостаивая его своим вниманием.

— Куда ты идёшь, Демиург? Я здесь не за тем чтобы наблюдать твою спину, — кричал богатырь, с ленцой уклоняясь от каждого рассекающего воздух удара. Серпы работали как рабы на галерах, пытаясь дотянуться до крепкого мужчины, но они непременно промахивались и до конца не застывшая кровь погибшей девушки ложилась на каменные серые плиты. Слуги явно работали на златовласого, именно они и следили за каждым движением Авиада. Демиург многое предвидел, перед тем как пропасть три года тому назад в Чёрном городе, аккуратно после использования маленькой городской пятиконечной звезды... Всё было не просто так. Случайностей не существовало. Всё было подчинено чьей-то воле.

Столицу накрыло сияние. Сияние этой доходящей почти до самой земли лестницы. Лестницы, по которой в этот мир спускался сам Бог. Величавый человек крепкого телосложения, гордый, серьёзный, от одного вида на которого любого человека бросало в страх и трепет перед божеством, постепенно пересекающим пространство до Нижнего мира.

— Как же всё засверкало, будто настал рассвет. Отец зря время не теряет, пришёл почти сразу, как я и надеялся, — произнёс своим приятным, переливающимся голосом златовласый красавец, всё ещё кивающий испуганным людям, радующимся его возвращению в Нижний мир и славящим своего мага. Мага, который ещё очень давно стал для всех настоящей легендой.

— Страдания совсем скоро закончатся. Я могу назвать виновного в вашей тяжёлой участи, добрые люди, — голос Демиурга разносился по всей столице словно гром. — Бог — вот кто обрёк всех на мучения. Он обрёк вас — живых, и демонов — мёртвых, он всех обрёк на страдания. Сейчас он спускается сюда, к нам. Бог хочет уничтожить меня, остановить путь к свободе, окончательно привести вас к демоническому существованию без еды, воды, в постоянных терзаниях, муках, с постоянными болями и лишениями. Мы не должны допустить воцарение несправедливости. Так ведь, люди?

Многие аплодировали Демиургу, кланялись, счастливо бегали вокруг, даже забывая о демонах на улицах города.

— Вы наш свет, господин маг. Мы пойдём за вами, — крикнул лысый мужчина, трясущимися руками звонко хлопая в ладоши.

— Мы так боялись это узнать. Узнать правду. Вы действительно как лучик света в это страшное время. Благодарим вас! — кланялся важный человек в пиджаке, с почтением смотря на шагающего принца, на шагающего короля.

— Мы знали, что вы вернётесь. В самый ответственный момент вы спасаете нас. Когда всё разрушено, когда демоны шагают и рычат на наших улицах, когда земля дрожит, а дом рушится — именно вы нас спасаете, многоуважаемый Демиург, — женщина средних лет, немного толстая для своего возраста, упала на землю, под радостные, ободряющие хлопки счастливого народа. Народа, который оказался только пешкой, обманутой всеми и со всех сторон. И Демиург это знал. И он улыбался, как будто с каждой секундой всё сильнее и сильнее растягивая улыбку и чистую, как снег, кожу на своём прекрасном лице.

— Ждите перемен и они придут. Как приходит рассвет, так придёт и совершенно другой

мир. Осталось ещё немного потерпеть, — в радостную толпу влетела демоническая пушистая тварь, тут же повалившая наземь сразу нескольких людей, залившимися отчаянными воплями. Демонов всегда нужно было кормить, они не хотели оставаться голодными. Ведь их ситуация была, наверное, самой грустной, ужасной, мучительной и тяжёлой. Казалось, каждому из них приходилось быть в крепких, сковывающих запястья наручниках, а перед ними была манящая, аппетитная еда. Такая желанная, такая вкусная, она сводила с ума длинные клыки, скручивала живот, а изо рта слышались жалобные порывания. Ведь они так хотели хоть немного пообедать... Хоть кусочком мяса, маленьким и не столь жирным, которым можно было только раззадорить аппетит любой твари, но и этого демонам было достаточно. Лишь бы чуть-чуть отведать, насладиться, успокоить кричащий желудок.

Демоны счастливо раздирали человека за человеком, люди, ещё недавно смело шагавшие рядом с величественным Демиургом, сейчас прятались в своих домах, пытаясь в последнюю секунду заколотить свои окна, рядом с которыми уже точили когти изнывающие от голода липкие криворукие чудовища.

Ступенька за ступенькой появлялись в умирающем воздухе несчастного мира, разбрасывая мириады ярких искр и белоснежные лучи. Бог окидывал взором весь этот мир, погрязший во всех смертных грехах, наполненный самой настоящей болью. А виноват был он сам, Создатель мироздания. И отвечать придётся только ему за собственный выбор, за собственную систему, за всё, что произошло в последнее время. Бог признавал неправоту, хоть это ему многого стоило. Даже чересчур многого. Бог не мог не вмешаться, когда мир был на краю гибели. Он должен был остановить мятеж...

— Спускается папаня, спускается. Хочет ответить за грехи, покаяться пред всеми вами. Но мы не простим, люди, мы должны настаивать до самого конца. Свобода только в наших уроках, вместе мы изменим мироздание, — гласил Демиург, взглядом окидывая демонов и редких людей, всесторонне поддерживающих и уважающих его. Демиург мягко шагал по каменистой дороге, чувствуя себя королём и истинным наследником божественной силы.

Последняя ступень вгрызлась в красную адскую землю, дробя её на мелкие кусочки и ярко освещая широкий проспект, сейчас буйно наполненный худыми демонами с мелкими алыми глазами, плетущимися целыми толпами за идеально ровной спиной Демиурга, златовласого красавца. В его голубых глазах, так диковинно похожих на озёра, виднелся силуэт не менее прекрасного парня с небольшой бородой из синего переливающегося и меняющего форму пламени и таких же пушистых, но горячих волосах, цвета неба. Лёгкую белую накидку трепал тёплый эдемский ветер, дующий откуда-то сверху, а ноги, совершенно босые, но на удивление чистые, сверкающие своей белизной, неспешно ступали на мерцающие ступени. Бог уже был перед Демиургом, впервые появившись на глазах удивлённых и одновременно злящихся людей в своём человеческом теле. Уязвимом, слабом, немощем теле, которое он никогда бы и не использовал, если б не финальный аккорд Нижнего мира. Конец света заставлял божеств отчаянно исправлять дело, но обычно времени оставалось чересчур мало. Божества часто ошибались, как необученные дети. Мятежникам всегда было легче расшатать лодку, ведь её хозяинам было тяжело привести её обратно в равновесие. Так было всегда...

— Ты пришёл, Отец. Добро пожаловать в тот мир, который ты создал собственными руками. Кстати, как тебе тело? Не правда ли оно уязвимое и такое хрупкое, как ваза? Чувствуешь ли ты себя в нём всемогущим Богом? Готов ли представить физические муки его

обладателей? — ехидничал златовласый принц, не останавливаясь ни на шаг и нагледя с каждой секундой божественного, невероятно яркого и впечатляющего спуска главы этого мироздания.

Демоны шурились от света и прикрывались своими кривыми лапищами. Они двигались за спиной Демиурга, бродящие по окраинам улицы тоже присоединялись к единому маршу. Маршу против нисходящего к ним Бога, каменное лицо которого наблюдало эту чёрную, движимую на него адскую колонну, во главе которой шёл улыбающийся безумной улыбкой златовласый мятежник.

Люди не могли больше прятаться в своих домах. Они высыпали наружу, тоже прикрываясь от божественного света, выходили из своих красивых в прошлом, а сейчас треснувших и обвалившихся домов, и каждый распахивал свои глаза, чувствуя надвигающуюся силу, этот тёмный таран, нацеленный прямо в грудь спускающемуся божеству.

— Присоединяйтесь к нам, люди. Вы до сих пор ничего не поняли? Вы же видите всех этих созданий. Ваше единственное возможное будущее — это их тяжёлая реальность. Присоединяйся к нам, народ, не бойся тех монстров, что до своей смерти жили на этих улицах, в этих городах, в этом мире. Я ручаюсь, что больше они вас не тронут. Доверяйте мне, я ещё ни разу не подводил вас, верно же? — Демиург говорил уверенно, громко, этим приятным голосом. Голосом, который вызывал нескрываемое доверие и даже невольную радость, надежду. Пара демонов агрессивно клацнула зубами, но большинство закивали уродливыми головами, заставив людей заликовать, всплеснуть руками и двинуться прочь от Бога, в сторону чёрного ковра, тарана, забившего, как пробка, всю широкую столичную улицу.

— Он дело говорит, наш Демиург.

— Да, он прав. Я верю, что они нас не тронут.

— Идите все к нам! Демиург зовёт нас на ратный бой! Идите к нам, пока не поздно! — кричали люди, зазывая и зазывая к себе всё больше и больше жителей столицы.

Таран пополнялся новыми воинами свободы и справедливости, хоть страх перед голодными тварями всё ещё заставлял их беспокоиться, судорожно озираться и быть более внимательными.

— Зачем же всё это нужно? Демиург, почему ты пошёл на всё это? Чего ты пытаешься добиться, мой брат? — спрашивал себя Саркис, до сих пор молниеносно уворачиваясь от кружащихся серпов в руках молчаливых слуг. Слуг Демиурга, что всеми силами пытались задеть тело богатыря. Но тот даже не смотрел в их сторону. Всё его внимание было приковано к движущейся вниз фигуре, уже поравнявшейся с разрушенными белоснежными крышами.

— Демиург, это дело наше с тобой. Не устраивай здесь спектакль. Это не их битва, не стоит их обманывать. Я же знаю, ради чего ты сделал всё это, — начал Бог, смотря прямо в глаза усмехающемуся Демиургу, безумным взглядом сверлящему своего Отца. — Ты пропал из мира, став магической книгой в Чёрном городе. Мартен прикрыл тебя, сказав, что он поместил тебя внутрь книги и выбраться оттуда по своей воле ты попросту не можешь. И я знаю, по какой причине ты провернул всё это, Демиург.

Златовласый принц звонко рассмеялся, снова получив одобрительные возгласы людей:

— Папаня, не пытайся сейчас выглядеть нереально крутым и умным. Главное что ты здесь и ответишь перед всем страдающим по твоей милости народом...

— Ты оказался в руках Авиада, мой мятежник, заставив деда думать, будто ты в его полной власти, будто ты без посторонней помощи никогда не выберешься из магической книги. Но ты изначально принял её образ, ведь в тебя нужно было искусственно вливать магию, Демиург. Ты...

— Прекрати пороть эту чушь, старик. Тебе никто больше не доверяет в этом мире. И ты главный виновник такого отношения к тебе, пахан, — продолжал златовласый мятежник, ведя за собой людей и не меняя выражение своего лица.

— Ты стар, Демиург. Вот в чём причина твоих поступков. Магические жилы в твоём теле начали отмирать. Мана больше не попадает в твоё тело. Её можно лишь вкачивать в тебя, как воду в бочку. Потому ты и принял форму книги, мой ранее так любимый сын... Как же ты низко пала, ползучая гадина. Как и Саркис, ты съел два фрукта, один из которых позволяет тебе менять форму тела, а второй даёт бессмертие. Но только не магическим способностям, Демиург, только не им. Как маг ты не бессмертен, глупец. Тебе нужна магия, мой дорогой мятежник, а ты, эгоист, ради себя любимого поставил мир на край гибели...

— Не трать слова попусту, старина. Фрукты у него, овощи, какая всем разница? Ускоряй своё нисхождение, неудачник, — Демиург не поменялся в лице, нагло ухмыляясь и глядя на своего бывшего Отца, родственника, своего Создателя и близкого человека...

«Демиург всё делал ради себя. Он устроил мятеж, чтобы попасть в Нижний мир. Теперь он уничтожает и Нижний мир тоже, действуя лишь себе во благо. Всё же он редкостная скотина, постоянно прикрывающаяся заботой о других и вечно толкающая всех на дурные, самовольные и мятежные поступки. Врать Демиург всегда умел и разрушать место за местом ради собственных целей было его неким хобби»

Бог ступал на одну из последних ступеней, ни глазом не жмурясь от этого яркого свечения, озарявшего весь несущийся на него таран. Чёрный таран, полный настоящих демонов и мятежников среди людей, не желающих прощать Отца, Создателя, Бога, не желающих мириться с существующей системой и её правилами.

— Мы за справедливость! Мы за свободу! Мы за наше лучшее будущее! — скандировал народ, уже не боящийся ни демонов, ни даже наступившего конца света. Демиург зажгёт в их сердцах надежду, горящую, как свечка. Демиург создал это пламя, направляя его прямоком в физическое сердце Бога. — Долой угнетение! Долой страдания! Бог — уходи в небытие!

Божество коснулось своей босой ногой красной каменной земли. Он коснулся ею и второй стопой, оказываясь полностью в Нижнем мире.

Таран остановился. Остановился и Демиург. Остановился напротив Бога, напротив своего Отца.

— Одумайся, Демиург. Прекрати этот бессмысленный марш. Успокой своих людей, — Бог ещё пытался образумить мятежника, но слова попусту таяли в этом воздухе. Пламенные синие волосы и меняющую очертания бороду видел каждый и каждый в этом воинстве. Бог тонул в сиянии сверкающей лестницы, тонул в этом ослепительном свете. Но Демиурга никто и ничто не пугал. Он до сих пор нагло ухмылялся, смотря в безразличные глаза божества, в которых напрочь отсутствовали любые эмоции.

— Успокоить? Ха, ты видимо до конца ничего не понял, папаня. Они хотят твоей смерти, Бог. Все люди, жившие в страданиях, будут ненавидеть тебя и это совершенно нормально. Ты не можешь просить лучшей участи, не в том положении. Ты всё знал с самого начала! — эта ухмылка и эти крики, вознесшиеся над погружающейся в хаос столицей, заставили таран радостно зашуметь. Люди скандировали, люди не дрожали, люди не

сдавались...

— Сын, но это же безумие. Вы хотите моей смерти? Это ваш выбор? Одумайтесь, вы ещё можете отказаться от своих планов. Это единственное правильное решение. Предать Создателя, отринуть отцовскую руку или же решить вопрос миром? Шанс есть, я не отказываюсь от своих детей, — Бог говорил громко, но казалось, будто его никто и не хочет слушать. Толпа скандировала и скандировала под жуткие крики измученных демонов, с ненавистью пожирающих тело Отца пока лишь глазами. Но каждый из них был уже готов к дальнейшим действиям...

— Не отказываешься от своих детей, говоришь? Тогда как ты позволил отказаться от меня, старик? Каждым своим словом ты только больше закапываешь себя, Бог. Миру ты больше не нужен, неужели ты не видишь? Ты отныне не имеешь права от кого-то отказаться, ведь сам мир отвергает тебя, изверг, мучитель и жестокий Отец. Ты сам подписал себе смертный приговор, когда пришёл сюда в своём физическом теле. Боль людей за моей спиной — теперь и ты поймёшь каково им было жить под твоим покровительством, — златовласый красавец рассмеялся своим колокольчиковым приятным смехом. За ним стояли люди. Люди этого мира. Именно поддержка делала его таким сильным. Именно его слова магическим образом заставляли идти за его гордо вытянутой спиной.

Лестница мерцала в последний раз. Пламя игриво танцевало на каменной голове Бога, уже давно осознавшего в какую бесповоротную игру он вступил. Мятеж захлестнул ума людей, заставил сердца задрожать от волнения. Отца ненавидели, Отца презирали.

Громадный чёрный ковёр двинулся вперёд, двинулся по обе стороны от принца, синие глаза которого чувствовали свой триумф и победу.

Лестница моргнула, моргнули и понимающие, сочувствующие глаза Бога. Против судьбы не мог пойти даже он...

— Уходи отсюда, папа. Беги из этого мира... Неблагодарные твари, раступитесь, подите прочь... Вот ублюдки. Отец! — кричал Саркис, сердце которого впервые защемило от боли и осознания необратимости дальнейших событий. Огонь яростным драконом накрыл слуг, словно плащ, и расплавил их на мельчайшие атомы, расщепил и их серпы, уничтожил этих Демиурговских слуг. Богатырь пытался прорваться сквозь безумную, ошалевшую толпу демонов, огонь вгрызался в этот непроходимый ковёр, но было чересчур поздно...

— Люди, я раскаиваюсь за свои поступки. Я вдохнул в вас жизнь, вдохнул жизнь в этот мир. Всю свою жизнь я посвятил своим детям. Почему вы не даёте мне даже шанса?

— Люди устали, пахан. Устали от твоего бесконечного бездействия. Ты создал им ад, ты лишил их хорошей жизни, ведь многие достойны гораздо большего, чем им было предначертано твоей беззубой, бесполезной системой. Шах и мат, батя, ты должен ответить сполна за боль.

— Заткнись, эгоистичный уродец. Не тебе решать за людей. Пусть они примут решение своим сердцем. Неужели вы не осознаете своей совестью что ваш выбор неправилен?

Люди молчали, остановившись и задумавшись. Они ждали этот властный голос, который сказал бы всё за них, который разом решил бы все их вопросы...

— Думаешь, они простят тебя за эти ошибки, за их страдания и тяжёлую судьбу? Бог, ты правда настолько глуп и слеп? — прокричал довольный Демиург и люди дружным хором проскандировали «ура» своему мятежнику, своему лучику света в беспросветной мгле, которую они по ошибке называли «жизнью»

— Демиург, братишка, прекрати весь этот цирк. Довольно мятежа, вспомни Эдем, наш

дом, нашу привольную и сытую жизнь в нём. Этот воздух, этот сад, неужто тебе ничего не дорого, не ценно? Отец растил нас, любил, дал чудесную, неповторимую жизнь. Твои слова лживы, друг, ты же это знаешь, ты же чувствуешь... — огонь накрывал демонов, сжигал их дотла, но времени оставалось чересчур мало. Посох делал всё возможное, но добраться до златовласого мятежника уже было невозможно.

— Соппротивление бесполезно, так? — спросил Бог, тут же увидев кивок Демиурга. — Моих сил не хватит на всю твою армию, это уже понятно. Извинения бесполезны, мои слова утратили силу на собственных детей... Как жаль. Я сделал всё для вас, отдал душу, отдал жизнь, лишь бы каждому из вас позволить существовать в этом мире. Но вы бездушны, вы готовы убить собственного Создателя, Отца... Нападайте, но помните, что с рук вам это не сойдёт. Вас ждёт ещё более худшая судьба за мятеж, за отказ от собственного, по-настоящему заботящегося родителя. Помните это и прощайте. Демиург, — обратился Бог к безумному мятежнику. — Ты предатель, бесчестный, подлый и лживый. Я вижу твою судьбу, сын мой. Каждая чёрная змея всегда получает по заслугам. Этот мир растопчет тебя, я обещаю. Эгоистичная тварь, вот кто ты, Демиург.

— Не трать слова. Достаточно сказать «прощайте» тем людям, которых ты вверг в настоящий ужас и кошмар.

— Какое же ты неблагодарное существо, Демиург, — с сожалением в голосе заключил Бог, закрывая глаза и готовясь к неизбежному.

— Повторюсь: скажи это тем людям, которым собственными руками показал настоящий ад!

Люди и демоны тронулись. Неистовыми потоками они окружили тело Создателя и без всякого сожаления напали, повалили, впились своими зубами и когтями, ударили тяжёлыми дубинками и острыми катанами принялись сдирать кожу с Бога, с Отца. Его физическое тело неистово визжало от боли. Куски мяса пожирались голодными демонами, кожа сдиралась, ногти с удовольствием вырывались в край безумевшими людьми. Бога топтали, пинали, и его крики, казалось, слышал сейчас весь Нижний мир. Пламенные волосы и борода гасли, как и ослепительная лестница позади кровавой расправы. Создатель умирал, оставляя это мироздание довольному Демиургу, растягивающему свою больную улыбку от уха и до уха. И даже умирающие магические жилы забились с прежней силой, словно чувствуя приближение настоящего обновления для каждой из них, персонально, каждой жилке по отдельности.

Эдем цвёл и пах, как ароматный цветок под ярким тёплым солнцем. Те моменты умиротворения запомнил каждый и каждый человек, живший в том райском саду.

Ветер нежно поглаживал зелёную мелкую траву, шевелил мелкими листьями на высоких величественных деревьях, залетал в уютную милую беседку из белоснежного дерева. Ту самую беседку, в которой обожал проводить время Саркис, вечно терзающий себя сомнениями и глупыми мыслями об одиночестве. Теперь эти мысли казались глупыми, но тогда Саркис проводил часами в угрюмом одиночестве, считая себя изгоем среди остальных эдемских Детей, которые никак не могли понять почему и отчего богатырь отрешался от мира и от их дружного общества. Может именно это отрешение и позволило Демиургу пропитать их сердца лживым ядом, кто знает как оно было на самом деле и в чём заключалось влияние этого златовласого красавца.

Беседка была пуста и ветер приветливо проносился сквозь неё, бережно трогая этот небольшой стол по центру и удобную белую скамью. Сейчас тут было очень весело, ведь Саркис впервые проснулся с хорошим настроением, не думая о своей исключительности и отличиях от золотоголовых братьев.

Они сидели в братском кругу, попивая своё красное сладковатое вино. Они были безмерно счастливы в обществе друг друга. Смотря по сторонам, наслаждаясь солнцем и воздухом, они весело общались, вечно шутя и радуясь этому прекрасному саду, этой зелени, этому солнцу и этому синему небу. Они любили Эдем. Любили всем сердцем. И каждое утро молились за здоровье Отца, за здоровье Создателя, который позволил наслаждаться истинной красотой, наслаждаться этим прекрасным миром. Бог улыбался им, Бог помогал каждому из них по отдельности, лишая их всех сложностей и проблем, даря каждому широкую улыбку и частичку самого себя.

— Как чудесно так собираться. Скажи, Демиург? — спросил стройный подтянутый Адам.

— Да, так легко сразу становится. Неповторимые ощущения, давайте так собираться хоть каждый день. Думаю Саркис будет не против, — ответил златовласый Демиург, тут же с доброй наивной улыбкой смотря на сидящего напротив него чёрного богатыря. — Ты же не против, братишка?

Саркис смотрел в счастливые глаза своих друзей, своих родственников. Смотрел им в глаза и уже знал свой ответ:

— Как же я могу быть против таких дней? Вы... Вы мои друзья, я вас очень люблю. Такой весёлой компании я никогда не видел в своей жизни. Мне с вами так комфортно... — богатырь впервые покраснел, чувствуя как раскалились его щёки, отродясь не выдавшие таких эмоций.

Златовласые красавцы и милые женщины с большими, почти оголёнными телами, бурно заплодировали, с добротой и пониманием улыбаясь своему брату.

— Вот верно же сказал, правильно. Выпьем и за это, парни? — крикнул милый Алерт, выплёскивая себе в рот остаток вина и кладя золотой сверкающий бокал на мягкую зелёную траву. — Лейте ещё винца!

Бокалы наполнялись чудным напитком и тут же весело опрокидывались. Звон наполнил эту зелёную поляну, он проносился над эдемским садом, летел напрямиком к голубым

небесам, напрямик к Богу, наслаждающемуся забавами своих Детей, их отдыхом, их беззаботной жизнью.

— Вы моё всё, детишки. Не переживайте ни о чём и развлекайтесь, берите от этой жизни всё до конца. Я всегда счастлив видеть ваши беззаботные чудесные деньки. Дышите полной грудью и любите друг друга так же, как я люблю вас...

— Он залез на дерево ради этого удивительного пожелтевшего листка. И как только он забрался на ту самую заветную ветку...

— Ты миллион раз рассказывал же, все всё знают, Алерт.

— Да, золотой лист рухнул вниз и тогда Адам смачно ругнулся. Мы всё помним, Алерт. Мог не напоминать, а то Адам уже притих. Он ведь так не любит браниться.

— Да, я не люблю эту историю. Но сегодня можно всё. И вино в том числе, верно же? — соскочил с темы Адам, заручившись громкой поддержкой остальных братьев.

— Алерт, что посмешнее есть? Мало того, что рассказывал частенько, так ещё и не смешно слышать про золотой листок, ну в самом деле, — запротестовала улыбчивая красавица, заслужившая воздушный поцелуй Демиурга.

— А ты чего радуешься, Деми? Нет у меня шутки смешнее, не могу я в юмор, ей богу. Вы лучше попивайте божественный напиток, сегодня можно всё, веселимся ведь, — подал голос почти полностью обнажённый Алерт, поправивший золотые шелковистые волосы и сделавший большущий глоток из своего бокала.

— Да не радуюсь я, просто красавица у нас Ева. Такая милая, приятная... Слушайте, давайте тост. У меня даже заготовлена речь, друзья, — захохотал Демиург, поднимаясь над ноги и окидывая своими синими, красивыми, большими глазами весёлую, счастливую компанию.

— Демиург, поддерживаю тебя. Без тоста да в такой привольный день — не порядок однако, — сказал Адам и Саркис кивнул также, как и все, улыбаясь кончиком своего рта.

Послышались хлопки и златовласый принц мило откашлялся в кулачок:

— Мы собрались здесь не просто так. Мы — едины. Мы с вами братья и сёстры по крови. Все мы родственники и мы любим друг дружку, мы вместе смеёмся, шутим, общаемся, проводим время в этом эдемском раю. Это самое прекрасное место на свете, которое объединило всех нас, и златовласых, и чёрных красавцев, — богатырь кивнул Демиургу, еле сдерживая свою улыбку. Но глаза выдавали Саркиса с головой. — Мы как один организм. Мы не можем существовать по отдельности, — восторженно говорил Демиург, смотря в добрые, человеческие глаза Саркиса. — Я рад быть частью такого дружного и крепкого общества. Вместе мы — семья, большая и самая счастливая во всём мире. Выпьем за наше общее будущее, за этот сад, за нашего великого Отца, за надежду в то, что Алерт научится смешить всех нас, — дружная семья залилась задорным смехом, смеялся и Алерт, шире улыбнулся чёрный богатырь, чувствовавший ураган эмоций в своём крепком теле.

— Отлично сказано, Демиург. Выпьем за Отца, за мир, за наше общее счастье, за крепкие узы. Ну и конечно за Алерта, — повторил Адам и бокалы громко зазвенели над головами златовласых Детей. И только один бокал среди множества других звонко и приятно стукнулся о бокал Саркиса. Демиург смотрел в лицо своему брату и незаметно кивал головой, улыбаясь ему и даря ранее невиданную энергию.

— За нас! За Эдем! За нашу жизнь и чудесную судьбу! — скандировали счастливые люди, выпивая золотые бокалы до самого дна. Демиург присел, облакачиваясь на мягкую

траву, которую трепал лёгкий ветерок.

Небольшое молчание воцарилось после тоста. Тишина, умиротворение, покой...

Саркис широко улыбнулся, показывая идеально белые зубы, и запрокинул голову назад, от души захохотав, держась за живот и не стесняясь никого и ничего. Он хохотал, его волосы летали по ветру, а живот весело танцевал в такт искреннему смеху Саркиса.

— Чего ты, братишка? Не помню тебя таким... — удивился Алерт.

— Саркис... Хах, что-то смешное вспомнил? Тост понравился? — спрашивал и Адам, уже начиная посмеиваться, как и все остальные в дружной прочной семье.

— Да так, не волнуйтесь... Просто подумалось: как же я счастлив рядом с вами. Как же мне повезло быть в Эдеме, под этим солнцем, в окружении этих деревьев, под заботливой рукой нашего папы, нашего Бога... Боялся сказать, но вы самые лучшие, мои родные друзья!

Смех бомбой взорвался в воздухе. Златовласые братья и милые девушки накинулись на своего чёрного богатыря, сваливая его, обнимая, целуя в колкую щетину. Они были безмерно рады поделиться своими эмоциями, чувствами, поделиться теплом и любовью со своим любимым братиком.

— Мы едины во веки веков! Никто не разлучит нас, Саркис! Ты — часть нашей семьи, мы обожаем тебя! — смеялся Алерт, плача от счастья, как и остальные златовласые дети.

Хохотал и Демиург, прикрыв глаза рукой и шатаясь от непрерывного заразительного смеха:

— Да, какая чудесная жизнь, какая прекрасная история. Ты прав, Саркис. Я люблю Эдем всей своей душой. Как же круто беззаботно и весело жить вместе с вами, ребята, — Демиург тоже зарыдал. Зарыдал от безмерного счастья.

Они смеялись ещё очень долго. И Саркис никак не мог остановиться, будто бы слившись с каждым и каждым златовласым человеком. В те времена не было предела благодарности эдемских Детей. Была только любовь, вольная, свободная жизнь да самые приятные эмоции!

Окровавленное, изуродованное и неузнаваемое физическое тело Бога рухнуло на землю, растоптанное, искромсанное, разодранное собственными детьми. Люди стояли вокруг холодного неподвижного тела, громко улюлюкая и аплодируя друг дружке.

— У нас получилось! Победа всегда будет за добром и справедливостью!

— Бог вполне заслужил эту тяжёлую участь. Он обрёк нас на страдания, а мы ему показали какие всё же страшные муки он уготовил своим «любимым» детям. Ещё говорил что-то про заботу... Вот с ума сошёл, дед.

— Вы правы. Каждому из нас достались серьёзные испытания и даже в столице проблемы с головой топили нас, что тут говорить о мелких городах да сёлах. Люди жили в болях и вечных страхах, это невозможно умалчивать.

— А вот Демиург дал нам этот шанс. Шанс расквитаться с извергом! Мы должны кланяться своему спасителю и защитнику...

Толпа демонов накрыла собой всех этих людей. Хруст костей и чавканье мяса на пару с чудовищными, полными боли криками поднялся ввысь над телом Богам, повиснув в воздухе, словно тяжёлое грозовое облако. Люди визжали, бились под телами голодных демонов, вопили, но помощи можно было и не ждать.

— Я не ваш спаситель, люди. Подождите, пока я воссоздам этот мир. Вначале я покончу со старым, со всеми вами, со всем мирозданием, и только потом буду диктовать новый

прекрасный порядок. Потерпите, как потерпел Бог, и вы получите гораздо больше, чем имели здесь и сейчас, — Демиург улыбнулся и, убедившись, что всех людей из толпы с остервенением пожирала изнывающие от болях в животе демоны, убедившись, что каждый из них переставал предсмертно кричать, красавец подошёл к Отцу, к Богу, плюнув ему прямо в застывшее лицо, на котором не хватало носа, одной щеки, уха и брови, содранной острыми клыками чудищ. — Я же говорил, что я сильнее тебя, умнее, что я справлюсь, но ты до последнего не верил в меня, Создатель. Покойся с миром, автор всех ужасов и страхов людей Нижнего мира!

Белая, нежная, будто бы женская рука Демиурга коснулась развороченной груди Бога, сжала небольшой пульсирующий орган и выдернула его, поднося к своему рту, к своим тонким губам. В нём чувствовалась магия, настоящая и такая манящая. Белые зубки Демиурга вгрызлись в орган Бога, мятежник жадно выпил этот выливающийся желтый сок. Тело почувствовало магический прилив.

— Да, это то что мне нужно было столько лет. Магия, оживи моё старое тело... — он поднял орган над своей головой, надавил и искупался в этом оранжевом магическом соку, который словно пробудил его от долгого сна. — Наконец-то я почувствовал это. Как же мне всего этого не хватало, боже мой. Какое же наслаждение... — жёлтый бьющийся орган исчез в маленьком рту Демиурга. Исчез, чтобы вернуть утраченные златовласым красавцем магические силы.

— Демиург, ты рехнулся? Ты обезумел? Что ты творишь, Деми? Нет... Клейтон Бездушная мразь! Он подарил тебе дом, жизнь, вложил в тебя частичку самого себя... Я никогда тебя не прощу, Клейтон! — неистово закричал эдемский маг, раскручивая посох и выпуская огненного дракона, закрутившегося в воздухе и проносящегося по рядам демонов как уничтожительный смерч.

— Как мы заговорили. Клейтон, да? Саркис, ты же помнишь что и тебя зовут совершенно не так. Не притворяйся, не отрекайся и от своего имени, маг, — ухмыльнулся Клейтон, раскинув руки в стороны и чувствуя магию, ощущая её кончиками своих тонких пальцев. Приятная дрожь прошла по его телу. Внутри него происходило что-то неопишное, как будто мятежник впервые сделал глубокий поток свежего воздуха. Его лицо смотрело на алое светило, смотрело вверх, и казалось, будто его душа возносится куда-то вверх, куда-то к тёмному беззвёздному небу слившегося воедино нового мира.

Дракон выдыхал плотные струи огня, проходящие сквозь развернувшихся к нему демонов, плавившие их лица, превращающие их и без того кривые руки в обожжённые старые ветви.

— Я не забыл. Не имею права забыть. Меня зовут Клейтон... — полушёпотом сказал Саркис, опуская голову от горестного осознания, от воспоминаний, от всей этой горечи, что подло напала на его сердце. — Я отказываюсь от своего имени, Клейтон. Я не хочу быть связанным с тобой, предатель. Моё имя Саркис, я твоя совесть, призванная остановить тебя здесь и сейчас, прекратить весь тот ужас и кошмар, в которые ты превратил наш мир.

— Отказываешься? Разве ты имеешь право на выбор? Жалкий раб, призванный работать на побегушках у Бога и постоянно держать меня в узде... Совесть? А ты уверен, что сможешь переубедить меня, заставить признать вину и раскаяться? Не бери на себя слишком много, Саркис, — радовался эгоистичный красавец, внезапно согнувшийся, как от мощного спазма, и громко басовито закричавший, глядя своими синими глазами прямо в небо.

— Клейтон, прекрати кривляться. Довольно этой дешёвой показухи, — посох вонзился в

землю и лёгкий колкий снежок змейй пополз к тварям, сковывая их ноги, руки, замораживая уродливые шеи и длинные липкие языки, превращая их в белоснежное сверкающее мороженое. Демоны напирали и напирали, нарываясь на пламенные небольшие торнадо да на метель, летящую им прямо в лица, заставляя их по-зверинному рычать и клацать огромными клыками. Снежки взмывали в воздух и опускались прямо на чёрные липкие макушки, охлаждая и вместе с тем зля демонов, бывших людей Нижнего мира.

Людей... Вот именно что людей! Саркис без всякого сожаления убивал человека за человеком. И он даже не знал, были ли среди них его знакомые, были ли в этом чёрном бесконечном ковре его братья, его друзья с Эдема.

Демоны прыгали, оказываясь высоко-высоко над головой Саркиса. Выставляя вперёд свои изогнутые когти, адские твари устремлялись напрямиком к лицу Саркиса, к лицу элемского мага. Демоны нападали синхронно, в едином ритме, с ненавистью в красных глазах-точках, уже, хоть и мысленно, но пожирающих богатырское тело.

С печалью в очах, эдемский маг зажёг мускулистую руку и, широко ею размахнувшись, впился ею в безумное лицо монстра, останавливая его в воздухе и, с невероятной скоростью раскручивая, отправлял мерзкого демона в короткий полёт, напрямиком в хищные пасти других кривоногих тварей.

— Алерт? А может Адам? Нет, это была Ева, я почувствовал её, только прикоснувшись к этому в прошлом милому и нежному личику. Где-то здесь Демьян, Авиад, глава магов Вальтер, возможно и Аделия, может и Эрик Мартен... — он пропахивал эти бескрайние поля, сейчас швыряя демонов направо и налево. Хватаясь за их тонкие горла, Саркис игрался с ними, как со множеством футбольных мячей, и никакой укус, никакая во многих местах рванная одежда, никакие порезы и накаты врагов не могли остановить эдемского мага, облачившего обе руки в бурное пламя и раскидывавшего демонов как надоедливых щенков. Красная земля под его ботинками громко трескалась, а руки, свистя и шипя, упрямо расталкивали чудовищ, ломали им шеи, выдирали руки, пугали своей смертоносностью и одним только желанием поскорее прикончить следующую жертву. Прикончить, будь он хоть трижды Демьяном, Аделией или добросердечным Алертом. Это было давно не важно, все эти люди давно были мертвы, несмотря на продолжение их жизней, полных настоящих страданий.

— Вот это мощь... Вот это сила... Как же жжётся то, как же распирает меня изнутри! — кричал Клейтон, всё больше дёргаясь и сгибаясь от ужасной метаморфозы, от настоящего рождения Бога внутри себя. — Спина, моя спинка... Вот чёрт, почему мне нравится эта боль? Неужто я должен обожать страдания? Такая сила... Я совсем скоро смогу использовать её. Осталось только выждать, пережить эти страдания, — лицо Демиурга, нет, Клейтона, исказилось в чудовищной гримасе, расплылось, словно масло под солнцем. Клейтон изгибался, мучился, прыгал на месте, чувствуя две болевые точки на своей сгорбленной несчастной спине. — Вот это да... Вот это сила... Моё тело будто объят огонь, внутри меня горит абсолютно всё, каждая клетка тела... Скоро всё будет хорошо, ни одна боль не продолжается целую вечность...

Белоснежные одеяния с золотыми витиеватыми узорами треснули, разорвались, в разрезе, ровно на сгорбленной спине, показались молниеносно увеличивающиеся белые отростки. Будто кости, такие же белые, они, словно ветви, образовывали нечто большее на его спине. Глаза Клейтона расширились от боли, он закричал, закричал чудовищным криком, и растущее на его спине величественное дерево сложилось в широкие, большие,

ангельские крылья, в ту же секунду шумно захлопавшие и разбросавшие вокруг себя яркие-яркие искры.

— Что ты сделал с собой, брат? Ты проглотил Отца? Неужели всё это ты провернул ради самого себя? Как же ты низок, у меня просто нет слов. Ты далеко не тот человек, которого я помнил, любил, с которым проводил всё своё время... Защитник людей? Одни слова, Клейтон, одни слова и пустота за ними, — улыбнулся Саркис такой же безумной, но потрясающей улыбкой. Улыбнулся, несмотря на горечь, что питала сейчас его живое сердце. Саркис был Демиургом, а Демиург был Саркисом. Совесть и созидание. Они и были Клейтоном, новым витком в человеческой расе, достижением Бога, следующей ступенью в развитии человека.

— Ты... Саркис... Половина моего естества. Не смей отрекаться от меня, слышишь? Лучше попробуй остановить меня, усмирить, в этом же твоя суть, да? Чёртов миротворец, — белые зубы вновь вышли на свет, как и натянутая аристократичная улыбка. Клейтон уже пришёл в себя, уже полностью разогнулся, с удовольствием хрустнув позвоночником. Его крылья элегантно зашевелились, а перья зашумели на поднявшемся ветру.

Огненный дракон расточился, полностью использовав свою обжигающую магию. Руки богатыря расчищали дорогу, работая как вёсла. Огненные сферы оставляли после себя только выжженную пустошь да целую просеку мёртвых демонических тел. Саркис замораживал их, швырял, беспощадно рвал на части своими огненными крепкими руками. Но и эдемскому магу доставалось от этих когтей, челюстей, от этих опасных ног. Разорванная куртка пропиталась кровью, новые шрамы украсили мужественное лицо эдемского мага, кровавая струйка стекала по уставшей руке, лохмотья, оставшиеся от штанов, прикрывали множественные укусы и изуродованные части ног. Саркис держался, хоть и старался экономить магию в этом белоснежном посохе. Магия больше не восполнялась в его теле. Как маг Саркис был убит Верховным архимагом, стоило последнему отдать должное.

Огненные руки падали на головы бешеных тварей и раздавливали их, ломали их, как недозревшие сливы. Уже было всё равно кто скрывался за маской очередного демона, кем в прошлом был очередной нападающий на него свирепый демон. Нужно было добраться до основного тела Клейтона, до его мозга, до его разума, до его основного воплощения. А твари из ада мешали, а значит должны были быть уничтожены, какой бы грустной и тяжёлой не казалась их жизнь, особенно после смерти в Нижнем мире. Всех демонов ожидала одинаковая участь, даже несмотря на их прошлые жизни. Они позволили убить Создателя, даже приняли в этом непосредственное участие, значит огненная рука над их головами оказалась там далеко не просто так. За любым преступлением неизменно следовало наказание. И не было исключений ни для кого, Саркис убивал без разбора, с азартом и усердием продвигаясь всё быстрее и быстрее к Клейтону, к тому человеку, встреча с которым была предрешена самой судьбой!

— Может отзовёшь своих шестёрок, мистер непобедимость? Крылья отрастил, получил возможность накапливать и преобразовывать магические потоки. Теперь сразись со мной, дай отпор, Клейтон, — Саркис запыхался. Он припал на одно колено ровно в тот миг, когда демоны послушно расступились в разные стороны, отойдя к окраинам улицы, к потрескавшимся, но всё ещё державшимся домам. Демоны скалились, лаяли, как голодные псы, и никто никогда бы в жизни не назвал бы их живыми людьми. Это были настоящие монстры, чудовища...

— Всё к твоим услугам, маг. Покажи мне свою силу, докажи что я не прав. Поставь всё на кон и рискни, господин пафосность, — захохотал Клейтон, шевеля крылышками да чувствуя магию на кончиках своих пальцев. Светлый, красивый, ангельский, златовласый Демиург и черноволосый, мужественный, закалённый в боях свирепый мужчина, похожий на слугу самого дьявола — они были готовы. Крылья зашумели, как листья на ветру, а бог двух стихий сорвался с места, под неусыпные взгляды демонов, полные истинной первобытной ненависти.

Воздух задрожал, задрожали и дома. Огненно-жёлтое свечение на миг погасило красное светило нового мира. Две половины Клейтона смотрели друг на друга. Белое и чёрное. Чёрное и белое. И только эмоции были на удивление очень похожими. Истинное наслаждение от боя с уверенностью в грядущей победе. В этом и был весь Клейтон, весь сверхчеловек, неудавшийся эксперимент, разделённый на две опасные половинки:

— Саркис, я не буду щадить тебя, брат.

— Демиург... Клейтон, я столько всего пережил ради того, чтобы взглянуть в твои синие бесстыжие глаза. Убедиться, что ты — редкостная тварь. Брат, друг... Мы оказались по разные стороны разлома. Я не отпущу тебя, змееподобный монстр.

Взрыв взмыл над столицей, словно последняя надежда Нижнего мира. Всё было поставлено на эту битву, два короля наконец столкнулись на гигантской шахматной доске. Разве могли короли поставить друг другу мат? А если и могли, то какой из королей сумеет перевернуть ход партии?

Нижний мир затих. Шумела только столица. Столица, в которой решалась судьба всего мироздания.

Две сферы пожирали друг друга, медленно, но верно растворяясь в этом воздухе. Переливающийся огненный шар и жёлтая булькающая энергетическая сфера, озаряющая это счастливое лицо и растрёпанные золотые волосы, сошлись в тяжёлом бою.

— Смотрите, они зависли в воздухе. Кто этот богатырь? — спрашивал дед, щурив глаза и придерживая улетающую на ветру шляпу.

— Не знаю, он был в столице ещё до конца света. Какой-то дурак, который бросил вызов самому Богу. Проиграет, не иначе, — ответил юнец, сложив руки вместе и следя за двумя силуэтами, смотрящими друг другу прямо в глаза.

Шары громоподобно взорвались в воздухе, оставив после себя лишь большое дымное облако. Саркис опустился на землю, тут же припав на колени и тяжело задышав:

— Ты можешь генерировать такое количество энергии? Что это за сила? Ты...

— Да, я теперь по силе как Бог, братишка. Видишь эти крылья? — расхохотался своим ангельским смехом златовласый красавец, пару раз пошевелив большими изящными крылышками. — Я над тобой, Саркис. Я лечу, как самая свободная птица в мире, ты понимаешь? Я столько об этом мечтал, желал освободиться, выйти из чужого подчинения и перестать наконец подчиняться этим тупым законам. Разве ты хочешь войны, друг? Брось, нас теперь ничего не удерживает. Мы теперь как птицы, неужели ты не чувствуешь? — Клейтон с удовольствием покружил в воздухе, из уголков его глаз потекли небольшие голубые слезинки. Он смеялся и плакал, как в тот самый чудесный эдемский день. И Саркис отчего-то увидел в нём всё того же дорогого друга, товарища, брата... Он же никак не изменился, был всё тем же Клейтоном, Демиургом, был второй частью его души...

— Это и есть цена за твою свободу, за эти крылья? Ты заплатил человечеством за исполнение собственной мечты, Клейтон. Тебе не кажется что ты превратился в чудовище?

Клейтон не слушал эдемского мага, белоснежным рукавом вытирая счастливое лицо:

— Да, цена была огромна. Но Бог платил жизнями миллионов людей, лишь бы быть выше, важнее и свободнее всех. Разве не так?

— Он был пленником собственной силы и способностей, Клейтон. И ты это знаешь. Ради своих детей он работал всю жизнь, положил на плаху свою голову. Он был как раб, о какой свободе и власти ты говоришь? Отец не такой как ты, шипящий змей. Не смей сравнивать себя с ним, слышишь?

Клейтон внезапно успокоился, с каменным лицом смотря на Саркиса сверху-вниз, размахивая великолепными крыльями, искрящими, как бенгальские огни в новогоднюю ночь.

— Да что ты знаешь об этом, слуга папаши? Твоя магия на исходе, совсем скоро ты погибнешь, бесполезно умрёшь в бою с самим собой. Прекрати философствовать и просто подумай над выбором. Выбор есть всегда, я — доказательство того, что нет ничего невозможного. Не лишай самого себя идеального места под этим тёплым солнцем. Мы сможем править вместе, создавать, вдыхать жизнь, мы исправим этот мир. Прекрати борьбу, мой воинственный братец. Ты знаешь как я не люблю кровь, особенно свою собственную.

— Не любишь кровь, кровопийца и дьявол? Ты преступник, лишивший жизни не только

мир, но и собственную родню. Ты пожертвовал даже семьёй и всё ради самого себя, Клейтон. Разве можно прощать такого выродка как ты? Они тоже хотели жить и они имели на это полное право. Люди тоже мечтали о свободе, о божественной силе, но они осознавали что творить то, что творил ты — это безнравственно и чудовищно, Клейтон.

— Слышь, старик, хватит мораль читать. Я не прошу меня отчитывать, ты моя мама? Тебе не понять, чего я добился и во что смогу превратить этот мир. Бесплезно говорить с тобой и об твоём любимом батьке, который убивал человека за человеком только из-за того, что они уходили с Эдема. Я зло для тебя несмотря ни на что, а значит ты просто сгинешь. Сдохнешь как собака, ничего не добившись и потеряв абсолютно всё.

Жёлтый булькающий луч вырвался из вытянутых нежных рук и столкнулся с огненным щитом, огромным и шумным, непреодолимым и по-настоящему спасающим Саркиса. Энергия ручейками потекла по нему, как вода по камням, стекая вниз, лужей собираясь на красной адской земле.

Напор не слабел. Концентрированная чистая энергия давила на щит, прогибала его, заставляя богатыря стиснуть зубы и постыдно закряхтеть от напряжения.

Щит держался, хоть и трещал. Энергетический луч медленно стал гладить магическую защиту, перенаправлять удар то в один угол, то в другой, пока щит не проломился, не погас, не оголил тело разочарованного и злого Саркиса. Луч вошёл в его тело, пронзил насквозь, а следом прилетели стрелы, заставившие эдемского мага подлететь, задрожать прямо в воздухе и рухнуть аккуратно у голодных демонических голов.

— Не трогайте этого горе-бойца. Ему немного осталось, дайте я преподам своей совести полезный урок, — расплылся в улыбке Клейтон и стремительно подлетел прямо к дымящемуся, но уже встающему на ноги Саркису. Посох мага треснул, вероятно от плотного луча, а может и от стрелы. Хотя рука Саркиса с силой сжимала артефакт, дрожа от напряжения и необъяснимой злобы. Наверняка посох треснул от его собственной крепкой руки.

— Как поживаешь, брат? Может хочешь напасть на меня хоть раз за бой? Показать свою силу, отстоять собственную правду. Хочешь же, да? — крылья закрутили Клейтона, превращая его в настоящий ураган, в божественный ураган, обрушившийся на Саркиса и подхвативший его куда-то вверх. Полёт сопровождался пронзительным, будто бы птичьим свистом. Стрелой два брата взлетели над всем городом, взлетели напрямиком к алому светилу и чёрному беспросветному небу. Клейтон отпустил Саркиса и широко взмахнул своим крылом, пройдясь по телу богатыря, окропив его тёмной кровью. Эдемский маг полетел вниз, хватаясь за живот и отчаянно дёргая в воздухе крепкими ногами.

— Хочешь больше? — Клейтон совершил крутой вираж, оказался с правого бока. С пальцев сорвались мелкие трещащие шарики, буквально горошинки, полетевшие на Саркиса и заставившие его тело задёргаться в воздухе. Богатырь закашлял густой кровью, а Клейтон круто повернул в другую сторону, вновь прицеливаясь и вновь выпуская мелкие горошинки, громко разряжающиеся о тело Саркиса. После этого Клейтон крутанулся и ударил с разворота тонкой, но быстрой ногой, спрятанной под складками божественного одеяния. Саркис, словно Дон, водный архимаг, изменил направление, летя, как груша для битвы. Клейтон устремился за ним на своих больших крыльях.

— Ты будешь биться? Или нравится чувствовать себя птицей, бороздящей небесные просторы? — глумился летящий за ним златовласый мятежник, вытянувший руки, на конце которых уже появились длинные, желтовато-мерцающие острые когти, полные новой свежей

маны. Клейтон снова раскрутился на своих широких крыльях и, как таран, понёсся на Саркиса, подцепляя его когтями, метая его направо и налево, по всему тёмному безоблачному небу, размашистыми движениями рана своего брата всё сильнее и сильнее. Саркис кричал, выл от боли, но надёжно укрывал посох с чудотворной магией, оберегал его, подставляясь под каждый удар магических когтей, вертясь в разные стороны, как юла, не замечая петлявшие за ним кровавые струи, чертившие в воздухе невероятные узоры.

Удар по скуле, удар по животу, вспарывающий хороший удар по груди и молниеносная, как стрела, атака тонкой ногой, воспламенённой чистой энергией. Эдемский маг менял траекторию своего полёта, он терпел каждый удар, каждую магическую пощёчину Клейтона, пока не рухнул вниз, прямо на каменную землю, не чувствуя своё тело и сохраняя надежду. Надежду на то, что его брат смог растратить львиную долю своих сил. Саркис кричал, смотрел на окровавленную ладонь, на грязное, избитое, израненное тело, пытался смотреть и на тёмное небо, по которому бороздила белоснежная яркая точка, так похожая на лёгкую снежинку, несущуюся на красивейших крыльях.

— Столько потратил, столько дрался, и ведь он всё ещё силён... Такое ощущение, будто мана его бесконечна, — раздосадовался богатырь, кулаком круша эту землю. Землю умирающего Нижнего мира.

— Так и будешь лежать, Саркис? Не надоело бороться с самим собой? Я протягиваю тебе руку, брат, почему ты отвергаешь её, не давая мне и шанса? Бога не вернуть, как не вернуть и других людей, отдавших свои жизни за исполнение Плана. Больше нечего терять, Саркис, важен результат. Результат, который я подарил не только себе, но и тебе...

— Молчи. Прости молчи, Клейтон... Ты человек, отринувший свои воспоминания, прошлое, ты пожертвовал друзьями, роднёй, миром... Твой путь — это путь Сатаны, путь подлеца и обычной крысы. Какого прощения ты хочешь?

— Не играй ты в миротворца. Грешил не только я, грешил каждый человек в этом мире. Тем более грешил Бог, ты же знаешь о том, что этот человек ответственен за весь кошмар, в который превратились жизни простых людей. Ты осуждаешь меня, но не осуждаешь собственного Отца. Это так то ты ищешь справедливости? Ты хочешь прикончить меня за мои грехи, но ты же не сможешь победить меня, черноволосый грубый уродец, — констатировал факт Клейтон, надувший щёки и неожиданно выпустивший кричащую энергетическую струю, рассёкшую воздух и упавшую аккуратно в кристально белую стену, в лёд, составленный из множества-множества маны. Лёд захрустел, но это было не столь важно. Саркис больше не мог ждать. Он использует последнюю магию и добьётся успеха, как добивался его всегда. И нескольких мнений на этот счёт быть не могло.

Эдемский маг выскочил из-под разваливающегося щита, прицелился и закрыл глаза, не в силах смотреть на три огненные сферы, вылетевшие напрямик с его грубых ладоней. Следующие буйные, весёлые шары устремились направо, тогда как на левую сторону неслась пламенная дуга, кричащая, как птица перед смертью. Клейтон взмахнул рукой, прочертил ловкими пальчиками большую желтовато-белую сетку, которая буквально с одного касания погасила всё неистовое пламя, в разных формах стремящееся уничтожить мятежника, преступника, предателя. Жёлтая сеть всё ещё таинственно моргала, когда тонкий слой льда сковал её, сковал крепко, чтобы бушующие огнешары прорвали её, дробя на мелкие замороженные части, и рухнули прямо в довольное лицо Клейтона. Часть огненных сфер умчалась куда-то в небо и только последний из них впился в руку златовласого мятежника, заставив того даже зажмуриться от боли.

— Как же ты нерационально тратишь магию, друг мой. Столько атак и всё для того, чтобы задеть меня? — улыбался Клейтон своей маниакальной безумной улыбкой. Его рука мерцала, покрытая защищающей энергией. Пламя скатывалась с неё куда-то вниз, плавя крыши домов, разъедая белокаменные столичные постройки.

— Молчи! Оставшейся магии как раз хватит для такого как ты, не сомневайся в этом, — сурово прорычал Саркис, впервые не знающий как победить вторую половину своего тела, этого уродца, этого бесчувственного эгоиста, который был готов оправдать абсолютно любое своё преступление.

— Да не горячись ты так. Раз уверен — действуй!

Ветер налетел на статную фигуру Саркиса. Несмотря на его разорванные одежды, слипшиеся, длинные, чёрные волосы с редкой сединой и усталым взглядом проигрывающего бойца, эдемский маг всё ещё выглядел сильным и достойным соперником. Эта осанка, этот вонзившийся в землю посох, эта высоко поднятая голова внушала страх и ужас в каждого человека, что наблюдал сейчас за яростным сражением. Саркис выглядел как пособник тёмных сил, как властелин мрака, как король ада. Но значила ли что-то его внешность, когда он защищал честь, защищал достоинство, защищал людей, мстил за смерть родных и уничтожение Нижнего мира? Он был на стороне света, тогда как новый Бог Клейтон, Демиург, изнутри был мрачен и беспощаден, как чёрная грозовая туча. Принц, красавец, выглядящий как король, Клейтон и был настоящим тёмным змеем, отравляющим всё сущее, все сердца. Людей он превращал в своих марионеток, давая им услышать сладостные, лживые речи настоящего дьявола, настоящего притворщика и предателя...

Эдемский маг закрыл глаза. Закрыл глаза и глубоко вдохнул, стискивая посох в своей грубой руке:

— Клейтон, ты прав. Я уверен в себе. Я отринул тебя, твои мысли, твои намерения. Ты заслуживаешь смерти, Демиург. Твоя двуличная гнилая сущность не должна больше существовать и я сделаю всё, чтобы избавить мир от такого паразита и змея. Несмотря на своё состояние, я смогу одолеть тебя. Весь мой путь был ради этого мига, подонок, я никогда не прощу тебя, тварь!

Посох засветился мягким светом, окружённый ореолом из мелких колких снежинок.

— Меньше слов — больше дела, богатырь. Докажи что ты прав, докажи мне что я ошибся с выбором жизненного пути. Давай, чего же ты ждёшь, мой сердечный друг?

Воздух наполнился снегом. Метель налетела на слившийся воедино мир. Сугробы вырастали рядом с домами, на дороге, снег засыпал недовольных горбатых демонов, лёд сковывал землю, схватывал её своими крепкими холодными руками, а Саркис побежал по ледяной дороге, побежал прямо наверх, побежал прямо к смеющемуся Клейтону. Дорога меняла направление, эдемский маг нёсся по ней, сливаясь с воздухом, становясь почти невидимым. Лёд шёл кругами, диковинными зигзагами, шёл прямо вверх, по холодному воздуху. Пространство наполнилось им, наполнилось этой петляющей дорогой, смотрящей прямо в сердце златовласого мятежника. Кокон из снежинок, из снежной пурги накрыл Клейтона, закрыл от него мир, и холод коснулся его нежного, белого, правильного лица. Саркис скрылся в этой метели, потерялся где-то в этом прочном коконе, продолжая бежать по холодной, прозрачной дороге из чистого первородного льда.

— Как же это всё-таки весело. Столько усилий только, чтобы добраться до меня и попробовать хоть коснуться меня своей магией? Ты всегда был глупцом. Пойми, ты живёшь не своей жизнью. Твоя жизнь — это жизнь со мной. Тебя используют как простое орудие

против меня и единственная твоя участь в конце этого рабского пути — твоя смерть, мой любимый эдемский брат.

Пурга увеличивалась, она застилала взор Клейтону, скрывала молниеносно несущегося вокруг него Саркиса. Позади Демиурга метель расступилась, опала, растаяла от несущегося гигантского огнешара, попавшего прямо в цель, прямо в вытянутую по струнке спину Клейтона. Жар окатил златовласого принца, заставил распахнуть глаза от боли и повернуться в сторону Саркиса, которого уже и след простыл.

— У тебя получилось, а дальше то что? Не противься самому себе, я — это ты, маг. Твоя жизнь — это моя жизнь. Просто прими меня, прими и порадуйся моим успехам, — крикнул сквозь шумную метель Клейтон, стряхивая с себя это жидкое пламя.

— Не тебе решать кто я. Я сам волен выбирать свою жизнь. Твоя протянутая рука сгорит в моём огне и замёрзнет в моей метели и льду, бывший лучший друг.

Холодные гигантские лапы прорвали кокон и схватили красавца, схватили крепко, сковывая магию Клейтона, не позволяя использовать энергетическую мерцающую броню.

Принц задёргался, впервые запаниковал, а тонкий слой льда уже покрывал его мягкое женственное тело, добираясь своими цепкими лапами до щёк, сковывая руки и ноги. Множество кривых ледяных рук всё ещё держали мятежника в тот момент, когда метель расступилась, превратилась в холодную воду, падающую куда-то вниз, словно водопад. Огромный огненный зверь, монстр, ящер летел прямо к нему, к Клейтону, панически дёргающемуся, пытающемуся вырваться из крепких ледяных лап. Зверь оказался прямо перед лицом злящегося предателя, лоб которого уже покрылся испариной. Пышущая жаром лапа рухнула вперёд, хватая Клейтона, разрушая ледяные лапы, громадные осколки которых шумно посыпались на несчастную разрушенную столицу.

— Не хватит магии? Не смогу победить? Не считай себя сильнейшим, не считай себя равным Богу! — громадный ящер пулей полетел вниз, одной рукой сжигая своего вопящего врага, а другой смачно ударяя по каждой части его тела. Они приземлились в столице и огонь наполнил широкие улицы, снёс ближайшие дома, поглотил людей и демонов.

Клейтон лежал под монстром, подпалённый, уставший, на минуту даже отчаявшийся и удивлённый.

Огненное чудовище, высотой в три столичных дома, широко улыбнулось своим огненным ртом и подбросило Клейтона ввысь. Жёлтая броня, начинавшая сковывать его тело, не сумела накрыть его полностью и огненная струя окатила мятежника, как вода из крана. Белоснежные крылья занялись весёлым пламенем, одежда закоптилась, а пламенный монстр подпрыгнул, ногами придавливая своего брата, заставляя его харкать густой кровью.

— Ну что, и какие у меня шансы на успех? — рычало чудовище, хватая Клейтона за ноги и с размаху кидая его прямо в дома, которые, как домино, сыпались от златовласого ядра, насквозь пронзающего их. Броня покрыла ноги, часть рук, но на большее Клейтон был сейчас не способен. Его тело прекратило полёт, пронзив последний дом и рухнув прямо у его обломков, над которыми поднималась серая пыль, уходящая прямо к небесам.

Обломки порядка двадцати домов гремели и гремели, а пыль всё поднималась ввысь и поднималась. Поднималась, скрывая этого безумного монстра.

— Чёрт... Я проиграю? Быть такого не может, это просто смех... Почему он так силён? Я уже у финиша, я уже стал Богом, но отчего мои крылья, ставшие чёрными углями, сейчас так сильно дымятся? Откуда у него столько магии? Неужто он... смог побороть старение своих магических жил?... Нет-нет-нет, я не могу проиграть какому-то жалкому рабу... Он

никак не мог обмануть природу, обмануть тело, обмануть этот закон...

Саркис пролетел сквозь пыль, пылая яростным огнём. Чудовища больше не было, было только тело эдемского мага, сейчас улыбающееся устроенной им зрелищной битвы. Дым пугливо расступался перед его огненным кулаком, который попал аккурат в живот Клейтона, заставив потрёпанного мятежника снова харкнуть кровью и глухо застонать. Следующий удар пришёлся по подставленной руке Клейтона. Пламя потекло вниз, встретив сопротивление жёлтой моргающей брони.

— Ты проиграл, Клейтон. Чувствуешь запах моей победы? — хохотал довольный Саркис, под оценивающим взглядом Демиурга.

— Брат, ты серьёзно пытаешься меня обмануть? Из тебя очень фиговый артист, поверь. У тебя почти не осталось магии, не блефуй!

Эдемский маг истерично засмеялся, смеялся даже его живот, спрятанный в разорванной куртке. Он смеялся и продолжал наносить удары. Слабые, почти лишённые задорного огня. Посох рядом с ним иссякал, но Саркис не верил в это, отчаянно продолжая наносить удары, не веря в своё грядущее поражение.

— Ты проиграешь, скотина. Ты будешь просить прощение у нашего Отца. Я не оставляю тебя в живых, не оставляю! Никогда, слышишь?!

Клейтон перехватил гаснущую руку эдемского мага, перехватил и отбросил истерически смеявшегося брата, который тяжело выдохнул и зашатался на уставших ногах.

— О какой победе ты говоришь, если ты погиб как маг? — слабо улыбнулся Клейтон, уставший и повреждённый после атак своего бывшего друга.

Его одежда почернела, кончики волос выгорели, а крылья поникли и дымились. Клубы дыма валили за спинами двух братьев, огонь и лёд плясали на улицах уничтоженной столицы, где когда-то царил радость, смех, где когда-то ходили люди, не подозревающие, что их прекрасным жизням и чудесным белокаменным домам скоро настанет ужасающая смерть.

Клейтон натянул улыбку на своё лицо, поднял руку, облачённую в мерцающую броню и над двумя врагами, над двумя бывшими друзьями собрались чудовищные, плотные тучи, сливающиеся с тёмным, ночным небом. Алое солнце окрашивало златовласого мятежника в свой красноватый свет, а его зубы казались покрытыми стекающей с них кровью. Хотя, наверное, это и вправду была его кровь?

Гром огласил приговор Нижнему миру и закатившему глаза Саркису, шатнувшемуся и взявшему в свою руку треснутый посох, фиолетовый камень на котором почти не подавал признаков жизни. Гром гремел, земля тряслась, наступало время ливня, похуже кислотного дождя. Жёлтые магические капли обильно закапали с неба, тут же касаясь тела Саркиса, вяло посмотревшего на небо и зажмурившегося от множественной боли в своём уставшем теле. Камень на посохе заморгал, но на этот раз уже предсмертно. Метель закружилась вокруг чёрного богатыря, превращая дождь в снег, особо большие и быстрые капли — в холодные сосульки, тут же разбивающиеся у ног Саркиса.

— Ты ещё на что-то способен? По сравнению с прошлой, эта не похожа даже на настоящую метель, не то что на свирепую пургу. Маг, ты чувствуешь как смерть крадёт к тебе? — он вновь говорил бодро, тем же голосом, за которым шло множество людей Нижнего мира. Будто и не был Клейтон серьёзно ранен во время боя, будто и не проигрывал только что каждой атаке эдемского мага.

— Ты хочешь убить меня, да? Несмотря на нашу дружбу, нашу связь, несмотря на то, как

мы были счастливы в том райском саду? Откуда столько жестокости? Ты готов уничтожить всех и вся ради собственных туманных целей, ты даже мной готов пожертвовать. Почему так, Клейтон? Зачем ты сделал меня врагом? Я любил тебя, искренне любил и восхищался. Вероятно, ты ещё более бесчувственен чем я! Ты бесчеловечен, эгоистичен, ты ужасен. В тебе собралось всё самое мерзкое, что только можно придумать... Ты разочаровал меня, друг, брат, соратник, отринувший всё своё прошлое, все свои воспоминания. Ты чудовище!

Клейтон молчал и казалось, будто он поменялся в лице. Хотя скорее тень от гигантских туч надёжно спрятала его лицо.

Жёлтый бесконечный дождь всё лил и лил, метель всё стихала и стихала, продолжая тяжёлую работу по заморозке магической атаки. Сосульки сыпались с неба целым неостановимым градом, снежинки ковром застилали красную адскую землю. Потом в один миг метель уменьшилась, тут же прекращаясь полностью, и тяжёлые убийственный капли вновь коснулись зажмурившегося эдемского мага. Посох громко треснул и окончательно разъехался в разные стороны. Магический камень, полностью отдав свою ману, гордо упал вниз, упал в холодные ледяные обломки, звеня и разбиваясь на бесполезные мелкие осколки.

Наступила тишина. Даже тучи рассосались в небе, разошлись и растворились в воздухе. Осталась только тишина, больше похожая на минуту молчания, чем на затишье в сражении.

— Присоединишься ко мне? Саркис, наши пути едины. Мы один человек, мы Клейтон, мы одни такие в этом мире. И творить новое мироздание должны особые люди, выдающиеся, способные изменить порядок, создать что-то абсолютно новое и прекрасное. В этом и смысл, маг, я не понимаю почему ты отвергаешь собственную судьбу, — в голосе Клейтона и вправду чувствовались нотки непонимания и даже горечи. Братья не могли быть безразличными друг к другу, как не скрывай свои истинные эмоции и мысли под довольной маской циничного, эгоистичного изверга, каким пытался казаться Демиург.

— А я не понимаю тебя. Не понимаю, как можно было жертвовать всеми родными, близкими, своими воспоминаниями, своим прошлым, жертвовать непричастными людьми... Я не могу принять тебя как жестокого убийцу и преступника, не таким ты был в райском саду. Этому тебя научило человечество, да? Использовать, обманывать и убивать? Ты как дикий зверь, Клейтон, а твоя рука — это рука животного, хищника, лишённого чести, достоинства, чувств и совести. Ведь совесть в лице меня ты потерял ещё давно, во времена бессмысленного мятежа, бесцельного бунта.

— Всё. Мне надоели твои слова. Ты повторяешься и несёшь одни только глупости, Саркис. Впрочем как обычно, ты всегда несёшь одну только ересь, — обманывал самого себя златовласый красавец, махая головой и перекрикивая разбушевавшегося Саркиса. Саркиса, который лишился своей последней магии и сейчас беспомощно стоял перед своим врагом, перед своим лучшим другом и частичкой самого себя, перед своей личностью и разумом, без которых совесть была попросту не нужна. Совесть, существующая только чтобы вовремя подвесить человека вверх ногами и устроить настоящую взбучку, устроить с человеком настоящую битву, от которой совесть без ума, ведь она живёт от одной тяжёлой битвы к другой. Саркис и вправду не мог без Демиурга, а Демиург без него вполне себе мог оставаться Клейтоном, оставаться самим собой, ведь бессовестные чудовища тоже являлись людьми...

Броня полностью покрыла тело Клейтона. Он смотрел безразлично, но твёрдо и уверенно, как смотрел на мир всегда.

— Сейчас я тебе покажу, Саркис, что такое безграничная мана. Наслаждайся и завидуй, братик, — мятежник и предатель вновь натянул свою улыбку, взмахнул тонкими белоснежными руками и его фигура раздвоилась, потом от второй фигуры отделилась ещё одна. Демиурги выстраивались в один сплошной ряд и каждый из них был полон тёплой, густой маны.

Клейтонов был десяток, может чуть больше, и все они хохотали, как до битвы, как до решающего сражения. Хохотали, ибо на поддержание клонов нужно было просто громадное количество магии. А если каждому из них позволить двигаться, идти в атаку — на такое количество заклинаний магии бы не хватило ни у одного магического артефакта в мире. Те же лица, те же улыбка и мимика, те же почерневшие гордые крылья, делающие настоящего преступника ангелом — клоны были сделаны с филигранной точностью.

— Впечатлён, не правда ли? — каждый клон двигался по-своему, они были живые, могли сами принимать решения, сражаться, размышлять. — Ты отвергаешь меня? Не дашь мне и шанса доказать свою правоту?

Эдемский маг стиснул зубы, сжал кулаки, плюнул себе под ноги и медленно, пошатываясь, без какого-либо ответа пошёл вперёд, пошёл на Клейтона. Его не пугала смерть, не пугала боль и чужая сила, Саркис всегда шёл до самого конца. И будь что будет, таково было нерушимое правило богатыря...

Клоны вытянули руки, как по команде. Целая небольшая армия златовласых магов, полностью облачённых в свой золотой доспех, была готова ударить в любой момент. И даже демоны притихли, начиная разбредаться по столице и искать свою следующую жертву. Это была не их война, здесь им делать было нечего, и они уходили, повернувшись спинами к Саркису и множеству довольных мятежников, тяжело вдохнувших и принявших нелёгкое решение.

— Прости меня, — печально начал говорить Клейтон. — Я так хотел, чтобы ты пошёл со мной. Но увы ты непоколебим и именно в этом твоя сила. Ты не хочешь посмотреть правде в глаза, ты не хочешь узреть во мне нового Бога, Отца нового мироздания. Ты застрял в прошлом, ты живёшь в прошлом, ты часть того невинного райского сада. Я понимаю тебя и признаю твою силу, брат... Прощай, мой необычный друг... Друг, с которым я любил общаться в той высокой, красивой эдемской беседке. Друг, что пытался исправить меня, искренне пытался сделать мне лучше, сделать добро для старого мира... Несмотря на наши разногласия, я правда люблю тебя, Саркис... — губы Клейтона дрожали, лицо исказилось печалью и скорбью. Он помнил Эдем и не мог больше смотреть на лицо настоящего брата, друга и соратника.

Десяток лучей вырвались из ладоней клонов, вырвался луч и из подставленных рук настоящего Клейтона, Демиурга, златовласого красавца, горестно смотрящего в землю, не в силах видеть муки своей совести, своего Саркиса.

Лучи собрались в одной точке и превратились в жирный золотой магический столб, с головой поглотивший бывшего друга и нынешнего врага. Саркис пропал в нём, исчез, полностью слился с этим золотым свечением, что обжигало эдемского мага и предвещало

его скорую гибель.

«Две стихии, две мощные природные силы... Дайте мне успокоение от этой боли, не подведите меня» — Саркису было адски больно. Он сразу вспомнил несчастного Вальтера и прикусил губу от досады. Эту боль испытывал и этот уродливый маг.

Всё тело будто бы рвалось на куски. Магия сжигала его, постепенно растворяя, и хотелось поскорее куда-нибудь деться, исчезнуть, хоть на миг забыть об этой страшной боли, которую приносил этот золотой, толстый энергетический луч, с головой окунувший эдемского мага в настоящие страдания. Тело чесалось и выло, ноги почти перестали ходить, застыв на одном месте. Саркис больше не мог находиться в этом золотом водопаде, у него заканчивался кислород, его лицо сжигалось неистовой энергией Клейтона. Тогда то маг и пропал. Исчез из мира на какое-то небольшое время, но и этого ему хватило для того, чтобы выдохнуть и раскаяться за всех им убиенных перед своим погибшим Отцом. И за разорванного его крепкими руками Вальтера в том числе.

— Я не чувствую брата, неужели он уже погиб? — не верил Демиург, по щеке которого скатилась большая слеза. Мятежник отчаянно и в спешке погасил энергетический столб, чтобы увидеть на месте Саркиса лишь чёрную, горящую ярким пламенем землю. Богатыря больше не было, всё закончилось, всё было позади...

Клоны с шумом лопнули, оставив после себя лишь весёлые золотые искорки. Столица успокоилась отныне и во веки веков.

— Боже, почему ты был таким упёртым? Мы могли быть вместе и строить новый мир. Ты был бы моим самым главным помощником, моей правой рукой. Мы бы стали Богами, дарили бы людям счастья, давали бы им кров, еду, помогали бы по хозяйству, любили бы их, как своих детей... Зачем? Зачем ты мне подарил такую боль, Саркис? Отринул руку родного человека, как самый настоящий предатель. Не я, а ты предатель, братишка... Ненавижу тебя за эту боль, за эти воспоминания, за нашу с тобой связь... Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Клейтон рухнул на колени и со злобой бил землю своими кулаками. Он не мог унять свою злобу, свои слёзы, все свои внезапно нахлынувшие чувства. И как бы он не вёл себя ещё совсем недавно, Клейтон был ранен. Тяжело ранен в самое сердце. На миг он снова стал тем беззаботным ребёнком, каким он был в Эдеме...

Саркис снова взломал время, снова летел вперёд, сквозь все минуты и часы. Он рассекал межмировое многоцветное пространство, вновь чувствовал свободу и свою непобедимость. Две стихии даровали власть над самим временем и Саркису снова удалось обмануть правила и законы мироздания, хоть за это и приходилось платить большую цену. Чёрные, роскошные, развевающиеся во все стороны волосы стремительно белели, седели, а морщины сделали из него старого-старого деда, древнего как век. Зато его тело перестало болеть и выть от нестерпимой магической боли. Если б ничего не получилось, если две стихии не помогли бы эдемскому магу, не откликнулись бы на его предсмертный зов, Клейтон с лёгкостью бы вышел из сражения неоспоримым победителем. Но битва продолжалась, Саркис не собирался оставлять в живых этого гнусного жестокого предателя. И не важно что магии больше не было в его теле, всё равно на стремительно стареющее тело, поседевшие волосы и захрустевшие суставы, предвещающие скорый артрит — эдемский маг знал, что уже победил. Зло не может властвовать над этим миром, не может творить и приносить добро. В этом то и была истина. Та истина, с которой он неизменно шёл вперёд, шёл к своему второму телу.

Конец туннеля уже виднелся белой, постоянно приближающейся точкой. Краски потихоньку гасли и оставалась только тьма, в которую Саркис готов был ввергнуть Клейтона.

— Создатель, я сделаю всё ради победы. Благослови меня, наш единственный Отец и Бог, наш любимый, добрый и справедливый Творец.

Клейтон смотрел на Нижний мир и приготовил свои нежные руки к его уничтожению. Чтобы создать новое, нужно было уничтожить старое. Так считал златовласый красавец. Сейчас он слабо улыбался, боль от утраты медленно стиралась, как карандашный след ластиком, и оставалась только работа. Работа по созданию нового порядка, о которой он мечтал столько лет. Скорее это была не главная мечта его жизни, а добавка за все его старания, за весь его долгий путь. В первую очередь, конечно, ему нужна была магия для собственного существования, именно из-за неё он пропал из мира, сделавшись книгой, создал План, активировал пентаграмму и умертвил Отца.

Луч пронзил межмировое красочное пространство и устремился вниз, прямо к ядру старого мира, прямо в сердца тех людей, что не успели погибнуть от рук голодных, страдающих демонов.

Луч нёсся, а Клейтон улыбался всё шире, вновь обнажая красивые зубы, сверкающие и идеальные, как и всё его тело. Крылья хлопали, а руки работали, подпитывая и подпитывая своё убийственное заклинание.

Энергетический сгусток достиг столицы, пронзил её, как нож пронзает масло, и пошёл ещё глубже, с небольшим скрипом, но продвигаясь в глубину Нижнего мира, к его бьющемуся сердцу, сейчас застучавшему ещё сильнее и отчаяннее. Застучавшему в последний раз.

Сгусток энергии разрубал почву, проходил её насквозь, летел вперёд, уничтожая землю Нижнего мира, отравляя её магическим ядом. Сейчас этот луч был похож на слова Демиурга, что отравляли сердца и разум людей, указывали неверный, гибельный, предательский путь. Почва, размягчаясь для магического сгустка, позволяла энергии просачиваться внутрь ещё глубже, ещё быстрее, пока поток магии не достиг сердца, ядра этого мира, что вдруг понадеялось на спасение в лице бушевавшей неистовой энергии.

Поток прошёл сердце насквозь, наполнил его магией, разорвал на части и Нижний мир раскололся на куски, разошёлся по швам, окончательно погибнув и сгинув в пучине межмирового пространства. Громкий взрыв прогремел по всему простору, ветер подхватил золотые волосы Клейтона, ударил в его радостное лицо, зашевелил почерневшие, но по-прежнему роскошные ангельские крылья.

Звёзды содрогнулись, как и вся Вселенная. Куски Нижнего мира разлетелись в разные стороны, дробясь и делясь, превращаясь в мелкие обломки бывшего громадного камня. Камня, который своими заботливыми руками слепил сам Бог, Создатель, Отец всего сущего.

Грохот не прекращался ещё долгое время, облетая все окрестности, доносясь до каждой далёкой звезды. Луч рассеялся, совершив свою грязную работу, совершив величайшее преступление, убив множество невинных людей, уничтожив города, сёла, уничтожив целый живой мир.

— Пути назад нет. Я всё сделал правильно. Я исправлю ошибки Бога, я сотворю новый чудесный мир, оживлю его, дам новый закон этой Вселенной... Всё было сделано во благо, я не сомневаюсь в этом. После страданий и смерти неизменно наступает новая жизнь. Я верю

в эту правду. Прощай, пропащий, жестокий и сложный Нижний мир, убивший и измучивший столько людей. Да здравствует новая эра! — улыбка украсила его красивое женственное лицо и не было сейчас в этом пространстве ни одного живого человека, кроме этого мятежного чудовища.

Саркис окунулся в ослепляющую громадную точку и попал в межмировое пространство, весь седой и уставший, но всё ещё живой и готовый биться. Эдемский маг видел мелкие обломки, чувствовал смерть того, что обязался защищать любой ценой. Но сделанного не воротишь, следовало остановить уничтожителя, мнившего себя божественным Создателем.

— Брат... Ты жив? Но как? Я не хотел твоей смерти, богатырь. Я не хотел лишать тебя жизни... Как же хорошо что ты выжил, — облегчённо выдохнул Демиург, чуть вновь не уронив неестественные ему слёзы. Лицо Клейтона размягчилось и он протянул свою руку. Правую женственную руку, которой он уничтожил сейчас весь Нижний мир.

Саркис поднял глаза на своего брата, на родного человека, начиная путь к нему, к его руке. Суставы бывшего эдемского мага хрустели, кожа сморщилась и состарилась, а волосы были белее одеяний златовласого Демиурга.

— Ты так поседел... Похож на мудрого старого Бога. Ты таким и будешь, братик. Мудрым, сильным, созидательным и справедливым. Этот грозный взгляд, это воинственное лицо — ты частичка моей души, Саркис. Ты не изгой, ты родитель нового мира, — Клейтон осматривал богатыря и восхищался им, как всегда восхищался в Эдеме. Саркис был особенным, он выделялся на фоне остальных безликих Детей Бога. Он был другим, он был частью самого амбициозного мятежника на свете.

Его старая, ссохшаяся рука поднялась и поплыла в сторону руки Клейтона. Мятежник посмотрел в глаза Саркиса и узрел в нём родное лицо, смог рассмотреть сквозь морщины эти полюбившиеся им черты. Этот нос, эти глаза, этот подбородок — Клейтон восхищался братом, восхищался своей совестью, которую отвергал, но без которой не видел своего существования.

Их ладони сплелись и Клейтон почувствовал тепло. Тепло эдемского друга, соратника и того человека, с которым он часами общался на самые разные темы под этим громадным божественным Древом. Древом, которое и искусило Клейтона, наставив на предательский путь. Древом, что подарило его совести, его любимому Саркису силу и настоящую власть. Власть над самим временем.

— Никакой ты не Бог, Клейтон. Не питай меня ядом, который погубил и Эдем, и Нижний мир, и нашего дорогого Отца. Пришло время платить, предатель. Платить по счетам. Платить за всё.

Саркис обнял брата, обнял крепко-крепко, и они сорвались с места навстречу бесконечности и своему бесславному концу. Они исчезли, преодолевая пространство, удаляясь всё дальше и дальше, к самому своему началу, к моменту их сотворения.

— Что ты делаешь, мой друг? Отпусти меня, тварь. Дай освободить руки, прекрати всё это... Нет, я же столько обещал тебе, такую светлую жизнь. Почему ты меня предал? Тварь, змея, подонок, отпусти меня, Саркис!

Богатырь улыбнулся, сам удивляясь силе своих старых морщинистых рук:

— Ты только обещаешь, Сатана. А что даёшь? Создатель, не создавший ничего в своей жизни, достоин только забвения. Ты никогда не получишь в свои руки этот мир. Слышишь? Никогда. Тебе не одолеть самого себя, свою совесть, что борется против твоей внутренней

тмы, против змея, который сидит в твоём сердце.

— Ты ничего не понимаешь? Я старался ради нас, предатель! Отпусти меня, я испепелю тебя, уничтожу... Почему ты так силён? Откуда эта сила?

Саркис посмотрел в глаза Клейтона, что наполнились большими слезами:

— Это правда, которую ты скрывал от себя, Демиург. Ты чудовище, ты отступник, ты эгоист, ты жадный человек. Потому то ты и умираешь, Клейтон.

— О нет, нет, нет... Я был так близок... Тварь, убери свои руки. Я уничтожу тебя магией, я остановлю это всё... Жалкий поседевший старик, ты ещё не победил. Не думай, что со мной сработает этот трюк! Только не со мной! Я особенный, я единственный, я самый лучший, умный и сильный! Не касайся меня своими ручонками, рабская подневольная тварь!

— Самолюбие, глупость, воровство и алчность — в этом весь ты, старый златовласый лгун.

Крылья распались на куски и белые искорки вылетели наружу. Божественная сила оказалась на воле, лишая Клейтона его последних сил и надежд. Ворованное возвращалось к истинному Создателю, покидая жалкого убийцу, лгуна и уничтожителя.

Бог видел смерть Нижнего мира. Наблюдал за своим ребёнком, за Клейтоном, которого он удачно разделил на двух людей. Эксперимент полностью удался и Бог, потрогав свою пышную синюю бороду, по-доброму улыбнулся, провожая своего ребёнка благодарным, довольным взглядом. Он был воистину гигантом. Ветер гладил его мудрое лицо, синие длинные волосы танцевали задорный танец, подола одежд трепетали от этой ударной волны, от последнего бушующего воздуха, который отобрали у последних жителей Нижнего мира.

Белые искорки, бывшие крылья Демиурга собрались в одну большую сферу и поместились в гигантской уверенной руке настоящего Создателя. Бог сидел, словно смотря так долго ожидаемое кино. Мир умер, чтобы возродиться в ещё лучшем виде, чтобы стать более справедливым, добрым, светлым для всех будущих людей.

— Клейтон, ты думал что я действительно спущусь к тебе, зная, что меня ожидает смерть? Если б я не продумал всю эту партию заранее, не продумал бы уничтожение тобой всего мироздания, я бы пришёл к тебе, дабы остановить твои преступления. Но, к несчастью для тебя, ты был создан далеко не просто так, моё самое лучшее оружие, мой четвёртый всадник апокалипсиса, — голос Отца гремел, эхом прокатываясь по всей межреальности. — Ты был поделён на личность и совесть только для того, чтобы умереть от рук последней, от рук Саркиса. Мне нужен был мятежник такой как ты, мой любимый сын, моё оружие. Ты указал мне на ошибки, ты показал устарелость моего закона и я за это благодарю тебя. Творец, порою, не может увидеть даже самые очевидные ошибки в собственном творении. Но не только в этом была суть твоего существования, Клейтон. Твоей обязанностью было уничтожение Нижнего мира и я счастлив, что сделал ставку на вас двоих. Саркис, Демиург, будущее человечество обязано вам по гроб. Вы даровали ему справедливый закон, добрый мир, вы Создатели, самые главные Творцы того, что я собираюсь построить после кончины старого мира. Вы об этом обо всём не узнаете и это будет правильно, правда часто сильно разочаровывает. Верно, Демиург, любитель лживых речей? Эдемское Древо сделало тебя таким, каким ты был. И я благодарен, искренне благодарен тебе за весь труд, за всю проделанную работу. Прощайте и покойтесь с миром, мои любимые Дети.

Бог поднялся со своего громадного сверкающего стула и гордо вознёсся над Вселенной.

Людей больше не было, был только Создатель, его сила, его мысль, его желание творить совершенно новое, более честное и щадящее мироздание:

— Они будут рождаться в своём новом Нижнем мире. Они будут работать над собой, выбирать свой жизненный путь — ад или рай? У каждого будет выбор, вариант, у каждого будут возможности. Всё будет в руках самих людей, больше не будет той чудовищной несправедливости, которую я смог допустить, больше не будет тех страданий. Каждый получит по заслугам, по делам, по поступкам и именно так будет построен новый мир. Я сделаю всё, чтобы история никогда не повторилась. Новое мироздание будет моим раскаянием и сожалением за всё содеянное в прошлом. Я не подведу людей, клянусь, больше никогда не будет тех жутких страданий. На этот раз я создам совершенно другую реальность, в которой всё целиком и полностью будут решать только его люди, мои Дети, частички моей души!

Бог смотрел на звёзды, наблюдал за тем местом, где раньше был живой, дивный, но жестокий и беспощадный мир. Совсем скоро там будет жизнь. Новая, светлая, честная. Бог улыбнулся, снова почёсывая величественную бороду. Затем он хрустнул громадными пальцами и коротко зевнул:

— Ну что ж, меня ждёт долгая тяжёлая работа. Настало время творить.

Они летели и летели, разрывая пространство, ломая само время. Они неслись в окружении мириадов ярких цветов, сквозь эпохи, сквозь миллионы лет. Но в этот раз Саркис был не один, а с Демиургом, и летели они не в будущее, а в прошлое, которое так мечтал позабыть златовласый мятежник. Они возвращались в день своего сотворения, чтобы стать частью истории и прекратить своё существование, приведшее к необратимым чудовищным последствиям.

В ушах у них свистел задорный ветер, тела их начинали словно бы испаряться, потихоньку расслаиваться, разъединяться. Они гасли, как свечи. Гасли, как звёзды. Умирали, как самые настоящие живые люди. Ведь Клейтон и был простым человеком, что не мог больше смотреть на это праздничное мельтешение вокруг себя, вокруг своих обоих тел, устал наблюдать этот салют, который словно бы радовался их приближающейся смерти.

Демиург дёргался. Дёргался отчаянно, сильно, бился, как пойманная рыба в ведре. Нехватка богатыря была сильна, несмотря на седину и старость тела, которое молодело с каждой секундой. Они становились такими юными, такими прекрасными. Даже Демиург, даже Клейтон стал ещё красивее себя прежнего. Его крылья пропали, одежда засверкала, как будто надетая им в первый день, волосы засияли этим золотым насыщенным цветом. Цветом королей, цветом процветания и богатства.

Саркис снова стал самим собой. Его волосы почернели, став тёмными-тёмными, как ночное небо, одежда была такой же, как в прекрасные времена жизни в божественном Эдемском саду. Будто и не прошёл он долгий тернистый путь, будто и не было никаких сражений, бита и войн. И Саркис улыбался, смотря на многоцветное пространство, на этот диковинный свет, на эти разноцветные полосы, предвещающие скорую победу добра и созидания над злом и разрушением.

— Чёрт... Нет, ты же тоже умрёшь. Просто остановись брат, я остался без своей силы, я лишён магии, Саркис... Я так хочу жить, но и ты — ты тоже хочешь, я знаю... Ну не убивай меня, я же хотел тебя оставить в живых. Почему ты не можешь пощадить меня?

— А ты, Демиург? Ты пощадил людей Нижнего мира? Посмотри как быстро ты пал, лже-творец. Лишившись ворованного, ты оказался абсолютно бессилён, даже против моих старческих морщинистых рук. И ты недостоин ничего, кроме смерти. За уничтожение жизней, за разрушение мира, за убийство Бога ты не можешь рассчитывать ни на что другое. Я не позволю тебе уйти безнаказанным, старый ползучий змей!

Златовласый чувствовал, как его органы растворяются, как его тело покрылось огромными дырками. Клейтон неистово закричал, заверещал, снова забил ногами и почти высвободился из лап своей совести, всё быстрее и быстрее погружающей мятежника в пучины ада.

Дырки покрывали руки, ноги, даже довольное лицо Саркиса, который чувствовал истинное наслаждение от проделанной работы:

— Я избавлю этот мир от такого чудовища как ты. Я убью тебя и плевать, что моя жизнь оборвётся вместе с кончиной твоей гнилой душонки. Я готов умереть вместе с тобой, ведь даже совесть не смогла заставить тебя признать собственные ошибки и подлость твоего мерзкого пути. Я умру вместе с тобой, мой любимый братик. Несмотря на все свои слова, я не могу не любить тебя. Ты моя частичка, моя часть, ты — моё всё, Демиург. Пусть мир

останется без Клейтона, пусть мир очистится от настоящего дьявола, каким являемся мы с тобой. Мы убийцы, разрушители, подонки. Мы величайшие преступники и предатели, отринувшие всё самое светлое в мире, — Саркис не горевал, не плакал, он наслаждался нахождением рядом с частичкой своей души, какой бы уродливой и чудовищной она не была. Улыбка озаряла его лицо, покуда и её не коснулся очередной белый круг. Их тела таяли, как мороженое на деревянной палочке, и Саркис вздохнул, вздохнул с истинным чувством большой победы. Победы над самим собой! — Клейтон, это наш конец. Прошу, улыбнись на прощание. Подари этой Вселенной хоть что-то перед своей смертью.

Демиург верещал, он не слушал Саркиса. Он, как бабочка, попавшая в сачок, бился и бился, но дыры съедали его, растворяли, уничтожали, словно не Клейтон только что провозглашал себя новым Создателем Вселенной.

— Нет, нет, прошу, я не хочу умирать. Тварь, гадина, ирод, я прошу — не касайся меня своими противными руками. Мне незачем раскаиваться, я ничего такого не совершал! Да, я думал о себе, но думал и о будущем человечества. Я всё сделал как надо. Отпусти меня, чёрная дрянь! Жалкий раб, солдат, пешка в руках других крупных игроков! Прекрати меня нести к смерти, я ни в чём не виноват. А ты... Ты тоже убивал людей, да и люди множество раз убивали себе подобных, почему же погибать должен я? Почему я один, по-твоему, такое чудовище? Как же остальные мерзкие преступники? Скажи же мне, Саркис!

— Глупышка, ты как обычно в своём репертуаре. Наша остановка следующая, скажи «чиз». Просто улыбнись. Улыбнись, мой славный братец, — засмеялся бывший эдемский маг. Засмеялся колокольчиковым смехом, которым обычно смеялся Демиург.

— Какое улыбнись? Ты спятил? Сволочь ты безмозглая, прекрати всё это! Я бы дал тебе власть, силу, деньги, влияние, я подарил бы тебе весь мир! Мы стали бы Богами, но ты предал меня, ты предал самого себя, проклятый Саркис, исчадие ада!

— А знаешь почему я предал тебя? Потому что предательство в нашей крови. Не так ли, златовласый мятежник, предатель и отступник?

Демиург заверещал снова, перестав ощущать своё тело. Оно почти полностью растворилось в воздухе когда он зашипел, превратился в юркого чёрного змея. Противного, склизкого, лживого шипящего ящера, который по-прежнему бился в крепкой хватке своей совести и никак не мог выбраться из могучих рук богатыря.

— Ах ты мраззззззз! Отпуссссссти меня, беззззззззззз полудурок! Я вырвуссссс, я осссстанусь жить! Я любил жить, мразззззззззз! И я сссссмогу выбратссссся отсссссюда, я ссссумею, жалкий раб ссссвоего Отца!

— Полюбил жить, Клейтон? Вспомни Эдем, тогда ты шипел совершенно по-другому. Помнишь ведь? Ящер, твоя душа тоже умирает. Змее скоро конец, ты рассеиваешься, впрочем как и я. В этом был весь ты, старый шепелявый искуситель! Наконец ты показал свою душу, своё сердце, свою истинную сущность. Ты просто подлый чёрный змей, Демиург...

Саркис растворялся, с любовью смотря на пытающегося вырваться прыткого извилистого ящера. Ящера, которым и был Клейтон. Ящера, который оказался совершенно бессилён перед лицом смерти.

Пространство побелело и Клейтон, разделённый на два тела, развеялся лёгкой дымкой, тут же растёкшейся по приходящему в себя межмировому пространству. И дымка эта ещё долго бороздила просторы, покуда не испарилась окончательно, не растаяла, не потерялось в этой большущей Вселенной, где даже великий мятежник Клейтон был жалкой каплей в

громадном море из погибших и живых человеческих душ. Он мнил себя исключительным, мнил себя великим, ощущал себя Создателем и Творцом, хотя всё что осталось после него — это невесомая дымка, летающая среди ярких-ярких звёзд.

Межмировое пространство было почти бесшумным. Здесь Богом тоже был не Клейтон. Богом здесь была сама тишина.

Больше книг на сайте - Knigoed.net